

ISSN 2409-8701 www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

ПСИХОЛОГ

AURORA Group s.r.o.
nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 05-09-2024

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Богоявленская Диана Борисовна, доктор психологических наук, tro-120@mail.ru

ISSN: 2409-8701

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 05-09-2024

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Bogoyavlenskaya Diana Borisovna, doktor psikhologicheskikh nauk, mpo-120@mail.ru

ISSN: 2409-8701

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редсовет

Харитонов Александр Николаевич — кандидат психологических наук, доцент, президент Русского психоаналитического общества. Московский городской психоэндокринологический центр. 119002, Россия, Москва, ул. Арбат, 25-2.

Богоявленская Диана Борисовна — доктор психологических наук, профессор, почётный работник Российской академии образования, заслуженный деятель науки РФ, зав. лабораторией Психологического института Российской академии образования. 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 9, строение 4.

Леонтьев Дмитрий Алексеевич — доктор психологических наук, профессор, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11, строение 9.

Розенова Марина Ивановна — доктор психологических наук, доцент, профессор Московского государственного областного университета. 105005, Россия, Москва, ул. Радио, д. 10.

Россохин Андрей Владимирович — доктор психологических наук, старший научный сотрудник факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11, строение 9.

Белинская Елена Павловна - доктор психологических наук, профессор, кафедра социальной психологии, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова .

Пазухина Светлана Вячеславовна – доктор психологических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого", 300026, г. Тула, проспект Ленина, 125pazuhina@mail.ru

Борзова Татьяна Владимировна – доктор психологических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Тихоокеанский государственный университет», профессор кафедры психологии. 680000, Россия, Хабаровск, ул. Карла Маркса, 68, borzova_tatiana@mail.ru

Овруцкий Александр Владимирович – доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой речевой коммуникации и издательского дела Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета, 344006, г. Ростов-на-Дону, Пушкинская, 150, оф. 14, alexow@mail.ru

Намли Елена (Namli Elena) – доктор этики, профессор Упсальского университета (Швеция). Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies. Box 514 SE 751 20 Uppsala – Sweden.

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук, шеф-редактор журнала «Личность. Культура. Общество». Институт философии Российской академии наук. 119991, Россия, Москва, ул. Волхонка, 14/1, строение 5.

Спирова Эльвира Маратовна — доктор философских наук, и.о. заведующей сектором истории антропологических учений Института философии Российской академии наук; Россия, г. Москва, Гончарная ул., 12 стр.1, Москва, 109240

Фишер Норберт (Fischer Norbert) — доктор, профессор, заведующий кафедрой основных философских вопросов богословия Католического университета в Айхштете (Германия). Katholische Universitaet Eichstaett-Ingolstadt. VdRSSD e.V. – Storksbrede 7 59073 Hamm (Westf.) – Germany.

Шестопад Елена Борисовна — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой политической социологии и психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет. 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус "Шуваловский".

Березанцев Андрей Юрьевич - доктор медицинских наук, профессор по специальности "Психиатрия", врач-психиатр, главный научный сотрудник образовательного центра Первой московской клинической психиатрической больницы им. Алексеева. E-mail: berintend@yandex.ru

Артемьева Ольга Аркадьевна - доктор психологических наук, ФГБОУ ВО "Иркутский государственный университет", профессор, руководитель лаборатории методологии и истории психологии, 664025, Россия, г. Иркутск, ул. Чкалова, 2, каб. 205, oaartemeva@yandex.ru

Гельман Виктор Яковлевич - доктор технических наук, ФГБОУ ВО Северо-Западный государственный медицинский университет им. И.И. Мечникова Минздрава России., профессор, 196066, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Авиационная, 9, кв. 31, gelm@sg2104.spb.edu

Енгальчев Вали Фатехович - доктор психологических наук, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Руководитель Научно-исследовательского центра судебной экспертизы и криминалистики , 248002, Россия, Калужский область, г. Калуга, ул. Лесная, 59, valiyen@gmail.com

Каширский Дмитрий Валерьевич - доктор психологических наук, ФГБОУ ВО "Российский государственный социальный университет", профессор факультета психологии, 129226, Россия, г. г Москва, ул. В. Пика, 4, оф. стр. 1, psymath@mail.ru

Краснянская Татьяна Максимовна - доктор психологических наук, АНО ВО "Московский гуманитарный университет", профессор кафедры общей, социальной психологии и истории психологии, 107207, Россия, столичный, г. Москва, ул. Уральская, д.6, к.5, кв. 34, ktm8@yandex.ru

Куликов Леонид Васильевич - доктор психологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет, профессор кафедры социальной психологии , 195297, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Светлановский пр. 70. к.1, 137, кв. 137, leon-piter@mail.ru

Макарова Елена Александровна - доктор психологических наук, Донской государственный технический университет, профессор кафедры общей и консультативной психологии, 347930, Россия, г. Таганрог, ул. Ей1ская, 13, makarova.h@gmail.com

Рубцова Надежда Евгеньевна - доктор психологических наук, АНО ВО "Российский новый университет", профессор кафедры общей психологии и психологии труда, 170008, Россия, Тверская область, г. Тверь, ул. Склизкова, дом 27, корпус 1, кв. кв.

77, hope432810@yandex.ru

Тагариева Ирма Рашитовна - доктор педагогических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы», заместитель научного руководителя Научно-исследовательского института стратегии развития образования, 450077, Россия, республика Респ Башкортостан, г. Уфа, ул. Энгельса, 1/1, кв. 56, irma_levina@mail.ru

Шевелёва Светлана Анатольевна - доктор медицинских наук, заведующий лабораторией, ФГБУН «ФИЦ питания и биотехнологии», 109240, Россия, Москва, Устьинский проезд, 2/14 Sheveleva@ion.ru

Editorial collegium

Kharitonov Alexander Nikolaevich — Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, President of the Russian Psychoanalytic Society. Moscow City Psychoendocrinological Center. 25-2 Arbat str., Moscow, 119002, Russia.

Bogoyavlenskaya Diana Borisovna — Doctor of Psychological Sciences, Professor, Honorary Worker of the Russian Academy of Education, Honored Scientist of the Russian Federation, Head. laboratory of the Psychological Institute of the Russian Academy of Education. 125009, Russia, Moscow, Mokhovaya str., 9, building 4.

Leontiev Dmitry Alekseevich — Doctor of Psychological Sciences, Professor, Professor of Lomonosov Moscow State University. 11 Mokhovaya str., building 9, Moscow, 125009, Russia.

Rozenova Marina Ivanovna — Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Professor of Moscow State Regional University. 10, Radio str., Moscow, 105005, Russia.

Rossokhin Andrey Vladimirovich — Doctor of Psychological Sciences, Senior Researcher at the Faculty of Psychology of Lomonosov Moscow State University. 11 Mokhovaya str., building 9, Moscow, 125009, Russia.

Belinskaya Elena Pavlovna - Doctor of Psychological Sciences, Professor, Department of Social Psychology, Lomonosov Moscow State University.

Svetlana V. Pazukhina – Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Tolstoy Tula State Pedagogical University", 300026, Tula, Lenin Avenue, 125pazuhina@mail.ru

Borzova Tatiana Vladimirovna – Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "Pacific State University", Professor of the Department of Psychology. 680000, Russia, Khabarovsk, Karl Marx str., 68, borzova_tatiana@mail.ru

Ovrutsky Alexander Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Speech Communication and Publishing of the Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication of the Southern Federal University, Pushkinskaya 150, office 14, Rostov-on-Don, 344006, alexow@mail.ru

Namli Elena – Doctor of Ethics, Professor at Uppsala University (Sweden). Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies. Box 514 SE 751 20 Uppsala – Sweden.

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Chief editor of the journal "Personality. Culture. Society". Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 14/1 Volkhonka str., building 5, Moscow, 119991, Russia.

Elvira Maratovna Spirova — Doctor of Philosophy, Acting Head of the Section of the History of Anthropological Teachings of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences; Russia, Moscow, Goncharnaya str., 12 p.1, Moscow, 109240

Fischer Norbert is a doctor, professor, head of the Department of Basic Philosophical Questions of theology at the Catholic University in Eichstatt (Germany). Katholische Universitaet Eichstaett-Ingolstadt. VdRSSD e.V. – Storksbrede 7 59073 Hamm (Westf.) –

Germany.

Elena Borisovna Shestopal — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Political Sociology and Psychology of Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy. 119991, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University, educational and scientific building "Shuvalovsky".

Berezantsev Andrey Yuryevich - Doctor of Medical Sciences, professor in the specialty "Psychiatry", psychiatrist, chief researcher of the educational center of the First Moscow Clinical Psychiatric Hospital named after Alekseev. E-mail: berintend@yandex.ru

Artemyeva Olga Arkadyevna - Doctor of Psychological Sciences, Irkutsk State University, Professor, Head of the Laboratory of Methodology and History of Psychology, 664025, Russia, Irkutsk, Chkalova str., 2, room 205, oaartemeva@yandex.ru

Gelman Viktor Yakovlevich - Doctor of Technical Sciences, I.I. Mechnikov Northwestern State Medical University of the Ministry of Health of Russia, Professor, 196066, Russia, Saint Petersburg, Aviatzionnaya str., 9, sq. 31, gelm@sg2104.spb.edu

Engalychev Vali Fatekhovich - Doctor of Psychological Sciences, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, Head of the Scientific Research Center for Forensic Examination and Criminalistics, 59 Lesnaya str., Kaluga, 248002, Russia, Kaluga Region, valiyen@gmail.com

Kashirsky Dmitry Valeryevich - Doctor of Psychological Sciences, Russian State Social University, Professor of the Faculty of Psychology, 129226, Russia, Moscow, V. Pika str., 4, of. p. 1, psymath@mail.ru

Krasnianskaya Tatiana Maksimovna - Doctor of Psychological Sciences, ANO VO "Moscow Humanitarian University", Professor of the Department of General, Social Psychology and History of Psychology, 107207, Russia, Stolichny, Moscow, Uralskaya str., 6, room 5, sq. 34, ktm8@yandex.ru

Leonid V. Kulikov - Doctor of Psychological Sciences, St. Petersburg State University, Professor of the Department of Social Psychology, 195297, Russia, St. Petersburg, ul. Svetlanovsky ave. 70. k.1, 137, sq. 137, leon-piter@mail.ru

Makarova Elena Aleksandrovna - Doctor of Psychological Sciences, Don State Technical University, Professor of the Department of General and Consultative Psychology, 13, Yeiskaya str., Taganrog, 347930, Russia, makarova.h@gmail.com

Rubtsova Nadezhda Evgenievna - Doctor of Psychological Sciences, ANO VO "Russian New University", Professor of the Department of General Psychology and Labor Psychology, 170008, Russia, Tver region, Tver, ul. Sklizkova, house 27, building 1, sq. sq. 77, hope432810@yandex.ru

Tagarieva Irma Rashitovna - Doctor of Pedagogical Sciences, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla", Deputy Scientific Director of the Research Institute of Educational Development Strategy, 450077, Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa, Engels str., 1/1, sq. 56, irma_levina@mail.ru

Sheveleva Svetlana Anatolyevna - Doctor of Medical Sciences, Head of the laboratory,
FGBUN "FITZ nutrition and Biotechnology", 109240, Russia, Moscow, Ustinsky proezd, 2/14
Sheveleva@ion.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]

[2]

[3]

[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне

E-mail: info@nbpublish.com

или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невозстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенно важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Лапсарь М.В. Взаимосвязь проявления агрессивного поведения с особенностями личности как формы девиации современного подростка	1
Харитонов А.И., Комягина Н.В. Сравнительный анализ мотивации спортсменов как предиктора стажа спортивной деятельности	16
Мордас Е.С. Насилие в семье и материнская перверсия	28
Сунгурова Н.Л., Хонина С.Ю. Особенности взаимосвязи самопредъявления и образа физической привлекательности у участников онлайн-сообществ, идеализирующих культ внешности	45
Будякова Т.П. Виктимные свойства личности в пожилом возрасте	60
Англоязычные метаданные	76

Contents

Lapsar' M.V. The Relationship between the Manifestation of Aggressive Behavior and Personality Traits as a Form of Deviation of a Modern Teenager	1
Kharitonova A.I., Komyagina N.V. Comparative analysis of athletes' motivation as a predictor of sports activity experience	16
Mordas E.S. Domestic violence and maternal perversion	28
Sungurova N.L., Honina S.Y. Features of the relationship between self-expression and the image of physical attractiveness among participants of online communities idealizing the cult of appearance.	45
Budyakova T.P. Victim personality traits in old age	60
Metadata in english	76

Психолог

Правильная ссылка на статью:

Лапсарь М.В. Взаимосвязь проявления агрессивного поведения с особенностями личности как формы девиации современного подростка // Психолог. 2024. № 4. DOI: 10.25136/2409-8701.2024.4.71116 EDN: EFFVOM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71116

Взаимосвязь проявления агрессивного поведения с особенностями личности как формы девиации современного подростка

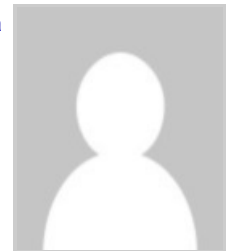
Лапсарь Маргарита Владимировна

ORCID: 0000-0001-5295-383X

адъюнкт, кафедра социально-гуманитарных дисциплин; Краснодарский университет МВД России

350053, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Агрономическая, 2/5

✉ margaret-1572@yandex.ru

[Статья из рубрики "Индивид и личность"](#)

DOI:

10.25136/2409-8701.2024.4.71116

EDN:

EFFVOM

Дата направления статьи в редакцию:

25-06-2024

Дата публикации:

03-07-2024

Аннотация: Одной из актуальных проблем современного общества является агрессивное поведение подростков. Несмотря на большое количество исследований, посвящённых данной теме, вопрос об определении агрессии как междисциплинарного явления, а также причины и условия проявления её у подростков остаётся дискуссионным и требует дополнительного изучения в связи с тем, что сегодня агрессия является не просто поведенческой реакцией, но и может трансформироваться в устойчивую модель девиантного поведения. Общество испытывает объективную потребность в разрешении вопроса о профилактике подростковой агрессии и уточнения её причин. Автором сделано предположение и эмпирически проверено, что агрессивное поведение в крайней форме – в форме девиантного поведения – имеет связь с

неудовлетворенными потребностями и уровнем самооценки подростка. Исследование проводилось с использованием методик диагностики уровня агрессивности А. Басса и А. Дарки для определения типичных форм агрессивного поведения, оценки склонности к девиантному поведению Э.В. Леус, изучения степени удовлетворенности потребностей учащихся А.А. Андреева и теста «Самооценка личности» С.В. Ковалёва. Научная новизна исследования состоит в получении нового знания относительно различий между самооценкой и особенностями потребностной сферы подростков, проявляющими склонность к девиантному поведению, и без такой склонности. В результате проведения исследования установлено, что высокий уровень агрессии проявляется в выраженной склонности к девиантному поведению. Также установлено, что уровень агрессии прямо связан с неудовлетворенными потребностями в безопасности и социальных контактах, а также выявлена связь высокого уровня агрессии с неадекватным (завышенным или заниженным) уровнем самооценки подростков. Подростки склонны к проявлению реакции группирования и влиянию со стороны референтно значимой группы, что подтверждено высокими показателями выраженности социально-обусловленного поведения. Неспособность удовлетворить указанные потребности в совокупности с особенностями возрастного периода выражается в занижении или завышении подростком самооценки, что означает неспособность им адекватно воспринимать себя и окружающих. Прямым следствием этого является выраженность агрессии и её трансформация из поведенческой реакции в устойчивую форму девиантного поведения.

Ключевые слова:

агрессия, агрессивное поведение, самооценка, подростковый кризис, потребности, подростковый возраст, девиантное поведение, личностные особенности, социально обусловленное поведение, формы девиантного поведения

Введение.

Сегодня одной из наиболее актуальных проблем, беспокоящих общество, является проблема девиантного поведения подростков. Несмотря на констатацию факта снижения подростковой преступности в целом [\[1, из выступления В.В. Путина на расширенном заседании коллегии МВД России\]](#), мы отмечаем, что проявление различных форм девиантного поведения подростков продолжает оставаться в объекте повышенного внимания социума. Вследствие влияния многих факторов: личностных особенностей подростков, переживания ими возрастного кризиса, влияния сверстников и старших по возрасту лиц, популяризации различных девиаций в СМИ и массовой культуре, повсеместного освещения резонансных преступлений, жестокости, агрессии – мы отмечаем не только повышение тенденции на формирование девиантного поведения, но и расширение его возможных форм [\[2\]](#).

Одним из типичных вариантов проявления подросткового кризиса является агрессивное поведение, к которому и в социальной, и в научной среде сложилось неоднозначное отношение. С одной стороны, агрессивное поведение воспринимается как исключительно негативный фактор, не являющейся нормой, или черта характера, проявление которой необходимо пресекать [\[3\]](#). С другой стороны, отдельные исследователи отмечают, что агрессия является естественной реакцией личности на опасность, одним из инструментов адаптации к меняющимся условиям окружающей среды, в том числе, и к возрастным изменениям [\[4\]](#). Такое неоднозначное отношение к агрессивному поведению

обосновывает существование двух полярных направлений работы с ней: подавлению или обучению контролю агрессивных проявлений.

Однако несмотря на то, что агрессивное поведение не всегда означает наличие личностных отклонений или иных проблем, важно понимать, что сегодня агрессивное поведение может проявляться как одна из форм девиантного поведения. Этот факт отражен в работах Э.В. Леус [\[5\]](#), а также частично подтвержден и результатами нашего эмпирического исследования, которое показало, что у современных подростков агрессивное поведение часто проявляется по степени выраженности как форма девиации [\[6\]](#).

Причины агрессивного поведения, условия, приводящие к его формированию у подростка, часто становятся предметом научных исследований и приводит к существованию большого количества авторских определений данного явления. Однако анализ отечественных и зарубежных источников позволил нам сделать вывод, что агрессивное поведение понимается как личностная или возрастная черта, и крайне мало существует исследований, рассматривающих особенности личности подростка как фактор трансформации агрессии из поведенческой реакции в форму девиантного поведения. По нашему мнению, исследование агрессии в таком контексте позволит получить более глубокое знание природы агрессивного поведения, особенностей его развития у подростков и понимание связи между личностными особенностями и агрессией-девиацией, что в дальнейшем может послужить базой для формирования методик профилактики и превенции данной формы девиантного поведения. Такой подход позволит акцентировать внимание психологов, педагогов и родителей на признаках трансформации агрессивного защитного поведения в устойчивую форму девиации с целью его предупреждения. А также способствует пониманию границы между возрастными проявлениями агрессии и началом формирования акцентуаций характера с целью воспитания более гармоничной личности.

Обзор литературы.

Одним из дискуссионных вопросов современной психологии является определение понятий агрессии и агрессивного поведения. С.В. Невенчанный задаётся вопросом: агрессия представляет собой характеристику поведения или само поведение? [\[7, С. 301\]](#) Из этого вопроса и происходит разноплановость отношения к агрессии у подростков, что является значимым аспектом в контексте нашего исследования, требующим уточнения.

Говоря об агрессии, необходимо рассмотреть авторские подходы к определению её природы без связи с подростковыми особенностями. Нами упомянуто, что исследователи агрессии условно придерживаются двух крайних позиций: рассмотрению агрессии исключительно в негативном ракурсе и нейтральном.

Первопричиной агрессии и агрессивного поведения является биологический инстинкт человека – борьба за выживание. По мнению Б. Крейхи, чем большее количество агрессивной энергии имеется в данный момент, тем меньшей силы стимул нужен для того, чтобы агрессия выплеснулась вовне [\[12\]](#). Разделяют данную концепцию Д. Хьелл и Д. Зиглер, отмечая, что явно агрессивные действия представляют собой результат большого количества накопленной агрессивной энергии и внешних стимулов, поспособствовавших её разрядке [\[13\]](#).

Агрессия как деструктивное проявление человеческой активности исследуется в работах Х. Дельгаро, который утверждал, что человеческая агрессивность – это поведенческая

реакция, направленная на причинение ущерба или вреда личности, обществу [8]. Аналогичных взглядов придерживается и С.В. Невенчаный, определяя агрессию как «мотивированное, разрушительное поведение...противоречащее нормам существования людей в данном культурном обществе» [7, с. 308].

Представителем второго подхода является Ф. Аллан, говорящий об агрессии как о внутренней силе, позволяющей человеку противостоять внешним силам [7]. Э. Фромм исследует агрессию как реакцию личности на враждебную действительность [9].

Конкретизируя анализ научных исследований в области изучения агрессивного поведения подростков, выделим основные направления. По мнению М.А. Котелевской, агрессивное поведение подростков формируется в связи с конфликтом между его и общественными ценностными ориентациями [10]. О.А. Ткачук и К.А. Корнилов считают, что возможным условием формирования агрессивного поведения выступают процесс воспитания и влияние на подростка старших лиц [4]. Ю.Б. Можгинский видел в агрессии способ, избираемый подростком для защиты своей автономии [11].

В целом проведенный анализ научных источников позволил нам сделать следующие выводы. Во-первых, понятия «агрессии», «агрессивного поведения» и «агрессивности» в настоящее время являются дискуссионными, имеют большое разнообразие авторских трактовок и рассматриваются в различных концепциях. В контексте нашего исследования мы будем придерживаться позиции С.В. Невенчанного, который не видит необходимости в разделении указанных понятий и рассматривает их как синонимичные. В целом под агрессией мы будем понимать мотивированное, разрушительное поведение, противоречащее нормам общества, приносящее в своем результате реальный ущерб.

Во-вторых, исследователи агрессивного поведения подростков в большинстве своём связывают его проявление с различными социальными факторами и особенностями взаимодействия личности со средой или видят в качестве его причины специфику переживания возрастного кризиса без связи с личностными особенностями самой личности подростка.

В рамках нашего исследования, опираясь на теоретические работы Х. Дельгаро, С.В. Невенчанного и Ю.Б. Можгинского, мы постараемся эмпирически развести понятия возрастного агрессивного поведения и агрессивного девиантного поведения, которое может нанести ущерб обществу или отдельным личностям, с целью определения направлений профилактики девиантной агрессии подростков.

Описание исследования.

Цель исследования – определение личностных особенностей современных подростков в их взаимосвязи с выраженностью у них агрессивного поведения как одной из форм девиации.

Для достижения поставленной цели было необходимо выполнить несколько конкретных задач:

- провести эмпирическое исследование выраженности общего уровня агрессии для разделения группы респондентов с высокими и нормативными показателями;
- определить типичные формы агрессивного поведения для каждой группы респондентов и выявить у них такие личностные особенности как уровень самооценки и уровень

удовлетворенности базовых потребностей, а также склонность к девиантному поведению;

– обобщить результаты, полученные в ходе эмпирического исследования и сделать вывод по взаимосвязи агрессивного поведения и особенностей личности современного подростка.

Объект исследования – агрессивное поведение как форма девиантного поведения современных подростков.

Предмет – взаимосвязь особенностей личности подростков и агрессивного поведения.

Гипотеза исследования: агрессивное поведение как форма девиантного поведения связано с уровнем самооценки современного подростка и степенью удовлетворенности им основных потребностей. Неспособность удовлетворить потребности в безопасности и социальных контактах в сочетании с выраженном занижении или завышении подростком самооценки будет давать рост агрессивного поведения до уровня девиантности.

Исследование проводилось в средних образовательных организациях г. Краснодар в январе-марте 2024 года. Выборка составила 140 человек в возрасте от 15 до 17 лет, гендерный состав выборки – 60% мальчиков и 40% девочек. Участие в исследовании было добровольным и анонимным.

Исследование проводилось с использованием следующих методик: методика диагностики уровня агрессивности А. Басса и А. Дарки, методика оценки склонности к девиантному поведению Э.В. Леус, тест «Самооценка личности», методика «Изучение степени удовлетворенности потребностей учащихся». Для выяснения взаимосвязи между склонностью агрессивным поведением подростков и их особенностями личности был использован корреляционный анализ, достоверность исследования определялась с помощью расчета Критерия Стьюдента.

Полученные результаты исследования по методике диагностики уровня агрессивности А. Басса и А. Дарки позволили комплексно оценить степень выраженности типичных форм агрессивного поведения у респондентов. В рамках проведения данной методики можно оценить степень проявления следующих форм агрессивных реакций: физическая агрессия, косвенная агрессия, негативизм, обида, подозрительность, вербальная агрессия, чувство вины. Необходимо отметить, что у 40% респондентов агрессивность превышает норму, находится в норме у 35% и ниже нормы у 25%. Оценка уровня агрессивных реакций позволила нам разделить испытуемых на две группы, критерий дифференциации – уровень агрессии. В 1 группу были отнесены респонденты с уровнем общего показателя агрессии «выше нормы» – 40% от общего числа, во 2 группу (уровень общей агрессии в норме или ниже нормы) – 60%.

Исследование наиболее характерных форм агрессивной реакции показало, что для респондентов 1 группы наиболее характерна реакция «обида» (45% респондентов). Также, высокие показатели получены по шкалам «вербальная агрессия» и «косвенная агрессия». Обобщенные результаты представлены в диаграмме (Рис. 1):

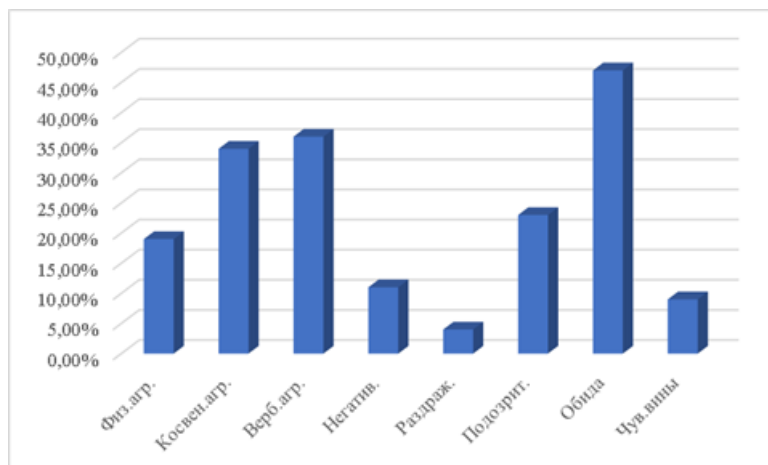

Рис. 1 Диаграмма форм агрессии у респондентов из 1 группы

Проанализируем различия в формах проявляемых агрессивных реакций у 1 и 2 групп (Рис. 2):

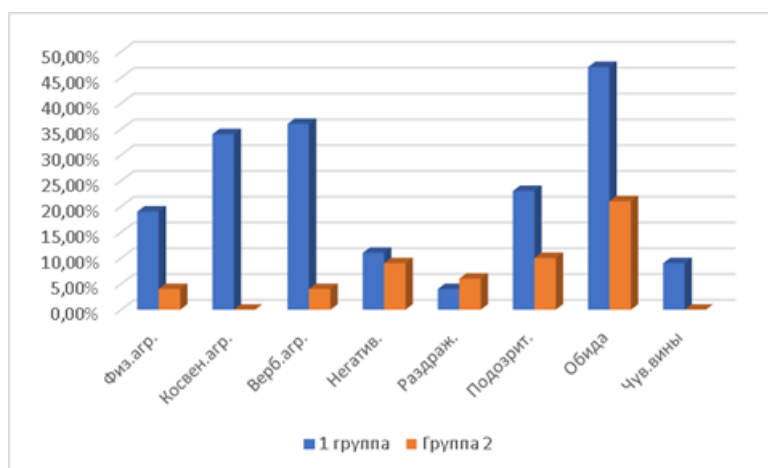

Рис. 2 Диаграмма сравнения проявления форм агрессии у респондентов в обеих группах

Из представленных диаграмм видно, что в подростки с уровнем агрессии, превышающим норму, более склонны к таким агрессивным реакциям как обида, косвенная и вербальная агрессия в то время, как для респондентов с уровнем агрессии, находящимся в пределах или ниже нормы, свойственны обида, негативизм, подозрительность и чувство вины. Следует отметить, что респонденты из обеих групп чаще всего проявляют обиду как форму агрессивной реакции, что является одной из характерных черт подросткового возраста. Обида представляет собой реакцию, основанную на зависти и ненависти к окружающим, проявляющимися на фоне восприятия реальных или вымышленных действий. Зачастую, обида становится одним из факторов низкой самооценки личности.

Далее нами была оценена степень склонности подростков к девиантному поведению по методике Э.В. Леус. Данная методика обладает шкалами социально-обусловленное поведение (просоциальность, настрой на социально одобряемые действия, ориентир на референтную группу); делинквентное поведение (антисоциальность, противоречие правовым нормам), агрессивное поведение (негативизм, вспыльчивость, враждебность), аддиктивное поведение (зависимость, стремление к изменению сознания и уходу от реальности) аутоагрессивное поведение (направление агрессии на самого себе, причинение боли, страданий, увечий). Были получены следующие результаты:

– респонденты из 1 группы проявляют выраженную склонность к агрессивному

поведению и социально-обусловленному поведению, ситуативную – к аутоагрессивному и делинквентному поведению, в меньшей степени выражена склонность к аддиктивному поведению. Мы можем предположить, что именно фактор сдерживания в форме социально-обусловленного поведения дает основу развитию уже возникшему импульсу агрессивного поведения до уровня девиантности.

– респонденты из 2 группы также склонны к социально-обусловленному поведению и не проявляют признаков склонности к другим видам девиантного поведения, что частично можно объяснить отсутствием склонности к агрессии как способу отстаивать свои интересы и использованием социально-приемлемых форм самовыражения.

Таким образом, результаты исследования подтверждают гипотезу о взаимосвязи уровня агрессии у респондентов с такими их личностными особенностями: высокий уровень агрессии сочетается у подростков из 1 группы со склонностью к агрессивному поведению как форме девиации в совокупности с повышенной просоциальностью. Из этого можно сделать вывод, что агрессивное поведение может являться следствием влияния референтной группы или недостаточной адаптацией подростка в коллективе, что и вызывает повышение агрессии до девиантного уровня.

Для определения уровня самооценки личности подростков и её взаимосвязи с уровнем агрессивного поведения нами установлено, что у 30% респондентов из 1 группы выявлен адекватный уровень самооценки. По психодиагностической шкале к используемому нами тесту адекватная самооценка находится в границах среднего уровня. Следует отметить, что адекватный уровень самооценки подростков выражается в правильном соотношении себя и своих возможностей. Благодаря этому подростки редко становятся участниками конфликтов, а в случае его возникновения придерживаются конструктивной позиции. Адекватный уровень самооценки нечасто проявляется в подростковом возрасте. Большинство исследователей сходятся во мнении, что этому подростковому периоду более характерны завышенный или заниженный уровень самооценки.

Завышенный уровень самооценки в 1 группе выявлен у 40% респондентов, причем результаты тестирования данных респондентов соответствуют уровню «неадекватно высокий». Восприятие реальности у таких подростков зачастую ориентировано на эмоции, у них формируется чувство неправильного восприятия себя и своих возможностей. Вследствие этого, неудачу или ошибку подростки с завышенной самооценкой воспринимают как следствие чужих действий, неблагоприятных обстоятельств, а собственное участие отрицают. Зачастую переоценивающие себя подростки характеризуются конфликтностью.

Также 30% респондентов рассматриваемой группы характерен низкий уровень самооценки. Такие подростки часто проявляют пассивность во взаимодействии с окружающими, они не уверены в себе, робки. Неотъемлемым спутником заниженной самооценки является комплекс неполноценности, выражающийся как в чрезмерной требовательности к себе, так и требовательностью к другим, что выражается в высоком уровне конфликтности и нетерпимости.

Во 2 группе респондентов с завышенным уровнем самооценки не выявлено. Адекватный уровень самооценки проявили 75% респондентов, а заниженный – у 25%.

На диаграмме соотношение уровня самооценки неагрессивных и проявляющих агрессию подростков выглядит следующим образом:

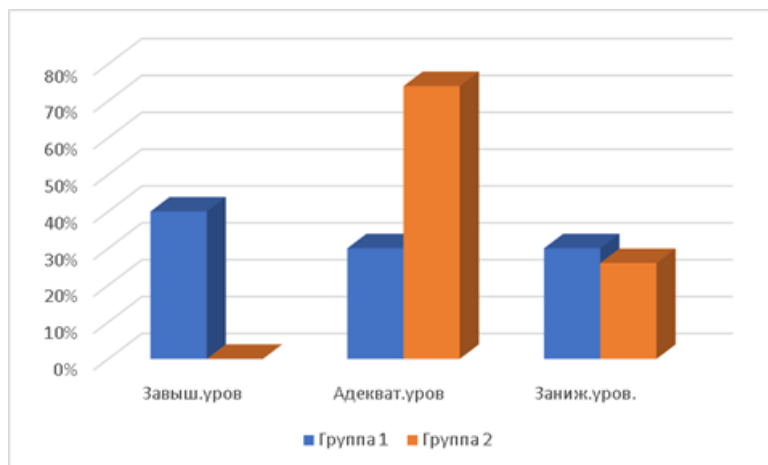

Рис. 3 Диаграмма сравнения уровня самооценки респондентов

Как мы видим, в 1 группе (подростки с выраженным агрессивным поведением) преобладает завышенный уровень самооценки, а во 2 группе (подростки с нормальными или заниженным уровнем агрессии) – адекватный. При этом и агрессивным, и неагрессивным подросткам свойственна заниженная самооценка, из чего мы можем предположить, что высокий уровень агрессии может быть прямым следствием низкой самооценки.

Исследование степени удовлетворенности потребностей респондентов показало следующие результаты:

В 1 группе наименее удовлетворенными являются потребности в безопасности (40%), социальные потребности (25%), материальные потребности (20%), потребности в признании (10%) и самовыражении (5%).

Подростки из 2 группы более нуждаются в удовлетворении потребности в признании (35%), материальных потребностей (26%). Потребность в самовыражении испытывают 17% респондентов, а в безопасности и удовлетворении социальных потребностей по 11% респондентов соответственно.

Потребность в безопасности, более выраженная у респондентов из 1 группы, чем из 2 группы, в сочетании с социальными потребностями может свидетельствовать о неудовлетворенности своим положением в референтной группе: семье, классе, коллективе и т.д. В данном случае потребность в безопасности имеет большее отношение к психологическому благополучию, чем к физиологическому. Неудовлетворенное стремление к общению и признанию вызывает у подростка чувства тревоги, страха, неуверенности. Такое состояние вызывает фрустрацию, а часто избираемым способом самозащиты выступает агрессивное поведение. Здесь мы видим хорошо заметную корреляцию между завышенной или заниженной самооценкой, неудовлетворенностью своим социальным положением и повышенным уровнем агрессии. Это объясняется тем, что находящийся в социальной изоляции подросток без адекватной обратной связи формирует неправильное представление о себе и своих возможностях, поскольку референтной группой для него в данный возрастной период является группа сверстников с аналогичными особенностями восприятия себя и общества. Именно группирование со сверстниками провоцирует усиление ощущения изоляции и стимулирует агрессивность по отношению к социуму, что в дальнейшем может стать устойчивой чертой личности.

Во 2 группе респондентов преобладает потребность в признании, что отражает желание

подростка в самовыражении и самоутверждении в группе. При этом, в отличие от респондентов из 1 группы, неагрессивные подростки в меньшей степени испытывают потребность в безопасности и социальном контакте, из чего мы можем сделать вывод, что такие подростки выбирают конструктивные способы достижения поставленной цели.

Для выяснения взаимосвязи между личностными особенностями подростков и уровнем агрессивности построим корреляционную компьютерную матрицу, для которой введен переменные: 1 – пол респондента, 2 – индекс агрессивности (Иа), 3 – индекс враждебности (Ив), принадлежность к группе – 1, 2, уровень самооценки – 1 (заниженный), 2 (адекватный), 3 (завышенный), комбинация удовлетворенных и неудовлетворенных потребностей.

Полученная корреляционная матрица имеет вид:

Таблица 1. Компьютерная корреляционная матрица

	Пол	Иа	Ив	Группа	Уровень самооценки	Комбинац. потребност.
Пол	1					
Иа	0,193913	1				
Ив	0,164661	0,632426	1			
Группа	0,104402	0,881673	0,4768	1		
Уровень самооценки	-0,07041	0,366042	0,282644	0,407831	1	
Комбинац. потребност.	-0,04766	0,418164	0,153398	0,561928	0,299061	1

Из полученной корреляционной матрицы мы сделали следующие выводы:

- уровень самооценки респондентов связан тенденцией с враждебностью и удовлетворенностью потребностями: для более высокой самооценки характерна более выраженная враждебность, неудовлетворенность потребностями провоцирует неадекватно завышенную самооценку;
- подростки с выраженной агрессией проявляют повышенную враждебность, имеют более высокий уровень самооценки, у них больше неудовлетворенных потребностей.

Статистическая значимость (достоверность) коэффициента Стьюдента для данной выборки равно 3,0 (округление до полного числа). Следовательно, наше исследование достоверно в 99%, так как $3,0 \geq 2,7$.

Заключение.

В теоретическом аспекте нашего исследования мы склонны понимать агрессию и агрессивное поведение как синонимичные понятия, которые могут в дальнейшем нанести ущерб социуму или отдельным личностям на уровне проявления девиантного поведения. Тем не менее, агрессивность в большей степени нами рассматривается как черта личности подростка в контексте возрастного кризиса или защитного поведения.

Анализ результатов проведенного исследования показал, что подростки, проявляющие высокий уровень агрессии, в большинстве случаев склонны к агрессивному поведению как одной из форм девиации. При этом повышенный уровень агрессии имеет прямую связь с неудовлетворенностью потребностей, наиболее значимыми из которых считаем

потребность в безопасности и социальных контактах. Данные потребности имеют такое высокое значение в подростковом возрасте в связи с возрастными особенностями и проявлением подросткового кризиса. Подростки склонны к проявлению реакции группирования и влиянию со стороны референтно значимой группы, что подтверждено высокими показателями выраженности социально-обусловленного поведения. Неспособность удовлетворить указанные потребности в совокупности с особенностями возрастного периода выражается в занижении или завышении подростком самооценки, что означает неспособность им адекватно воспринимать себя и окружающих. Прямым следствием этого является выраженность агрессии и её трансформация из поведенческой реакции в устойчивую форму девиантного поведения.

Проявление агрессии в качестве формы девиантного поведения может стать условием для развития и других форм девиации. Таким образом, повышенный уровень агрессии у подростка требует более пристального внимания со стороны педагогов и родителей в целях недопущения формирования на его основе других негативных поведенческих реакций. Как и с другими проявлениями подросткового кризиса агрессия нуждается в психологическом внимании и обучении подростка формам самоконтроля.

При планировании профилактических мероприятий необходимо учитывать, что высокий уровень самооценки не дает чувство социальной защищенности, а, наоборот, формирует враждебное настроение и провоцирует агрессивное поведение. Поскольку, при высоком уровне выраженности агрессии и враждебности выявлено больше неудовлетворенных потребностей, то, возможно, акцент профилактики необходимо делать именно на способах удовлетворения подростками актуальных потребностей.

Библиография

1. Из выступления В.В. Путина на расширенном заседании коллегии МВД России. Официальные сетевые ресурсы Президента России. – Москва, 2024 – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73770> (дата обращения: 14.05.2024)
2. Лапсарь, М. В. Об актуальности превенции деструктивного поведения несовершеннолетних в интернет-пространстве / М. В. Лапсарь // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2023. – № 3(61). – С. 37-41. – EDN WCTLFS.
3. Нго, Д. Т. Влияние школьной культуры на агрессивное поведение старшеклассников / Д. Т. Нго // Образование и воспитание дошкольников, школьников, молодежи: теория и практика. – 2024. – № 1. – С. 90-101. – EDN OHKDGX.
4. Ткачук, О. А. Агрессивное поведение подростков: причины возникновения и проблемы коррекции / О. А. Ткачук, К. А. Корнилов // Инновационное развитие профессионального образования. – 2018. – Т. 20, № 4. – С. 86-92. – EDN VRMJQW.
5. Леус Э.В. Метод выявления отклоняющегося поведения подростков // Психолого-социальная работа в современном обществе: проблемы и решения: сборник материалов международных научно-практических конференций / Под общ. ред. Ю.П. Платонова. – СПб.: СПбГИПСР, 2012. – С. 204-205. Леус Э.В.
6. Лапсарь М.В. Влияние особенностей восприятия интернет-пространства на формирование девиантных форм поведения современных подростков // Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии (Васильевские чтения-2024): программа международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 26-27 апреля 2024 года / сост.: Юренкова В.А., Рожков А.А., Кобозев И.Ю., Шаранов Ю.А., Ситников В.Л., Духновский С.В.-Санкт-Петербург: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2024.-61 с.
7. Невенчаный, С. В. Понятие агрессивного поведения в современной психологии / С. В. Невенчаный // Наука и современность. – 2011. – № 10-1. – С. 300-309. – EDN

RTWCNV.

8. Распономарева О. В. Агрессия: философские и психиатрические аспекты. М., 2001. 273 с.

9. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности.-М., 1994.

10. Котелевская, М. А. Взаимосвязь агрессии и ценностных ориентаций в подростковом возрасте / М. А. Котелевская // Форум молодых ученых. – 2024. – № 1(89). – С. 58-65. – EDN KLTSWV.

11. Агрессия детей и подростков : клинические особенности и принципы терапии / Ю. Б. Можгинский.-Москва : ГЭОТАР-Медиа, 2023.-86 с.

12. Крэйхи Б. Социальная психология агрессии. СПб.: Питер, 2003. 412 с.

13. Хьелл, Л., Зиглер, Д. Теории личности. Основные положения, исследования и применение [Текст] : учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению и специальностям психологии : [перевод с английского языка : 16+] - 3-е изд. - Санкт-Петербург [и др.] : Питер ; Минск : Питер, 2019. - 606 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной статье является взаимосвязь проявления агрессивного поведения с особенностями личности как формы девиации современного подростка.

В качестве методологии предметной области исследования в данной статье были использованы дескриптивный метод, метод категоризации, метод анализа, метод обобщения, метод сравнения, а также «методика диагностики уровня агрессивности А. Басса и А. Дарки, методика оценки склонности к девиантному поведению Э.В. Леус, тест «Самооценка личности», методика «Изучение степени удовлетворенности потребностей учащихся», корреляционный анализ и критерий Стьюдента.

Актуальность статьи не вызывает сомнения, поскольку в современном обществе девиантное поведение подростков приобретает самые разнообразные формы своего проявления под воздействием множества факторов. Одной из таких форм является агрессия, а проявлениям агрессивного поведения со стороны подростков, а также мерам его профилактики уделяется особое внимание в современном социуме.

Научная новизна исследования состоит в «определении личностных особенностей современных подростков в их взаимосвязи с выраженностью у них агрессивного поведения как одной из форм девиации» путем использования методики диагностики уровня агрессивности А. Басса и А. Дарки, методики оценки склонности к девиантному поведению Э.В. Леус, теста «Самооценка личности» и методики «Изучение степени удовлетворенности потребностей учащихся». В исследовании приняли участие 140 человек в возрасте от 15 до 17 лет, обучающиеся в средних образовательных организациях города Краснодара.

Статья написана языком научного стиля с грамотным использованием в тексте исследования изложения различных позиций ученых к изучаемой проблеме и применением научной терминологии и дефиниций, а также наглядной демонстрацией результатов исследования.

Структура выдержана с учетом основных требований, предъявляемых к написанию научных статей, структура данного исследования включает в себя введение, обзор литературы, описание исследования, обсуждение результатов исследования, заключение и библиографию.

Содержание статьи отражает ее структуру. В частности, особую ценность представляет анализ результатов исследования, характеризующих выявленные «взаимосвязи между личностными особенностями подростков и уровнем агрессивности», что наглядно представлено в таблице 1, отражающей корреляционную матрицу взаимосвязей.

Библиография содержит 11 источников, включающих в себя отечественные периодически и непериодические издания, а также электронный ресурс.

В статье приводится описание различных позиций и точек зрения ученых, характеризующих понимание агрессии как формы девиации и особенностей ее проявления у подростков. В статье содержится апелляция к различным научным трудам и источникам, посвященных этой тематике, которая входит в круг научных интересов исследователей, занимающихся указанной проблематикой.

В представленном исследовании содержатся выводы, касающиеся предметной области исследования. В частности, отмечается, что «подростки, проявляющие высокий уровень агрессии, в большинстве случаев склонны к агрессивному поведению как одной из форм девиации. При этом повышенный уровень агрессии имеет прямую связь с неудовлетворенностью потребностей, наиболее значимыми из которых считаем потребность в безопасности и социальных контактах. Данные потребности имеют такое высокое значение в подростковом возрасте в связи с возрастными особенностями и проявлением подросткового кризиса. Подростки склонны к проявлению реакции группирования и влиянию со стороны референтно значимой группы, что подтверждено высокими показателями выраженности социально-обусловленного поведения. Неспособность удовлетворить указанные потребности в совокупности с особенностями возрастного периода выражается в занижении или завышении подростком самооценки, что означает неспособность им адекватно воспринимать себя и окружающих. Прямым следствием этого является выраженность агрессии и её трансформация из поведенческой реакции в устойчивую форму девиантного поведения».

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, руководством и администрацией образовательных организаций, работниками министерств, ведомств и организаций к ведению которых относятся вопросы работы с молодежью, специалистами по работе с подростками, воспитателями, психологами, социальными педагогами, социологами, аналитиками и экспертами.

В качестве недостатков данного исследования следует отметить, то, что при написании текста статьи целесообразно было бы использовать не только отечественные источники, но и зарубежные, сослаться на них и включить в библиографию. При оформлении таблиц, рисунков и библиографии необходимо обратить внимание на требования действующих ГОСТов, особенно на оформление электронного ресурса (источник № 1 в библиографии, официальные сетевые ресурсы Президента России), а в сноске на этот источник достаточно было указать только номер этого источника. Указанные недостатки не снижают научную и практическую значимость самого исследования, а скорее, относятся к оформлению текста статьи. Статью рекомендуется опубликовать.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования: взаимосвязь агрессивного поведения с особенностями личности подростка.

Методология исследования. Методика диагностики уровня агрессивности А. Басса и А. Дарки, методика оценки склонности к девиантному поведению Э.В. Леус, тест «Самооценка личности», методика «Изучение степени удовлетворенности потребностей учащихся».

Актуальность. Исследование агрессии в контексте трансформации агрессии из поведенческой реакции в форму девиантного поведения может позволить получить более ции данной формы девиантного поведения. В целом идея автора понятна, однако актуаглубокое знание природы агрессивного поведения, особенностей его развития у подростков и понимание связи между личностными особенностями и агрессией-девиацией, что в дальнейшем может послужить базой для формирования методик профилактики и превенльность нуждается в конкретизации. Кроме того, необходимо уточнить гипотезу: «агрессивное поведение как форма девиантного поведения связано с уровнем самооценки современного подростка и степенью удовлетворенности им основных потребностей». В гитотезе должна прослеживаться трансформация.

Научная новизна. Описана взаимосвязь агрессивного поведения с особенностями личности подростка.

Стиль, структура, содержание. Стиль научный. Работа недостаточно структурирована: введение, обзор литературы, описание исследования (указана задача, которая раскрывается в обзоре литературы), обсуждение результатов исследования (разве обсуждение не есть описание?), заключение (опять ссылки на авторов, что типично для обзора литературы).

Рассматриваются теоретические подходы зарубежных и отечественных психологов к понятию «агрессивное» поведение.

После этого приводятся результаты эмпирического исследования.

Выделены две группы. В 1 группу были отнесены респонденты с уровнем общего показателя агрессии «выше нормы» – 40% от общего числа, во 2 группу (уровень общей агрессии в норме или ниже нормы) – 60%.

Подростки 1 группы более склонны к таким агрессивным реакциям как обида, косвенная и вербальная агрессия в то время, как для респондентов 2 группы свойственны обида, негативизм, подозрительность и чувство вины.

высокий уровень агрессии сочетается у подростков из 1 группы со склонностью к агрессивному поведению как форме девиации в совокупности с повышенной просоциальностью.

В 1 группе (подростки с выраженным агрессивным поведением) преобладает завышенный уровень самооценки, а во 2 группе (подростки с нормальными или заниженным уровнем агрессии) – адекватный. При этом и агрессивным, и неагрессивным подросткам свойственна заниженная самооценка.

«Потребность в безопасности, более выраженная у респондентов из 1 группы, чем из 2 группы, в сочетании с социальными потребностями может свидетельствовать о неудовлетворенности своим положением в референтной группе: семье, классе, коллективе и т.д. В данном случае потребность в безопасности имеет большее отношение к психологическому благополучию, чем к физиологическому. Неудовлетворенное стремление к общению и признанию вызывает у подростка чувства тревоги, страха, неуверенности. Такое состояние вызывает фрустрацию, а часто избираемым способом самозащиты выступает агрессивное поведение. Здесь мы видим хорошо заметную корреляцию между завышенной или заниженной самооценкой, неудовлетворенностью своим социальным положением и повышенным уровнем агрессии». Видимо здесь автор видит трансформацию агрессивного поведения в личностные особенности. Данный тезис нуждается в большом обосновании.

Далее автор строит корреляционную матрицу для выяснения взаимосвязи между

личностными особенностями подростков и уровнем агрессивности.

Библиография посвящена агрессивному, деструктивному поведению подростков. Отсутствуют иностранные авторы.

Апелляция к оппонентам отсутствует.

Выводы: «- уровень самооценки респондентов связан тенденцией с враждебностью и удовлетворенностью потребностями: для более высокой самооценки характерна более выраженная враждебность, неудовлетворенность потребностями провоцирует неадекватно завышенную самооценку;

– подростки с выраженной агрессией проявляют повышенную враждебность, имеют более высокий уровень самооценки, у них больше неудовлетворенных потребностей». Выводы вполне адекватные, но они обобщающие, их надо делать в заключении, а не только при обсуждении результатов.

Кроме того, выводы должны включать результаты теоретического анализа.

Интерес читательской аудитории: после исправления недостатков может быть интересна.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью «Взаимосвязь проявления агрессивного поведения с особенностями личности как формы девиации современного подростка»

Предмет исследования - взаимосвязь особенностей личности подростков и агрессивного поведения.

Методология исследования построена на традиционных методах психологического исследования. В первой части есть короткое описание важности подхода и темы девиантного поведения. Важно, что автор строит методологию на совокупности подходов отечественных и зарубежных авторов.

Рекомендуется представить обобщение и сравнение наработанных в зарубежной и отечественной психологии подходов к профилактике конфликтов. Автором используется обзор 12 литературных источников, что вполне достаточно в русле заявленной темы.

Прикладная часть в исследовании направлена на сравнении двух групп испытуемых, которые разделены на основе дифференциации по уровню агрессии. Рекомендую дать условные названия данным группам для терминологической упрощения восприятия материалы исследования читателями статьи.

В исследовании приняли участие 140 человек в возрасте от 15 до 17 лет, из них – 60% мальчиков и 40% девочек. Сроки проведения исследования - в январе-марте 2024 года.

Автор указывает, что исследование проводилось в средних образовательных организациях г. Краснодар. Важно указать, о каких конкретно образовательных организациях идет речь. Можно догадаться, что речь про общеобразовательные организации, но важно это сформулировать.

В качестве психодиагностических методик автор использует следующие:

1. методика диагностики уровня агрессивности А. Басса и А. Дарки,
2. методика оценки склонности к девиантному поведению Э.В. Леус,
3. тест «Самооценка личности»,
4. методика «Изучение степени удовлетворенности потребностей учащихся».

Для математической обработки данных применен анализ средних значений, корреляционный анализ.

Актуальность представленной статьи не вызывает сомнения. Интерес к изучению

девиантного поведения обусловлен теоретической и практической значимостью. Важно, что автор не только проводит обзор исследований по теме, но и проводит конкретное прикладное исследование со сравнением двух групп.

Актуальность могла бы быть усилена, если бы автор добавил в статью рекомендации по работе с подростками, проявляющими девиантное поведение.

Научная новизна связана с заявленной целью работы - определение личностных особенностей современных подростков в их взаимосвязи с выраженностью у них агрессивного поведения как одной из форм девиации.

Стиль, структура, содержание

Статья имеет традиционную структуру – вводная, основная и заключительная части.

Вводная часть обосновывает выбор темы. Она достаточно проработана. Важно, что автор описывает понятийный аппарат, ссылаясь на научные подходы наших известных авторов и зарубежных ученых. Но не представлены исследования именно по профилактике конфликтов. Важно проанализировать профилактику конфликтов именно в творческих коллективах, на примере которого автор проводит исследование.

В основной части статьи автор работает над заявленной в начале статьи гипотезой - агрессивное поведение как форма девиантного поведения связано с уровнем самооценки современного подростка и степенью удовлетворенности им основных потребностей. Неспособность удовлетворить потребности в безопасности и социальных контактах в сочетании с выраженном занижении или завышении подростком самооценки будет давать рост агрессивного поведения до уровня девиантности.

При оформлении таблиц рекомендую дать полные обозначения, а не аббревиатуры. Или дать ссылку на условные обозначения. В матрице корреляции необходимо указать статистически значимые коэффициенты с помощью традиционных знаков */**/***, которые характеризуют статистическую достоверность.

Стиль изложения материала соответствует требованиям научности, но при этом он вполне доступен для восприятия. В диаграммах нужно добавить значение показателей (можно разместить над столбиками).

Библиография

Насчитывает 12 наименований литературных источников, большинство из которых статьи в журналах и публикации в сборниках Форума. Также представлены источники на английском языке. Среди представленных источников есть вполне свежие (даже 2023 г.г.), что обеспечивает актуальность раскрытия темы.

Апелляция к оппонентам – статья соответствует требованиям, предъявляемым к статьям для публикации в журналах из перечня ВАК, и может быть рекомендована к публикации несмотря на незначительные замечания.

Рекомендации:

- 1) Обозначить тип образовательных организаций, на базе которых проводилось исследование;
- 2) Дать названия группам респондентов.
- 3) Оптимизировать визуально-графическое представление результатов исследования.

Выводы, интерес читательской аудитории – после исправления недостатков статья вызовет интерес читательской аудитории, заинтересованной в изучении личностных особенностей. Она будет полезна широкому кругу лиц - психологам, преподавателям, психотерапевтам, а также студентам, обучающимся по психологическим направлениям.

Психолог

Правильная ссылка на статью:

Харитонов А.И., Комягина Н.В. Сравнительный анализ мотивации спортсменов как предиктора стажа спортивной деятельности // Психолог. 2024. № 4. DOI: 10.25136/2409-8701.2024.4.43971 EDN: YANFLO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43971

Сравнительный анализ мотивации спортсменов как предиктора стажа спортивной деятельности

Харитонов А.И.

ORCID: 0000-0003-3818-0580

кандидат психологических наук

тренер спортивной команды по дзюдо и самбо, Центральный спортивный клуб Армии

125167, Россия, г. Москва, ул. Ленинградский Проспект, 39

✉ kharitosha85@mail.ru

Комягина Н.В.

тренер отделения дзюдо, ГБОУ ЦСиО "Самбо 70"

115162, Россия, г. Москва, ул. Мятная, 42, стр.1

✉ knv737@mail.ru

[Статья из рубрики "Мотивация и духовность личности"](#)

DOI:

10.25136/2409-8701.2024.4.43971

EDN:

YANFLO

Дата направления статьи в редакцию:

06-09-2023

Аннотация: Изучение мотивационных факторов позволит поддержать интерес у начинающих спортсменов к занятиям спортом, повысить эффективность их деятельности, а значит к увеличению спортивного стажа. Цель данного исследования – провести сравнительный анализ спортивной мотивации юношей и девушек, и выявить мотивы, которые выступают предикторами стажа спортивной деятельности. В исследовании приняли участие 173 человека в возрасте от 11 до 18 лет, занимающихся дзюдо и самбо

в Детско-юношеских спортивных школах, из них девушек – 71 человек и юношей – 102 человека. Методики исследования: «Изучение мотивов занятий спортом» В. И. Тропникова, «Шкала спортивной мотивации (Sport Motivation Scale)» в адаптации Касаткина В. Н., Выходец И. Т., Бочавера К. А., Квитчастого А. В. В результате исследования были выявлены доминирующие мотивы занятия спортом. Методом U-критерий Манна-Уитни и дисперсионного анализа были показаны различия в мотивационной сфере спортсменов. Множественный регрессионный анализ позволил определить предикторы стажа спортивной деятельности: для девушек значимыми предикторами являются общение, приобретение полезных для жизни умений и знаний, демотивация, коллективистическая направленность, развитие характера и психических качеств. Для юношей предикторами выступили материальные блага и коллективистическая направленность. Полученные результаты исследования могут быть рекомендованы тренерскому и преподавательскому составу в области физкультуры и спорта для привлечения юношей и девушек к занятиям спортом, а также для максимального продления их спортивного стажа.

Ключевые слова:

мотивация, спортсмен, спортивная деятельность, спортивный стаж, доминирующие мотивы, спортивная мотивация, предиктор стажа, внешняя мотивация, внутренняя мотивация, мотивационный профиль

Введение. Мотивация связана с любым видом деятельности и является побудителем к действию, обуславливающий конечный результат [\[26\]](#). Мотивированный человек успешно осуществляет любое дело и способен максимально отдавать все свои силы в достижении поставленных целей. Особенно наглядно это проявляется в спорте [\[15\]](#).

Мотивацию в спортивной деятельности изучали (Г. Д. Бабушкин, Е. П. Ильин, Дж. Кретти, Р. М. Найдиффер, Ю. Ю. Палайма, Р. А. Пилюн, В. И. Тропников, А. В. Шаболтас, Б. П. Яковлев и многие другие).

Мотивация определяется как «особое состояние личности спортсмена, формирующееся в результате соотнесения им своих потребностей и возможностей с предметом спортивной деятельности, служащее основой для постановки и осуществления целей, направленных на достижение максимально возможного на данный момент спортивного результата» [\[14, с.13\]](#).

Мотивация побуждает и направляет спортсменов к эффективным действиям в конкретных ситуациях [\[22\]](#), стимулирует к максимальному раскрытию своих способностей [\[12\]](#), к достижению вершин мастерства [\[18\]](#).

Выделяют два типа мотивации: внутреннюю и внешнюю [\[32\]](#), которая может меняться на протяжении всей спортивной карьеры [\[8\]](#). Успешное развитие спортсмена и достижение им спортивных результатов возможно только при правильном соотношении двух типов мотивации [\[20\]](#).

Внутренняя мотивация характеризуется «внутренним желанием спортсмена выполнять отдельные задачи, и определенные действия, которые доставляют удовольствие и развивают определенные навыки. В то время как внешняя мотивация является

мотивационным фактором, внешним по отношению к спортсмену и не связанным с задачей, которую он выполняет» [\[10, с. 200\]](#).

Полный анализ мотивации также включает амотивацию, которая относится к отсутствию мотивации. Амотивированные люди относительно бесцельны в отношении деятельности, имеют небольшую мотивацию (внутреннюю или внешнюю) для ее выполнения [\[34\]](#). Отсутствие спортивной мотивации может быть причиной ухода атлета из спорта [\[23\]](#).

В начале спортивного пути нужно заинтересовать юного спортсмена в необходимости заниматься спортом, поддерживая созданный интерес крепкими мотивами, тем самым создавая мотивацию к дальнейшей деятельности [\[3, 21\]](#). С ростом спортивной квалификации происходит смена мотивов [\[13, 31\]](#), от укрепления своего здоровья на оттачивание технических навыков, постановка конкретной спортивной цели [\[4\]](#), при этом нужно учитывать мотивационные факторы, чтобы спортсмен смог реализовать свои силы, при занятиях спортом [\[5\]](#).

Мотивация является важной составляющей спортивной деятельности, что подтверждает необходимость изучать мотивационные характеристики побуждающие спортсменов продолжать тренировочную деятельность, а также причины отсева молодых спортсменов из спорта [\[27, 24\]](#).

Многие научные работы не только отечественных, но и зарубежных авторов, посвящены гендерным проявлениям мотивов спортсменов [\[16\]](#), данные исследования показывают, что как есть существенные различия [\[14\]](#), так и нет никаких значимых различий в мотивах по признаку пола [\[28\]](#).

В зависимости от вида спорта, выделяют разные побудительные мотивы к спортивному совершенствованию [\[2\]](#), которые могут выступать в качестве предикторов спортивного мастерства [\[33\]](#).

Разными авторами установлено, что существуют различия в мотивах между спортсменами, соревнующимися в индивидуальных и командных видах спорта [\[25\]](#), исходя из уровня внешней и внутренней мотивации, можно определить эффективность или качество занятий спортом [\[36\]](#), в командных видах спорта более выражена коллективистская направленность и доминируют мотивы самоутверждения и общения [\[17\]](#), а занимаются спортом ради получения удовольствия и чувства общности [\[30\]](#).

У спортсменов индивидуальных видов спорта прослеживается взаимосвязь между спортивным опытом и мотивационными характеристиками [\[35\]](#), для таких спортсменов характерно повышение собственного престижа [\[1\]](#), мотивы личного и физического самосовершенствования [\[7\]](#), стеничность и позитивность эмоций [\[11\]](#), а мотивами для занятий спортом выступают потребность в самовыражении, в общении и материальной заинтересованности [\[6\]](#).

Таким образом, вышеизложенное свидетельствует о том, что исследования мотивации спортсменов как предиктора спортивного стажа практически не исследована. В данных исследованиях необходимо учитывать как гендерные особенности, так и саму специфику вида спорта, что позволит поддержать интерес начинающих спортсменов к занятиям, повысить эффективность их деятельности и значит к увеличению спортивного стажа.

Цель исследования: провести сравнительный анализ мотивации спортсменов и выявить мотивы, которые выступают предикторами стажа спортивной деятельности.

Методы исследования. В исследовании приняли участие 173 спортсмена в возрасте от 11 до 18 лет, занимающихся дзюдо и самбо в детско-юношеских спортивных школах, из них девушек 71 человек ($M=14,63$; $SD=1,72$), юношей 102 человека ($M=14,06$; $SD=1,91$).

Исследование проводилось с помощью следующих методик: «Изучение мотивов занятий спортом» В. И. Тропников [19], включающая в себя 11 мотивов и Шкалы спортивной мотивации (Sport Motivation Scale) [29] в адаптации (Касаткин В. Н., Выходец И. Т., Бочавер К. А., Квитчастый А. В.) [9], состоящая из 7 шкал, внутренней и внешней мотивации и отсутствие мотивации (демотивация).

При обработке результатов был применен U-критерий Манна-Уитни, дисперсионный анализ (ANOVA) и множественный регрессионный анализ. Расчеты и обработка данных производились с помощью программы Jamovi 2.3.28.

Результаты исследования и их обсуждение. С помощью методики «Изучение мотивов занятий спортом» были выявлены основные причины, которые побуждают спортсменов заниматься данным видом спорта (рисунок 1).

Рисунок 1. Мотивационные профили по средним значениям (методика В. И. Тропникова)

Ведущим мотивом у девушек побуждающий заниматься спортом является развитие характера и психических качеств ($3,949 \pm 0,869$). Маловажными мотивами выявлены такие как, улучшение самочувствия и здоровья ($2,155 \pm 0,662$), общение ($2,171 \pm 0,699$) и материальные блага ($2,178 \pm 0,548$).

Для юношей наиболее значимым мотивом, побуждающим к занятиям спорта выявлены физическое совершенство ($4,043 \pm 0,774$), развитие характера и психических качеств ($4,158 \pm 0,955$). Наименее значимым являются материальные блага ($2,556 \pm 1,101$) и улучшение самочувствия и здоровья ($2,891 \pm 0,957$).

Были выявлены статистические различия в мотивационной сфере между юношами и девушками: общение $U=2027$, $p<0,001$, $r=0,440$; развитие характера и психических качеств $U=2978$, $p<0,05$, $r=0,177$; физическое совершенство $U=2057$, $p<0,001$, $r=0,432$; улучшение самочувствия и здоровья $U=1930$, $p<0,001$, $r=0,467$; приобретение полезных для жизни умений и знаний $U=2036$, $p<0,001$, $r=0,438$, данные мотивы у юношей развиты в большей степени, чем у девушек.

Результаты по методике «Шкала спортивной мотивации» (причины, по которым сейчас спортсмен занимается данным видом спорта) показали (рисунок 2), что для юношей и девушек основная причина занятий спортом вызвана внутренней мотивацией, это узнавание нового, саморазвитие и эмоциональная стимуляция. Такие спортсмены занимаются ради получения удовольствия от самого тренировочного процесса и достижения желаемых результатов. Проявляют интерес в обучении, стремятся повышать свое мастерство, преумножать эффективность своих действий, желают достичь намеченной цели, при этом для них наибольшую значимость имеет испытывать положительные эмоции и яркие впечатления в результате выступления на пике своих возможностей.

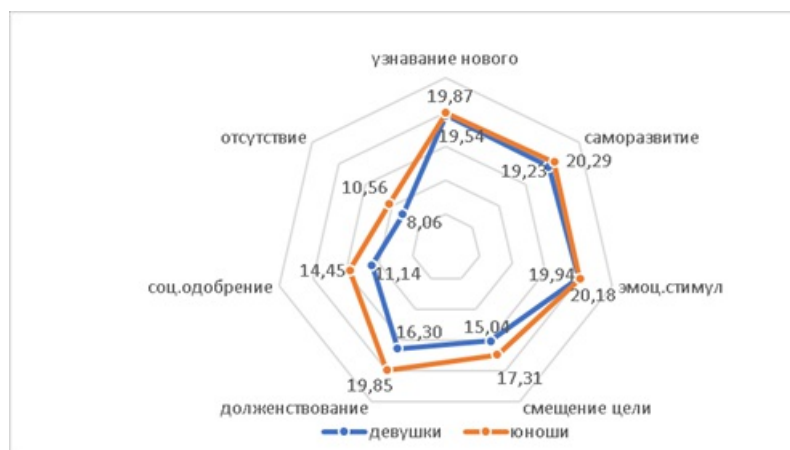

Рисунок 2. Мотивационные профили по средним значениям (Шкала спортивной мотивации)

У двух групп спортсменов были выявлены низкие показатели по шкале отсутствие мотивации (демотивация). Спортсмены имеют достаточный уровень мотивации чтобы успешно выполнять тренировочную деятельность.

У девушек в структуре внешней мотивации меньше всего имеют показания социального одобрения. Отсутствие потребности в социальном одобрении, характеризует спортсменов тем, что они занимаются спортом ради себя, а не для того, чтобы завоевать уважение окружающих и получения поощрения и материального вознаграждения.

У юношей имеются высокие показатели в структуре внешней мотивации - долженствование (обостренное чувство долга). Данный компонент мотивации характеризует спортсменов субъективной оценкой своих спортивных достижений и занятий спортом.

Между юношами и девушками имеются статистические различия в мотивации: смещение цели $U=2870$, $p<0,05$, $r=0,207$, где занятия спортом являются средством достижения личных целей; долженствование $U=2465$, $p<0,001$, $r=0,319$, в субъективной оценки своих спортивных достижениях; социальное одобрение $U=2734,5$, $p<0,01$, $r=0,245$, в контроле стороннего влияния; отсутствие мотивации $U=2960,5$, $p<0,05$, $r=0,182$, в немотивированности спортсменов.

В дальнейшем исследовании с помощью дисперсионного анализа (с использованием апостериорного сравнения с поправкой на Бонферрони и взвешенными средними) мы выявили мотивы спортсменов в подгруппах юношей и девушек в зависимости от уровня спортивного разряда и звания.

Выборка девушек: нет разряда (далее Б/Р) – 10 чел. ($M=12,67$; $SD=1,03$), юношеский

разряд (далее ЮН) – 17 чел.($M=13,53$; $SD=0,94$), взрослый разряд (далее ВЗР) – 24 чел. ($M=14,41$; $SD=1,01$), кандидат в мастера спорта (далее КМС) – 20 чел.($M=16,4$; $SD=1,46$).

У девушек имеются различия в следующих показателях:

общение: $F(3,67)=3,59$, $p=0,18$, $\eta^2=0,138$. Б/Р и ВЗР $t(67)=2,831$, $p<0,05$, $d=1,066$, разница средних=5,650. Спортсмены без разряда мотивированы больше на общение, чем спортсмены взрослого разряда;

материальные блага: $F(3,67)=4,159$, $p=0,09$, $\eta^2=0,157$. КМС и Б/Р $t(67)=3,516$, $p<0,01$, $d=1,362$, разница средних=-3,516. Спортсменов без разряда больше интересуют материальные блага от занятий спортом, чем спортсменов КМС;

улучшения самочувствия и здоровья $F(3,67)=4,657$, $p=0,005$, $\eta^2=0,173$. Б/Р и ВЗР $t(67)=2,974$, $p<0,05$, $d=1,19$, разница средних=5,508. Имеются различия в данных показателях между спортсменами без разряда и взрослого разряда, спортсмены без разряда мотивированы занятиями спортом чтоб улучшить свое самочувствие и здоровье;

приобретение полезных для жизни умений и знаний $F(3,67)=5,058$, $p=0,003$, $\eta^2=0,185$. ЮН и ВЗР $t(67)=3,104$, $p<0,05$, $d=0,984$, разница средних=3,605. КМС и ВЗР $t(67)=3,298$, $p<0,01$, $d=0,998$, разница средних=3,658. Спортсмены с юношеским разрядом и званием КМС больше занимаются спортом для приобретения полезных для жизни умений и знаний, чем спортсмены со взрослым разрядом;

отсутствие мотивации $F(3,67)=8,023$, $p<0,001$, $\eta^2=0,264$. ЮН и Б/Р $t(67)=-3,346$, $p<0,01$, $d=1,334$, разница средних=-5,365. КМС и Б/Р $t(67)=-4,621$, $p<0,001$, $d=1,790$, разница средних=-7,2. Б/Р и ВЗР $t(67)=4,359$, $p<0,001$, $d=1,641$, разница средних=6,6. Данные показатели свидетельствуют, что спортсмены без разряда больше демотивированы, чем спортсмены других разрядов.

Выборка юношей: Б/Р – 25 чел.($M=12,5$; $SD=2,19$), ЮН – 45 чел.($M=13,9$; $SD=1,39$), ВЗР – 18 чел.($M=14,83$; $SD=1,29$), КМС – 14 чел.($M=16,6$; $SD=0,52$).

У юношей были выявлены всего два мотивационных компонента:

материальные блага: $F(3,98)=3,865$, $p=0,012$, $\eta^2=0,106$. ЮН и КМС $t(98)=-3,179$, $p<0,05$, $d=0,973$, разница средних=-8,229. КМС и ВЗР $t(98)=2,999$, $p<0,05$, $d=1,069$, разница средних=9,04. КМС больше мотивированы в получении материальных благ, чем спортсмены юношеских и взрослых разрядов;

долженствование (чувство долга): $F(3,98)=3,02$, $p=0,033$, $\eta^2=0,085$. КМС и ВЗР $t(98)=2,776$, $p<0,05$, $d=0,989$, разница средних=5,865. У спортсменов звания КМС более обострённое чувство долга, чем у спортсменов взрослого разряда.

Для выявления предикторов спортивного стажа был применен множественный регрессионный анализ.

Для девушек (таблица 1), значимыми предикторами стали: приобретения полезных для жизни умений и знаний ($\beta=0,575$, $p<0,001$), развития характера и психических качеств ($\beta=-0,479$, $p<0,001$), коллективистическая направленность ($\beta=-0,382$, $p<0,001$), общение ($\beta=0,250$, $p<0,004$), отсутствие мотивации (демотивация) ($\beta=-0,247$, $p<0,004$). Полученная модель является статистически значимой $F(8,62)=24,563$, $p<0,001$, и объясняет 76% наблюдаемой дисперсии ($R=0,872$; $R^2=0,760$).

Таблица 1.**Результаты регрессионного анализа (девушки N=71)**

	Значимые переменные	B	SE	t	p-level	Beta
	константа	108,246	15,540	6,965	< ,001	
1.	отсутствие мотивации	-1,921	0,633	-3,033	0,004	-0,247
2.	коллективистическая направленность	-2,320	0,487	-4,760	< ,001	-0,382
3.	умения и знания	5,174	0,852	6,075	< ,001	0,575
4.	общение	1,598	0,527	3,032	0,004	0,250
5.	развитие характера и психических качеств	-2,460	0,448	-5,485	< ,001	-0,479
	Разряд:	-	-	-	-	-
	ЮН-Б/Р	38,003	8,107	4,688	< ,001	1,064
	ВЗР-Б/Р	81,781	8,890	9,190	< ,001	2,289
	КМС-Б/Р	73,246	8,555	8,562	< ,001	2,050

Отличие каждой группы от группы сравнения (группа сравнения – Б/Р) по данным показателям: для ЮН разность средних 38,003 балла, для ВЗР=81,781, для КМС=73,246 значимость при $p < 0,001$.

Регрессионное уравнение для девушек, не имеющих спортивного звания, имеет следующий вид:

Стаж=108,246-1,921×Отсутств.мотив-2,320×Коллект+5,174×Умения+1,598×Общен-2,460×Характ

Для юношей значимыми предикторами, вносящими вклад в их спортивный стаж (таблица 2), выступают материальные блага ($\beta=0,289$, $p<0,01$) и коллективистическая направленность ($\beta=-0,190$, $p<0,05$). Статистическая значимость модели $F(5,96)=23,697$, $p<0,001$. В соответствии с коэффициентом детерминации R^2 полученная модель объясняет 55,2% дисперсии ($R=0,743$; $R^2=0,552$).

Таблица 2.**Результаты регрессионного анализа (юноши N=102)**

	Значимые переменные	B	SE	t	p-level	Beta
	константа	29,936	10,210	2,932	0,004	
1.	материальные блага	1,238	0,388	3,192	0,002	0,289
2.	коллективистическая направленность	-0,885	0,416	-2,129	0,036	-0,190
	Разряд:	-	-	-	-	-
	ЮН-Б/Р	33,313	6,506	5,120	< ,001	0,883
	ВЗР-Б/Р	56,336	8,166	6,903	< ,001	1,495
	КМС-Б/Р	74,490	8,937	8,559	< ,001	2,029

Отличие каждой группы от группы сравнения (группа сравнения – Б/Р) по данным показателям: для ЮН разность средних 33,313 балла, для ВЗР=56,336, для КМС=74,490 значимость при $p < 0,001$.

Регрессионное уравнение для юношей, не имеющих спортивного звания, имеет следующий вид:

$$\text{Стаж} = 29,936 + 1,238 \times \text{Мат.блага} - 0,885 \times \text{Коллект.направл.}$$

Выводы. В проведенном исследовании были выявлены доминирующие мотивы занятий спортом в зависимости от гендерной принадлежности у спортсменов занимающихся борьбой дзюдо и самбо:

- основным мотивом у девушек для занятий спортом является развитие характера и психических качеств;
- для юношей наиболее значимыми мотивами были выявлены – физическое совершенство, развитие характера и психических качеств и долженствование, т.е. обостренное чувство долга;
- юноши и девушки занимаются спортом ради получения удовольствия от самого тренировочного процесса и достижения желаемых результатов.

У юношей, в отличие от девушек, в большей степени развиты и статистически подтверждены различия в мотивационной сфере, такой как: общение, развитие характера и психических качеств, физическое совершенство, улучшение самочувствия и здоровья, приобретение полезных для жизни умений и знаний, смещение цели, долженствование, социальное одобрение и демотивация.

Были обнаружены различия в мотивации внутри каждой группы юношей и девушек в зависимости от спортивного разряда и звания:

- у девушек различия состоят в показателях общения, материальных благ, улучшения самочувствия и здоровья, приобретения полезных для жизни умений и знаний, демотивации;
- у юношей различия имеются в материальных благах и долженствовании.

Как показали результаты регрессионного анализа, предикторы спортивного стажа у юношей и девочек имеют определенные отличия:

- для девушек значимыми предикторами являются общение и приобретения полезных для жизни умений и знаний, при этом показатели демотивации, коллективистической направленности, развитие характера и психических качеств не только не способствуют, но и препятствуют продолжать заниматься спортом;
- для юношей предикторами, предсказывающими более продолжительный спортивный стаж являются материальные блага, а коллективистическая направленность способствует снижению стажа спортивной деятельности.

По итогам проведенного исследования, для увеличения продолжительности нахождения спортсмена в спорте необходимо учитывать их мотивационную направленность: для девушек, которые занимаются в секции дзюдо и самбо важно само общение, и приобретение полезных для жизни умений и навыков, а для юношей главным мотиватором является материальное вознаграждение.

Рассмотренные мотивирующие факторы, задают вектор исследований, анализа, развития тренерской деятельности по вовлечению юных спортсменов в спортивную жизнь и максимального продления спортивного стажа каждого.

Практическая значимость исследования и полученные результаты могут быть рекомендованы тренерскому и преподавательскому составу в области физкультуры и спорта, для более глубокого понимания, как создавать и использовать мотивирующие факторы для привлечения юношей и девушек к занятиям спортом. Это важно понимать тренеру-преподавателю, выстраивая свой индивидуальный и уникальный процесс занятий спортом, и для разработки собственных методик.

Библиография

1. Беспалова Т. А. Особенности мотивации к спорту у спортсменов-любителей // Актуальные проблемы здоровья, физической культуры и спорта на современном этапе: Сборник научных трудов, посвященный 110-летию СГУ имени Н.Г. Чернышевского / Отв. ред.: Н. Б. Бриленок, И. Ю. Водолагина, С. С. Павленкович. Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2019. С. 93-97.
2. Германов Г. Н., Сабирова И. А., Федоров В. В. Структура мотивации к занятиям спортом у высококвалифицированных спортсменов различных видов спорта // Спортивный психолог. 2021. № 3(60). С. 13-17.
3. Голоманзина К. А. Мотивация к спортивной деятельности // Спортивная психология в межкультурном пространстве: материалы Международной научно-практической онлайн-конференции, посвященной 100-летию УрФУ (Екатеринбург, 4–5 декабря 2020 года) / под ред. Л. Н. Рогалевой; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации; Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2021. С. 94-101.
4. Донцов Д. А., Денисова К. И. Мотивационные особенности спортсменов юношеского возраста // Человеческий капитал. 2019. №. 7. С. 168-177.
5. Донцов В. В., Старовойтов Ю. Н., Мостовая Т. Н. Основы методики формирования спортивной мотивации // Наука-2020. 2019. № 3(28). С. 96-104.
6. Захаров А. В., Цекунов С. О., Нетбай С. Г., Сторожук А. В. Мотивация школьников для занятий вольной борьбой в Хабаровском крае // Ученые записки университета Лесгафта. 2018. № 5(159). С. 86-88.
7. Зиновьев Н. А., Алексеева Н. Д., Святченко, П. Б., Зиновьев А. А. Особенности мотивации спортивной деятельности горнолыжников с различным уровнем квалификации // Ученые записки университета им. ПФ Лесгафта. 2017. №. 10(152). С. 79-83.
8. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. Санкт-Петербург: Питер, 2011.
9. Касаткин В. Н., Выходец И. Т., Бочавер К. А., Квитчастый А. В. К вопросу о диагностике спортивной мотивации: адаптация опросника «Sport motivation scale» // Спортивный психолог. 2012. № 1(25). С. 38-43.
10. Китова Я. В. Преобладание внутренней мотивации у спортсменов как фактор успешности // Молодой ученый. 2018. № 15(201). С. 199-201.
11. Колошеина В. В., Кочеткова С. В. Особенности мотивации спортивной деятельности юных спортсменов, занимающихся кикбоксингом // Ресурсы конкурентоспособности спортсменов: теория и практика реализации. 2021. № 11. С. 214-216.
12. Кретти Дж. Мотивация занятий спортом / Психология спорта: хрестоматия; сост.-ред. А.Е.Тарас. М.: АСТ; Мн.: Харвест, 2005. С. 59-78.
13. Мартынова В. А., Корнев О. А., Корнева А. В. Мотивация к спортивно-тренировочной деятельности легкоатлетов различной квалификации // Современные проблемы науки и образования. 2021. №. 6. С. 99.

14. Пархоменко Е. А., Дубовова А. А., Прицук О. Е. Особенности психологической готовности юных спортсменов к занятиям спортивными и бальными танцами // Физическая культура и спорт. Олимпийское образование: Материалы международной научно-практической конференции, Краснодар, 11 февраля 2019 года. Том Часть 2. – Краснодар: Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма, 2019. С. 138-140.
15. Пилоян Р. А. Мотивация спортивной деятельности. М.: Физкультура и спорт, 1984.
16. Румянцева Н. В. Особенности мотивов спортивной деятельности спортсменов-любителей // Физическая культура. Спорт. Туризм. Двигательная рекреация. 2020. Т. 5. №. 4. С. 107-112.
17. Рысюкевич Н. С. Мотивация в командных видах спорта: социологический анализ // Социологический альманах. 2018. №. 9. С. 150-160.
18. Серова Л. К. Психология личности спортсмена: учебное пособие. М.: Советский спорт, 2007.
19. Тропников В. И. Структура и динамика мотивов спортивной деятельности: на прим. тяжелой атлетики, бокса и гандбола: дис. ... канд. психол. наук. Ленинград, 1989. 183 с.
20. Царегородцев И. И. Мотивация спортсменов в ходе тренировочного процесса // Современные спортивные технологии (актуальные вопросы подготовки спортивного резерва): Материалы VI межрегиональной научно-практической конференции, Йошкар-Ола, 27 апреля 2018 года. Йошкар-Ола: ГБПОУ Республики Марий Эл «Училище олимпийского резерва», 2018. С. 237-243.
21. Шаболтас А. В. Мотивы занятия спортом высших достижений в юношеском возрасте: дис. ... канд. психол. наук. Санкт-Петербург, 1998. 184 с.
22. Яковлев Б. П. Мотивация и эмоции в спортивной деятельности. Москва: Советский спорт, 2014.
23. Biese K., Winans M., Rudek G., Cadmus-Bertram L., Andreae S., Brooks M., Kliethermes S., McGuine T., Bell D. The Association Between Sport Specialization and Sport Motivation in Middle School-Aged Athletes // Journal of athletic training. 2023. URL: <https://doi.org/10.4085/1062-6050-0690.22> (date of reference: 25.06.2023).
24. Crane J., Temple V. A systematic review of dropout from organized sport among children and youth // European Physical Education Review. 2015. No. 21(1). Pp. 114–131.
25. Jakobsen A. Are There Differences in Motives Between Participants in Individual Sports Compared to Team Sports? // LASE journal of Sport Science. 2014. V. 5. Pp. 32-42.
26. Klimova E. M., Litvishkov V. M. Labor Motivation as a Pledge of Successful Development of the Organization // Industry Competitiveness: Digitalization, Management, and Integration: Proceedings International Scientific and Practical Forum "Industry. Science. Competence. Integration", Moscow, 28 ноября 2019 года. Moscow: Springer Nature, 2020. Pp. 716-727.
27. Molinero O., Salguero Al., Tuero-del-Prado C., Alvarez E., Márquez S. Dropout Reasons in Young Spanish Athletes: Relationship to Gender, Type of Sport and Level of Competition // Journal of sport behavior. 2006. T. 29(3). Pp. 255-269.
28. Parnabas V., Nazarudin M., Mohamed Sh., Mohamad N., Rahim R. Motives for taking part in physical activities based on gender // Malaysian Journal of Sport Science and Recreation (MJSSR). 2022. T. 18(1). Pp. 76-82.
29. Pelletier L. G., Fortier M. S., Vallerand R. J., Tuson K. M., Briere N. M., Blais M. R. Toward a new measure of intrinsic motivation, extrinsic motivation, and amotivation in sports: The Sport Motivation Scale (SMS) // Journal of Sport & Exercise Psychology. 1995. No.17. P. 35-53.
30. Pluhar E., McCracken C., Griffith K., Christino M., Sugimoto D., Meehan W. Team sport athletes may be less likely to suffer anxiety or depression than individual sport athletes //

Journal of sports science & medicine. 2019. T. 18(3). Pp. 490-496.

31. Poteliuniene, S., Sabaliauskas, S. Skirtingo meistriškumo sportininkų motyvacijos sportuoti ypatumai / Peculiarities of the motivation to do sports in athletes of different levels of excellence // Sporto mokslas. 2010. No. 2(60). Pp. 13-18.

32. Ryan R. M., Deci E. L. Intrinsic and Extrinsic Motivations: Classic Definitions and New Directions // Contemporary Educational Psychology. 2000. No. 25(1). Pp. 54-67.

33. Ryska T. A. Sportsmanship in young athletes: The role of competitiveness, motivational orientation, and perceived purposes of sport // The Journal of Psychology. 2003. T. 137(3). Pp. 273-293.

34. Vallerand R. J. Toward a hierarchical model of intrinsic and extrinsic motivation // Advances in experimental social psychology. 1997. V. 29. Pp. 271-360.

35. Waśkiewicz Z., Nikolaidis P., Chalabaev A., Rosemann T., Knechtle B. Motivation in ultra-marathon runners // Psychology Research and Behavior Management. 2019. No. 12. Pp. 31-37.

36. Wojtowicz A., Dobroczyński B., Tyński M. The role of motivation in amateur basketball // Antropomotoryka, Journal of Kinesiology and Exercise Sciences. 2018. Pp. 53-60.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Объектом исследования в представленной к рецензированию статье выступает спортивная мотивация. Предметом исследования фактически предстают специфические ее проявления у юношей и девушек. Актуальность работы не вызывает сомнения по причине того, что спортивная деятельность является одной из немногих, где требуется преодоление себя в каждом конкретном моменте ее проистекания.

С методологической точки зрения работа имеет ярко выраженный практический характер. Основной её частью выступает психолого-педагогический эксперимент, выполненный в соответствии с основными канонами в объеме достаточном для исследования уровня журнальной статьи.

Заслуживает внимания обоснование выборки исследования, использование математических методов, обеспечивающих валидность результатов и их авторскую интерпретацию, а также схематичное и табличное представление данных. Все это вкпе позволяет говорить о самостоятельности и о хорошем методологическом уровне выполнения исследования.

Работа написана языком, удовлетворяющим нормам научного стиля. С учётом яркой практической выраженности и узкой специализированности статья может вызвать интерес у спортивных тренеров и психологов. Её результаты могут стать основой для квалификационных работ, например, студентов спортивных вузов.

Список литературы соответствует требованиям и находит отражение в тексте работы, однако, отметим, что обилие ссылок в теоретической части выглядит несколько неорганичным. Фактически это означает, что отсутствуют авторские оригинальные теоретические рассуждения, доводы, тезисы, что снижает содержательное качество текста.

Отметим также, что перечень источников слишком велик по сравнению с текстом статьи, это создаёт некий дисбаланс тем более, что в тексте содержательного практического материала явно больше, чем теоретического.

По статье имеется ряд замечаний.

Работа выиграла с содержательной точки зрения, если бы в теоретической части автор

раскрыл специфику спортивной мотивации по сравнению с другими видами деятельности. Здесь добавим, что поскольку фактически в работе предметом исследования выступают гендерные различия в мотивации спортсменов, возможно, следовало бы раскрыть в теории общие особенности мотивации обоих полов в целом.

Выводы желательно было бы представить в тезисном виде более подробно, чем это сделано в тексте. Тем более, что материал работы позволяет сделать выводы не только по теории и практике, но и по методологии.

В названии работы следовало бы уточнить, что речь идёт о мотивации спортсменов-борцов, что обозначено в выборке исследования. Очевидно, что на мотивационные особенности влияет специфика вида спорта. Причём некоторые виды спорта отличаются друг от друга настолько, что сложно сводить воедино мотивацию спортсменов как профессиональной группы в целом.

В целом статья соответствует общим требованиям, предъявляемым к работам подобного рода, имеет явную практическую ценность, выраженную в самостоятельно проведенном эксперименте, и заслуживает публикации в рецензируемом издании по психолого-педагогическому направлению.

Психолог

Правильная ссылка на статью:

Мордас Е.С. Насилие в семье и материнская перверсия // Психолог. 2024. № 4. DOI: 10.25136/2409-8701.2024.4.69150 EDN: YAOEKG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69150

Насилие в семье и материнская перверсия

Мордас Екатерина Сергеевна

кандидат психологических наук

доцент, Московский институт психоанализа

121170, Россия, г. Москва, Кутузовский проспект, 34, стр. 14

✉ morkaty@yandex.ru

[Статья из рубрики "Сознательное и бессознательное"](#)

DOI:

10.25136/2409-8701.2024.4.69150

EDN:

YAOEKG

Дата направления статьи в редакцию:

28-11-2023

Аннотация: Цель исследования – интегрировать социологический и психоаналитический подходы в области социальных отношений, на примере насилия в семье. Предмет исследования – насилие в семье. Методология исследования: идеи Р. Коллинза, А. Моц и Э. Уэллдон, М. Хирш, Дэвид Э. Шарфф, Р. Столлер. Интеграция подходов позволяет размышлять о «ситуации насилия в семье» через отражение внутренних психических процессов человека, обусловленных историей развития человека, социальными, культурными и экономическими факторами. Насилие слабых – один из видов насилия (Р. Коллинз). Аффективное поле, доминирование, контроль и подчинение – признаки насильственного взаимодействия. Семья – пространство, где разворачивается ситуация насилия. Мать-фигура, обладающая властью, в материнской роли может реализовывать свои деструктивные желания и разрешать конфликты (Э. Уэллдон, А. Моц). Другие варианты насилия в семье – насилие при заботе о больных, пожилых людях и в отношениях между супругами (зачастую насилие над женщинами, покорность женщины). Новизна исследования: сформулированы положения о модели насилия при материнской перверсии. Выводы: 1. Насилие в семье – один из видов насилия: насилие слабых. Насилие разворачивается в ситуации, склонной к насилию, при определенном взаимодействии жертвы и агрессора. 2. Характеристики ситуации насилия по

Р.Коллинзу: аффективное поле, доминирование и навязывание воли, подчинение, конфронтация, напряжение, страх, паника, контроль. 3. Насилие есть форма выражения материнской перверсии: деструктивные желания матери, ненависть (Э.Уэллдон, А. Моц, Р.Столлер), зависимость, беспомощность, садомазохизм (С. Коэн), инцест (Э.Д. Шарфф), симбиоз (Ж. Бержере, М.Малер, J.F. Masterson, D.B. Rinsley). 4. Насилие – отражение истории жизни человека; возможно в ситуации патологической зависимости одного субъекта от другого. Здоровая форма зависимости предполагает способность быть в близких отношениях со значимым Другим – то, что становится трудностью для современного человека.

Ключевые слова:

насилие, семья, перверсия, ситуация, аффективное поле, напряжение, контроль, доминирование, страх, подчинение

Введение

В научной среде есть различное понимание природы насилия, насильственного поведения человека. Интересным является то, что опыт (практика) насилия имеет место быть на протяжении всей истории развития человечества в целом – от древних времен по настоящее время мы можем наблюдать этот деструктивный опыт и переживания в мире людей.

Семья и близкие люди – первая социальная система, куда попадает ребенок после рождения. Ранний опыт отношения со значимым Другим зачастую воспроизводится во взрослой жизни: формируется идентичность, определенные паттерны взаимодействия с другим, аффекты, встречаются партнеры, созвучные друг другу, отыгрывают внутренние конфликты. Для некоторых насилие – обычный способ взаимодействия с другим или даже единственный. Форм насилия множество: от реального (атака, жестокое обращение, полное уничтожение и пр.) до символического (игнорирование, отвержение, обесценивание и пр.).

В нашей статье используем социологический подход (идеи Р. Коллинза) и психоаналитический подход (идеи А. Моц и Э. Уэллдон) к проблематике насилия. Основное внимание уделим нарушенным отношениям мать-дитя, используя современный взгляд в психоанализе на феномен перверсии в детско-родительских отношениях.

Р. Коллинз в основу природы насилия закладывает ситуацию. Ситуация насилия – это серия условий, приводящих к насилию: поиск слабой жертвы, доминирование, конфронтация, напряжение, страх, паника.

Авторы- психоаналитики (А. Моц, Э. Уэллдон и др.) под насилием понимают потерю контроля над агрессивными импульсами, ведущую к действию; причинение физического вреда; насилие направлено против людей. Корни насилия связаны с неспособностью осмысливать собственное развитие, душевное состояние другого человека. Глубинная природа насилия связывается с враждебностью матери по отношению к младенцу, из-за чего ребенку трудно понять намерения и чувства матери [\[1, с. 24\]](#).

Насилие в семье, согласно Р. Коллинзу – это вариант насилия слабых и беспомощных, а именно: детей, престарелых и инвалидов, доминирующего супруга над супругой (или наоборот). Р. Коллинз отмечает, что напряжение и страх – доминирующие эмоции в

ситуации насилия. Наиболее распространенная форма насилия – нападение на слабую жертву. Человек становится уязвим и слаб не потому что он не может дать отпор агрессору или испытывает страх быть убитым или обижен. Это связано, согласно Р. Коллинзу, с напряжением и чувством страха в процессе микро-взаимодействия. «Страх» при встрече – это напряжение, связанное с нарушением фундаментального ритуала солидарности, склонности к взаимному увлечению, согласно Р. Коллинзу. Каждая сторона конфликта пытается установить свой ритм в микровзаимодействии, навязать этот ритм сопернику и занять таким образом доминирующую позицию, определяя аффективное эмоциональное поле, где разворачивается ситуация насилия [2].

Цель исследования: интеграция социологического и психоаналитического подходов для понимания природы и проявления насилия в семье как формы насилия слабых и беспомощных.

Задачи исследования: 1. Рассмотреть идеи Р. Коллинза касательно проблематики домашнего насилия (механизмы развития насилия в паре, родителей и детей, в отношении пожилых и больных людей). 2. Исследовать природу материнской перверсии = насилия и ненависть в психоаналитическом подходе. 3. Разработать положения модели феномена материнской перверсии в ситуации домашнего насилия.

Взгляд Р. Коллинза на ситуацию насилия в семье

Жертву делает слабой «ситуативность», позиция во взаимодействии: жертва не может себя защитить потому что позволяет агрессору проявить инициативу, занять доминирующую позицию, контролировать процесс и направление взаимного увлечения. Успешная агрессия – когда и тот и другой «договорились» о происходящем: агрессор и жертва попадают в ловушку, где один берет на себя ведущую роль, а другой реагирует на нее.

Домашнее насилие зачастую описывает как попытка контроля (взрослых над детьми, супруга над супругой или наоборот и т.п.). Насильник (агрессор) доминирует в семье, захватывает контроль над эмоциональным определением ситуации. Бедность и социальная дискриминация не являются первопричиной насилия между людьми (Р. Коллинз). Автор так же отметит, что недостаточно определена связь между опытом насилия в детстве и проявлением насилия во взрослом возрасте, то есть большинство жертв жестокого обращения не совершают насилие. В свою очередь, М. Хирш отметит: «...агрессия, содержащаяся в семье, направляется на слабейших ее членов, то есть детей, и, дабы сохранить семью как целое, детей приносят в жертву во имя высшей цели. В силе остается незамысловатое эмпирическое правило: тот, кто агрессивнее всего атакует других, превращая их в жертв, сам когда-то был жертвой насилия, недолжного обращения или нестабильных условий» [3]. В связи с чем вопрос остается открытым для исследования. Но А. Моц продолжит, что материнство – куда более короткий путь к власти для психопатических женщин, чем секс и деньги и в основе перверсий женщин лежит перверсия материнства.

Жестокое обращение в семье имеет такую же природу и «путь» как и любое другое насилие. При домашнем насилии существуют самые разные взаимосвязи. Один супруг может напасть на другого; взрослые могут избивать детей, но также и наоборот; вовлеченными взрослыми могут быть родители, а также опекуны, случайные друзья одного из родителей или няни. Существует жестокое обращение взрослых детей к престарелым родителям и жестокое обращение со стороны работников по уходу за пожилыми людьми. И, наконец, наиболее распространенная форма семейного насилия

возникает между братьями и сестрами.

Обычными причинами бытового насилия являются бедность, стресс, перемены в жизни и социальная изоляция, но большинство людей в таких ситуациях не склонны к насилию; для создания реальных случаев насилия требуется дальнейший ситуационный процесс.

Забота о больном и насилие. Часто объектом насилия выступают больные люди, инвалиды. Член семьи, осуществляющий заботу о таком человеке из-за солидарности, любви к нуждающемуся день за днем растрчивает свои силы, время, переживает эмоциональный кризис, упадок сил, постепенно эмоционально выгорает и уход за беспомощным становится рутиной – с одной стороны. С другой стороны, как отмечает Р. Коллинз, человек, осуществляющий уход, получает меньше эмоциональной энергии от выполнения альтруистической роли, возникает обостренное чувство борьбы за власть. Сам факт того, что лицо, осуществляющее уход, стремится быть альтруистом, дает нуждающемуся преимущество над ним. Как и в любовных отношениях, действует принцип наименьшего интереса: человек, который любит больше, находится в менее выгодном положении по сравнению с тем, кто любит меньше. Таким образом, хотя физически здоровый взрослый человек, осуществляющий уход, обладает всей полнотой власти, беспомощный ребенок или пожилой человек обладает эмоциональным оружием и использует его в своих интересах, независимо от того, исходит ли эта приверженность из религиозных или альтруистических убеждений, чувства долга или личных любовных уз. Возникает конфликтная ситуация, основанная на неравенстве ресурсов. Накапливается гнев с одной и другой стороны. Варианты разрешения ситуации различные, представлены в работе Р. Коллинза. В основу такого рода насилия закладываются переживания стресса человека, осуществляющего уход; это состояние усиливается, если человек один занимается уходом (как правило, данная роль отводится женщине). Р. Коллинз отметит, что степень зависимости старшего поколения увеличивает вероятность жестокого обращения к ним.

Насилие в паре. Насилие в паре может быть представлено, когда роль жертвы отводится женщине, а роль агрессора – мужчине. Насилие может быть в легкой форме (скандалы, упреки, контроль и т.п.) – но пара не позволяет выйти на ситуацию взаимодействия – разрушения друг друга.

Или форма насилия, когда в паре создаются такие отношения, что один человек преследует другого вплоть до полного уничтожения (убийство). В семейном насилии период сильной конфронтационной напряженности перерастает в тотальное доминирование. Насильник буквально преследует жертву, пока не уничтожит ее.

В ситуации насилия пары женщина играет роль жертвы, и это часть обратной связи при микровзаимодействии, которая удерживает доминатора (агрессора) в плену его агрессии. Вовлечение жертвы в конфликт с агрессором – это центральный микропроцесс, который придает эпизодам насилия ситуативный импульс.

В паре, если мужчина занимает более высокую социальную позицию по сравнению с женщиной, – женщина, обладая более низким социальным статусом, может компенсировать это *подчинением*. Его первоначальная критика в ее адрес свидетельствует о признании того, что она не соответствует его статусу и что он хочет быть с ней. Его критика – это путь к утверждению ее ситуативной пассивной, слабой позиции. По сути, пара пробует, как их переговорные ресурсы будут превращены в постоянные роли: он изучает методы создания своего эмоционального импульса в качестве доминанта, она учится быть жертвой. Люди учатся играть эти роли и играют

друг с другом.

При домашнем насилии часто наблюдается паттерн пассивного, беспомощного поведения жертвы, чья показная беспомощность или безрезультатное сопротивление, по-видимому, провоцирует агрессора на еще большие приступы агрессии (случаи преследования жертв и их убийство).

Жертва вызывает у агрессора отвращение и все большую злость; это самовосстанавливающийся цикл, поскольку агрессор чувствует себя втянутым в продолжение атаки только из-за своего гнева на пресмыкательство другого. Эффект заключается в том, что нападающий и жертва связаны друг с другом в момент насилия - два организма посылают телесные и эмоциональные сигналы, которые передаются друг другу и еще больше усиливают то, что они делают: один больше пресмыкается, другой больше злится и нападает.

Р. Коллинз заключает, что это негласный процесс ведения переговоров, процесс прощупывания друг друга, выявления своих сильных и слабых сторон; он предполагает использование своих ресурсов (принудительной силы, материальных ресурсов, эмоциональных ритуалов, возможностей взаимодействия на рынке) в той мере, в какой они могут быть использованы в текущей ситуации. Здесь важны не только сырьевые ресурсы; их нужно привести в действие таким образом, чтобы они помогали контролировать партнера.

Чтобы произошел акт оскорбительного насилия, две (или более) цепочки должны совпадать: агрессор должен был научиться техникам, которые сработают на конкретном человеке; некоторые из них предполагают высокую степень вовлечения себя в конфронтацию и насилие; другие - это навыки того, как направить свою собственную энергию на тренировку реакции другого человека на свое собственное насилие.

С другой стороны, жертва, должно быть, научилась приемам того, как взаимодействовать с агрессором, поддерживая отношения и тонко поощряя в его методах агрессии. В конце концов, у этого пути есть два ответвления: первое - это то, где жертва научилась некоторым приемам конфронтации, но не те приемы, которые приводят к ограничению драк на уровне обычных эпизодов с балансом сил; это путь, который ведет к усилению напряженности, а затем к паническим взрывам. Другой путь ведет к медленному, коварному умиротворению и режиму террористических пыток; здесь жертва научилась получать очень небольшие ритуальные вознаграждения ценой пассивного вживания в роль подвергаемого пыткам.

Могут быть и другие пути. Но все они предполагают совпадение двух направлений обучения: овладение навыками жестокого обращения со стороны агрессора, и усвоение роли жертвы или, по крайней мере, неспособность овладеть навыками ограничения насилия со стороны жертвы. Эти две роли проявятся очень четко в случае издевательств.

Насилие детей. Жестокое обращение с детьми – это зачастую осознаваемое причинение ребенку физических и психических страданий. Включает в себя такие проявления как отвержение, пренебрежение, обесценивание, игнорирование, физическое наказание, издевательство, сексуальное злоупотребление и пр. Ребенок, имеющий опыт жестокого обращения переживает психическую депривацию.

В детско-родительских отношениях зачастую разыгрывается драма (детская травма) взрослого. Личностная незрелость, невозможность контейнировать, справляться с

агрессивными влечениями со стороны взрослого, приводит к тому, что такой человек может просто психологически быть неспособным выдерживать ребенка, его чувства. И тогда вместо установленного аффективного контакта взрослый-ребенок на первый план выходит контроль взрослого, подчинение ребенка и борьба (насилие, агрессия между ними). То есть сознательно взрослый не планирует причинить вред ребенку (он может просто купать или просто кормить, или просто сесть рядом помогать делать уроки, например), но если ребенок оказывает сопротивление, взрослый начинает прилагать больше усилий для контроля и удержания своих требований (власти). Зачастую взрослый выигрывает «битву», принуждая ребенка делать то, что по мнению взрослого необходимо. В тот же момент, взрослый поддается настроению ребенка (жертвы) = проективная идентификация, состоящему из криков, сопротивления, гнева и напряженных мышц. Обе стороны конфликта выходят из-под контроля; поскольку одна из них намного слабее другой, напряжение борьбы превращается в горячий порыв и жестокое поведение, вызывающее панику.

Жестокое обращение с плачущим младенцем имеет аналогичную динамику, как в случае с пожилыми людьми и их опекунами. Ребенок плачет, родители не справляются с ситуацией, ситуация выходит из-под контроля, разочарование + депривация сна матери, усталость, мать одинока в заботе о ребенке = мать срывается на ребенке, бьет, трясет его настолько сильно, что может ранить или убить.

Жестокое обращение не происходит при первом крике ребенка, это повторяющаяся ситуация, в предыдущем опыте родители потерпели неудачи успокоить ребенка и текущий эпизод воспринимается – «ну вот, опять он орет или ему что-то нужно...»

Плач ребенка – это невербальное сообщение о его эмоциональном состоянии; через плач ребенок может выражать агрессию, протест, боль, ужас, тоску, тревогу, страх и пр. Взрослый находясь в ситуации долгого плача может впасть в то состояние (бессознательное) о котором ему сообщает ребенок посредством своего плача (по Биону речь идет о бета-элементах). При неспособности пережить эти аффекты (то есть невозможность понять, переработать и вербализовать их) взрослый оказывается окутан ими и сам начинает вести себя как ребенок, попадая в такое аффективное поле, что провоцирует ситуацию насилия и агрессии – «да, когда же ты замолчишь...».

Женщины чаще, чем мужчины прибегают к насилию над маленькими детьми, поскольку большую часть времени проводят с детьми. Девочки меньше подвергаются телесным суровым наказаниям, чем мальчики. Мужчины не применяют телесные наказания (жестокое обращение) к девочкам в отличие от того, как относятся к мальчикам; в случае подростков отцы, как правило, не наказывают своих дочерей телесно (хотя матери иногда это делают). Телесное наказание или принудительный контроль над детьми - не есть мужская модель, но мужчины используют насилие для контроля над женщинами.

На уровне более серьезного насилия, как правило, мужчины физически злоупотребляют подростками, в то время как женщины чаще всего злоупотребляют маленькими детьми. Это согласуется с закономерностью, согласно которой более сильный нападает на более слабого; дети старшего возраста, особенно в подростковом возрасте, становятся слишком большими, чтобы женщины могли с ними жестоко обращаться. Жестокое насилие над детьми, убийство младенцев и т.п. - являются стереотипными правонарушителями в глазах общественности. Но на самом деле женщины убивают своих собственных детей чаще, чем кто-либо другой, как правило, чтобы избавиться от нежелательных родов (так же здесь можно упомянуть произвольные выкидыши,

аборты, замёрзшая беременность и психогенное женское бесплодие). Как отмечает Э. Уэллдон - для матерей-убийц дети являются не отдельными существами, а воспринимаются как нарциссическое расширение самих себя. Мать, убившая своего ребенка, особенно в период его раннего детства, символически убивает и себя [\[4\]](#).

Психологическая природа материнского насилия (перверсии)

Согласно психоаналитическому подходу, мы касаемся аспекта материнского первертного материнства (инфантицид и влечение к смерти, патологический нарциссизм).

Первертное материнство – это феномен ранних нарушенных объектных отношений в диаде «мать-дитя» на ранней фазе развития, характеризующиеся использованием ребенка матерью (разрушение его автономности или обесцениванием) с целью разрешения бессознательных конфликтов с собственной матерью, который может не включать элементы прямой девиантной сексуальности по отношению к ребенку и основанный на женских сексуальных перверсиях.

Женские сексуальные перверсии направлены на собственное тело (либо на детей, воспринимаемых как часть своего тела) или реализуются посредством собственного тела, формирующиеся посредством внутреннего пространства женщины (включающее в себя психосексуальное развитие, формирование ядерной гендерной идентичности, репродуктивные функции, фантазии беременности) и биологических часов (включающее в себя понятия о менархе и менопаузе), и прослеживающийся как минимум в трех поколениях.

Большинство женщин, воспроизводящие систему первертного материнства не являются явно психотическими и не страдают от полной дезинтеграции Эго. Их можно назвать пограничными личностями, которые страдают нарциссическими расстройством разной степени тяжести.

Некоторым женщинам материнство дает хорошую возможность для реализации первертных желаний по отношению к детям и отмщения своим собственным матерям. Как мужчины, так и женщины, описывая ранние отношения со своими матерями, говорят о чувствах поглощения и зависимости и переживают их заново в переносе с аналитиком. В терминах Ж. Бержера, такую мать можно назвать гиперопекающей [\[5\]](#). Это мать, которая не позволяет ребенку достичь регистра желания, постоянно присутствуя и предвосхищая его малейшие желания, делая их таким образом не существующими. Согласно теории, М. Малер, это мать, которая не допускала ни его сепарации, ни индивидуации. В следствии такой гиперопеки со стороны матери у ребенка не формируется собственное Я, не устанавливаются границы между Я и другими, что приводит к формированию психотической или пограничной структур. О похожем процессе в исследовании роли матери в формировании пограничной личности пишут Дж. Мастерсон и Д. Ринсли [\[6\]](#). Авторы подчеркивают влияние на ребенка чередования либидинальной материнской доступности и ее отсутствия на этапе сепарации-индивидуации. Ребенок, у которого в будущем сформируется пограничная структура личности, откликается на поощрения со стороны матери отрицанием сепарации. Это подкрепляет отыгрывание ребенком его фантазий воссоединения с материнским частичным объектом и способствует его зависимости и страху быть брошенным в случае, если он осмелится отделиться. Таким образом, последствиями гиперопеки становятся инфантильность и несамостоятельность ребенка, желание уйти от ответственности, зависимость от авторитетов.

На другом полюсе находится *отсутствующая мать*, которая не дает возможности ребенку

связать мучительное ожидание с репрезентациями желаемого объекта. Временные возможности ребёнка справляться с беспомощностью и напряжением, галлюцинируя удовлетворение, ограничены. Если мамы не будет слишком долго, то нарастающее возбуждение, боль и ярость делает его желание к ней (представление о ней) бесполезным и бессмысленным. А соматическое возбуждение, ярость, не связанные с образами и представлениями, накапливаясь в теле, становятся источниками психосоматических заболеваний у ребенка. Таким образом, в результате гипопеки (равнодушие или занятость родителей) у ребенка теряется чувство защищенности, возникает дефицит любви и постоянный поиск ее. В самом худшем случае, как утверждает Э. Уэллдон, женщина может с легкостью напасть на ребенка, вызывающего у нее разочарование и ограничивающего ее свободу, вследствие постоянного противостояния наказывающей ее матери и в результате, идентифицирующийся с агрессивной матерью.

Э.Уэллдон, упоминая П. Гринакр отметит, что автор работая с пациентами, имеющими сексуальные перверсии, выделяет нарушения в ходе их развития в первые два года и отмечает как они влияют на нормальное течение процесса сепарации-индивидуации. Нарушенные отношения: неадекватная забота и/или отвержение ребенка - почва для дальнейшего развития первертных наклонностей. Сама неспособность Быть с ребенком не определяет содержания перверсии. Долговременные переживания неопределенности относительно Я-Другой влияют на патологию ситуации в отношениях. Объектные отношения ухудшаются, удерживается первичная агрессия, повышается вторичная агрессия вследствие разочарования. В ответ на насилие со стороны матери актуализируется садизм.

Р. Столлер писал, что для первертной матери сам ребенок превращается в «переходный объект». С его точки зрения, «переходный объект» используется первертом для манипуляции, использования и злоупотребления, разрушения и отвержения. По мнению Р. Столлера, «враждебность в перверсии принимает форму фантазии о мести, скрытой в действиях, которые и образуют перверсию и служат для преобразования детской травмы в триумф взрослого» [\[7, с. 99\]](#). Э. Уэллдон, отмечает, как в своей клинической практике она заметила, что возможность полного контроля над ситуацией, которое дает материнство, создает для женщин, переживших травмирующие события, благоприятную почву для злоупотребления и насилия над своими детьми. Это порождает матерей, которые избивают своих детей, чьи дети становятся транссексуалами и сексуальными первертами.

Э. Уэллдон выдвигает гипотезу о том, что иногда женщина становится матерью по бессознательным первертным причинам. Став матерью, она автоматически становится главной, полностью контролирующей другого, который должен подчиниться не только эмоциональным, но и биологическим требованиям матери. Она полагает, что первертная мать ощущает своего ребенка как часть себя, с которой она никогда не расстанется, и не позволит ему развить свою собственную гендерную идентичность и индивидуации. Она получает удовольствие от того, что заставляет ребенка выполнять свои неуместные требования.

Сама перверсия передается от матери ее ребенку на доэдипальной стадии и формируется в процессе сепарации-индивидуации с желанием первертной матери к симбиотическому слиянию и лишению автономности ребенка. А материнство как перверсия проявляется в виде разрушенных внутренних психических структур, в результате чего мать чувствует себя не только неспособной справляться с огромными

психологическими и физическими требованиями ее ребенка, но также бессильной и беспомощной получить удовлетворение из других источников. В силу своих неразрешенных внутренних конфликтов, она считает свое первертное поведение единственной властью, которая доступна ей по праву распоряжаться эмоциональным и физическим состоянием ребенка. Основная цель первертного материнства и его последствие становится результатом эмоциональной нестабильности ребенка и недостаточной индивидуации. В подобных условиях у ребенка с большей вероятностью формируется пограничная или психотическая структура личности с соответствующими психопатологическими последствиями, включающее первертные сексуальные отклонения и сложности установления объектных отношений во взрослой жизни.

Другой группой первертного материнства и отношений насилия мать-дитя является инцест. Дэвид Э. Шарфф, исследуя сексуальные отношения с точки зрения объектных отношений и в частности истоки сексуальных отклонений, пишет о том, что: «реальный инцест представляет особый случай нарушения родительской функции безотносительно того, кто становится его участником: родные или сводные братья и сестры, взрослые родственники – дед, дядя или отец девочки. Фактический инцест между матерью и сыном – явление очень редкое» [\[8, с. 103\]](#).

Д. Э. Шарфф представляет идею о фактическом и символическом инцесте. Характеризует инцест разной степенью тяжести: от легкой формы между сиблингами до инцеста между родителем и ребенком, оказывающее наиболее серьезное последствие на последнего. К символическим инцестуозным событиям он относит, например, когда ребенок регулярно спит в родительской постели или с одним из родителей, без сексуального взаимодействия. Символический инцест, по его мнению, может создать проблемы в психосоциальном развитии ребенка, но они будут значительно менее тяжелыми, чем те последствия, который влечет за собой фактический инцест. На наш взгляд, символический инцест между матерью и ребенком (причем ребенок может быть любого пола) наиболее распространен, но матери и общество отказываются принимать и называть это инцестом, и даже, когда мать вплоть до совершеннолетнего возраста ребенка продолжает с ним спать в одной кровати, она считает, это вполне нормальным и не отклоняющим от нормы поведение. Д. Э. Шарфф считает, что символический инцест обнаруживается при невротических и других расстройствах умеренной тяжести. На наш взгляд, символический инцест не менее травмоопасен для ребенка, чем инцест фактический. Такое поведение матери сильно повышает вероятность развития дефектной структуры Эго, размытие границ между Я и Другими, между своим телом и телом Другого, что приводит не только к пограничному функционированию личности, как считает Д.Э. Шарфф, но и к психопатическому. Сам по себе инцест наносит тяжелый удар по стремлению ребенка сохранять свои личные границы и целостность [\[8\]](#).

Фактический инцест есть фундаментальное нарушение безопасности ребенка как в телесном, так и в психологическом плане, ведущее к примитивной психической организации. Примитивное расщепление Эго и диссоциация необходимы для того, чтобы разделить либидинальный и антилибидинальный объекты, если действительный опыт включал сексуальное использование ребенка сильно заряженным объектом (матерью), сочетающим в себе возбуждающие и преследующие аспекты. Инцест представляет собой одно из наиболее тяжелых нарушений психосоматического партнерства, и последствия его всегда очень серьезны. В ситуации, когда инцест становится возможным, ребенок становится беззащитным. В таких ситуациях мать становится не состоятельна в своей родительской роли, она не только не обеспечивает безопасность, но и нападает на своего ребенка, нарушает телесную неприкосновенность ребенка под предлогом заботы.

Д. Э. Шарфф считает, что нанесенный вред ребенку является слишком значительным, чтобы быть просто вытесненным в бессознательное. Вместо этого угрожающий объект (который воспринимается ребенком одновременно как проявление внешней агрессивной атаки и как возвращение собственной агрессивной проекции) должен быть отделен от образа хорошего объекта. Агрессия плохого объекта и вместе с тем возбуждающего объекта, усиливает спутанность в представлениях о своей самости. В попытке разделить либидинальный и антилибидинальный объекты Эго также расщепляется на либидинальное Эго и антилибидинальное Эго, и психическая целостность становится невозможной. Расщепление Эго является наивысшей точкой травматических нарушений телесной целостности и целостности Эго. Так Д.Э. Шарфф показал механизм формирования пограничной структуры в результате инцеста [\[8\]](#).

Не менее важным последствием является также спутанность фантазий и реальности, которая возникает у детей, подвергшихся инцесту. В процессе нормального развития после эдипального периода инцестуозные фантазии оказываются вытесненными в бессознательное. У жертв инцеста спутанность фантазий и реальности препятствует развитию психических функций, и степень нарушения соответствует тяжести инцеста, в котором фантазии становятся частью реальности. Д. Э. Шарфф считает, что инцест приводит к формированию пограничных структур личности с сексуальными расстройствами.

Э. Уэллдон, рассуждая об инцесте матери и ее сына, также подчеркивает, что инцест и первертное поведение приводят к остановке в эмоциональном и сексуальном развитии. Первертные пациенты, как правило, используют такие защитные механизмы, как расщепление, проективная идентификация и сексуализация. Дети инцеста могут вырабатывать маниакальные защиты, чтобы справиться со своей глубокой, хронической и скрытой депрессией, для того чтобы справиться с той ситуацией, когда ребенка вынуждают быть частью или продолжением материнского тела, существующим только для того, чтобы доставлять матери нарциссическое или сексуальное удовлетворение. Э.Уэллдон, ссылаясь на С. Крамер отмечает, что материнский инцест - это осознанные действия матери в виде стимуляции ребенка для получения собственного удовольствия. Пол не имеет значения.

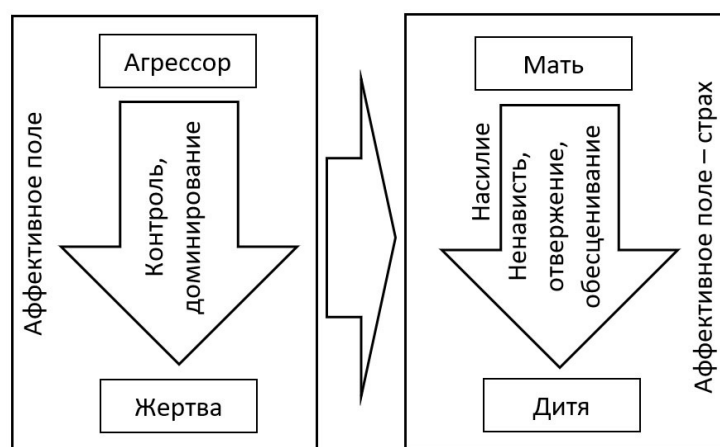
С. Коэн, рассматривая генетические истоки эротизированного садомазохизма, считает, что общей генетической предпосылкой такого поведения является отношения ребенка с недоступной, депрессивной матерью, которая может быть чересчур соблазнительной. Такие матери, по его мнению, не выносят тягот заботы о ребенке, они хотят, чтобы заботились о них самих. Как правило, она завидует ребенку, его автономности, его возможностям, молодости и т.д. Из зависти и ненависти мать бессознательно желает разрушить эти отличительные качества ребенка, она его уродует, привязывает его к себе и меняется с ним ролями. Ребенок идентифицируется с защитной доминирующей позицией матери и взаимодействует с ней комплиментарным образом. Это поощряет сексуализацию и садомазохизм в качестве защитных и адаптивных феноменов, призванных контейнировать и смягчать непереносимые аффекты. *Садомазохистское поведение* матери по отношению к ребенку может привести к тому, что ребенок станет переполнен аффектами возбуждения, ярости, обиды и унижения. В случае, когда ребенок становится объектом соблазнения или использования в садомазохистских отношениях со стороны матери, он чувствует свою исключительность, или испытывает чувство собственной необыкновенности. Эти чувства сменяются ощущением заброшенности и одиночества, вины за свои грехи, ярости, беспомощности. Защитная идентификация и эротическое или садомазохистское повторение имеют целью

совладание с переполняющими негативными аффектами, а также повторение идеализированного удовольствия. Ребенок идеализирует сильные чувства и переживания и защитным образом фокусируется на них. Чувство собственной исключительности, дозволенности, способность соблазнять и возбуждать других используется для защиты от критики в отношении собственной деструктивности. Ребенок не получал от родителя обоснованной оценки реальности и разъяснений по поводу того, что есть реальность. Реальность была такой, какой этот нуждающийся родитель ее видел. Такие дети будут постоянно пытаться вовлечь мать в эмоциональный контакт, они будут стараться подстраиваться под мать, разделяя с ней нарциссическую необыкновенность [9].

К сожалению, не реже мы сталкиваемся с такими же губительными последствиями вмешательства отцов в эмоциональное и сексуальное развитие дочерей. Э. Уэллдон, анализируя, отцовский инцест приходит к выводу, что он может стать последствием проституции или отказа от сексуальных отношений. Жертвы инцеста обоих полов при том как они строят отношения, сталкиваются с огромными трудностями. С одной стороны, они чувствуют себя использованными, совращенными и воспринимаемыми как сексуализированные частичные объекты, а с другой стороны, они кажутся себе исключительными, всемогущими и опережающими других в развитии, ведь их бессознательные эдипальные фантазии осуществились. Отцовский инцест по отношению к дочери является также формой первертного материнства, так девочка реагирует на неспособность матери справляться со своими физическими, материнские, опекунические, супружеские или партнерские обязанности, и становится заместителем матери в отношениях с отцом. Дж. Л. Херман дала очень точную формулировку: «Отец фактически заставляет дочь расплачиваться собственным телом за близость и заботу, которая должна доставаться безвозмездно. Тем самым он разрушает защитную связь, существующую между родителями и ребенком, и приобщает свою дочь к занятию проституцией», как отмечено в работе Э. Уэллдон [с. 165]. Ситуация инцеста может развиваться довольно медленно. Очень часто этот процесс начинается с отказа жены от сексуальной близости с мужем. Когда его отвергает жена, он идет к своей дочери или сыну не просто за удовлетворением сексуального желания, а за теплом и обретением уверенности в себе. Подобная сильная реакция, по мнению, Э. Уэллдон, возникает у мужчин из-за того, что такая ситуация часто напоминает о кошмаре из их собственного детства, в котором происходили схожие кумулятивные травмы. Такие мужчины обычно жалуются на холодность и отдаление жены, ее фригидность. В таких случаях совращение ребенка становится «решением», в особенности для пар, в которых партнеры мало разговаривают друг с другом и испытывают определенную эмоциональную депривацию. Так, дочь становится матерью своей матери и женой своего отца. Поэтому ее идентичность спутывается и страдает от нехватки какой-либо внешней и внутренней системы координат. Еще не достигнув половой зрелости, им пришлось выполнять вместо матери функции любовниц и взрослых. Крайне важно, что это происходит в семейных рамках, в которых нарушаются фундаментальные границы, отвечающие за распределение обязанностей между поколениями. Исчезают нормальные отношения между детьми и родителями, которые перестают заботиться о дочери и лишают ее возможности развиваться в своем собственном темпе. Исходя из своих многочисленных клинических наблюдений за женщинами, пережившими инцест, Э. Уэллдон, отмечает, что эти женщины страдают от депрессии, которая завуалирована навязчивой, искаженной, генитальной сексуальной активностью, в основе которой лежит глубокая потребность в мести. При этом в основе реальных встреч лежит ненависть, а не любовь, а встречающиеся объекты – представленные в виде собственных тел –

представляют собой лишь символическую замену настоящих объектов, на которых направлена месть. Поведение этих женщин мотивируется сильнейшим отвращением к собственному телу, с которым они справляются разными способами.

Насилие при материнской перверсии представим в виде схемы.

Заключение

Развитие человека начинается в семье. Семья является первой социальной группой. Родители создают пространство для развития; это пространство наполняется любовью и/или ненавистью, различными чувствами, фантазиями и мечтаниями родителей. Опыт отношений, приобретенный в семье реализуется в социальной жизни взрослого человека.

Насилие над слабыми – один из видов насилия и опыт травмы. В основе акта насилия согласно Р. Коллинзу лежит ситуация: определенные условия, способствующие разворачиванию акта насилия и переживания человека в данной ситуации. Семья – пространство (мало изученное, трудно наблюдаемое), где есть возможность развития ситуации насилия.

Мать – фигура, обладающая властью над ребенком, в отношении которой ребенок испытывает первичную абсолютную зависимость. Развитие предполагает выход из абсолютной зависимости к относительной неависимости и независимости. Аффективный опыт с матерью и качество привязанности (ранних объектных отношений) формирует личность ребенка.

Насилие возможно в ситуации межличностной зависимости (патологической зависимости) между нуждающимся субъектом и доминирующим субъектом – это те виды насилия, которые Р.Коллинз обозначает как насилие слабых и беспомощных.

В основе насилия лежит материнская перверсия (=ненависть). Первертная мать не позволяет ребенку отделиться от нее; способствует созданию садомазохистских паттернов отношений и разворачиванию деструкций развития. Это те дети, которые пережили раннюю потерю значимого объекта (даже при физическом ее присутствии) и опыт ненависти вместо любви со стороны значимого Другого. Дети с таким опытом зачастую просто не способны любить в будущем. Как результат будущего – отыгрывание и воспроизведение данного опыта травмы в будущей жизни (согласно Р. Коллинзу в ситуации насилия). Такая история жизни человека может быть похожа на опыт отношений, когда насилие перепутано с любовью, ведущим аффектом выступает страх.

Сформулируем модель насилия при материнской перверсии. Следуем от общей идеи о насилии к частной: 1. Ситуация насилия подразумевает агрессора и жертву, и тот и другой эмоционально заряжены и находятся в одном аффективном поле. Задача агрессора - доминировать, управлять и подчинить жертву. Задача жертвы - быть управляемой, подчиненной и пассивной. 2. В ситуации насилия при материнской перверсии - агрессором оказывается мать, жертвой - ребенок. Аффекты, переживаемые в общем аффективном поле данной диады - ненависть, отвержение, обесценивание и страх. - Это травмирующий жизненный опыт для ребенка, формируется его внутренняя реальность и отыгрывание во внешней реальности. Так мы связываем внутреннюю и внешнюю реальность человека в области травмы, связанной с опытом материнской перверсии, что может послужить основанием для дальнейших исследований.

Библиография

1. Моц А. Психология женского насилия. Преступление против тела. М.: Когито-Центр, 2021. 590 с.
2. Collins, R. *Violence : a micro-sociological theory*. Princeton University Press. 2008. 580 с.
3. Хирш М. Самоповреждение, суицидальные тенденции и агрессия, направленная вовне – общность и различия. // Журнал практической психологии и психоанализа. 2022. № 2. – Режим доступа: <https://psyjournal.ru/articles/samopovrezhdenie-suicidalnye-tendencii-i-agressiya-napravlenная-vovne-obshchnost-i> – (Дата обращения: 02.12.2023)
4. Уэллдон Э.В. Мать. Мадонна. Блудница. Идеализация и обесценивание материнства. М.: «Перо», 2016. 204 с.
5. Бержере Ж. Психоаналитическая патопсихология: теория и клиника. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2001. 400 с.
6. Masterson, J.F., Rinsley, D.B. The borderline syndrome. The role of the mother in the genesis and psychic structure of the borderline personality // Int. J. Psycho-Anal. 1975. Vol. 56. P. 163-167.
7. Столлер Р. Дж. Перверсия: эротическая форма ненависти. Ижевск: ERGO, 2016. 220 с.
8. Шарфф Э. Дэвид. Сексуальные отношения. М.: «Когнито-Центр», 2013. 304 с.
9. Коэн С. Садомазохистское возбуждение: расстройство характера и перверсия. // Журнал практической психологии и психоанализа. 2004. № 4. – Режим доступа <https://psyjournal.ru/articles/sadomazohistskoe-vozbuzhdenie-rasstroystvo-haraktera-i-perversiya?ysclid=Ipo85fc8sq412474165> – (Дата обращения: 02.12.2023)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной статье являются насилие в семье и материнская перверсия.

В качестве методологии предметной области исследования в данной статье были использованы теоретические методы, прежде всего, дескриптивный метод, метод категориализации, метод анализа.

Актуальность статьи не вызывает сомнения, так как в научной среде есть различное понимание природы насилия, насильственного поведения человека. Интересным является то, что опыт (практика) насилия имеет место быть на протяжении всей истории развития человечества в целом – от древних времен по настоящее время мы можем наблюдать этот деструктивный опыт и переживания в мире людей. Семья и близкие люди – первая социальная система, куда попадает ребенок после рождения. Ранний опыт

отношении со значимым Другим зачастую воспроизводится во взрослой жизни: формируется идентичность, определенные паттерны взаимодействия с другим, аффекты, встречаются партнеры, созвучные друг другу, отыгрывают внутренние конфликты. Для некоторых насилие – обычный способ взаимодействия с другим или даже единственный. Форм насилия множество: от реального (атака, жестокое обращение, полное уничтожение и пр.) до символического (игнорирование, отвержение, обесценивание и пр.).

Научная новизна исследования заключается в проведении глубокого теоретического научно-обоснованного анализа природы насилия в семье и материнской перверсии.

Статья изложена языком научного стиля с очень грамотным использованием в тексте исследования изложения различных позиций к изучаемой проблеме и применением научной терминологии и дефиниций.

Структура выдержана с учетом основных требований, предъявляемых к написанию научных статей, в структуре данного исследования можно определить такие элементы как преамбула, основная часть с анализом научной литературы, обобщающие выводы и библиографию.

Содержание статьи отражает ее структуру. Особенно ценным в содержании исследования следует отметить описание психологической природы материнского насилия (перверсии). Согласно психоаналитическому подходу в исследовании затронут аспект материнского первертного материнства (инфантицид и влечение к смерти, патологический нарциссизм). Первертное материнство рассматривается как феномен ранних нарушенных объектных отношений в диаде «мать-дитя» на ранней фазе развития, характеризующиеся использованием ребенка матерью (разрушение его автономности или обесцениванием) с целью разрешения бессознательных конфликтов с собственной матерью, который может не включать элементы прямой девиантной сексуальности по отношению к ребенку и основанный на женских сексуальных перверсиях.

Библиография содержит 9 источников, включающих в себя отечественные и зарубежные периодические и непериодические издания.

В статье приводится описание различных позиций и точек зрения известных ученых, характеризующих различные аспекты насилия в семье и материнской перверсии, а также содержится апелляция к различным научным трудам и источникам, посвященных этой тематике, которая входит в круг научных интересов исследователей, занимающихся указанной проблематикой.

В представленном исследовании содержатся краткие выводы, касающиеся предметной области исследования. В частности, отмечается, что насилие над слабыми – один из видов насилия и опыт травмы. В основе акта насилия согласно лежит ситуация: определенные условия, способствующие разворачиванию акта насилия и переживания человека в данной ситуации. Мать – фигура, обладающая властью над ребенком, в отношении которой ребенок испытывает первичную абсолютную зависимость. Развитие предполагает выход из абсолютной зависимости к относительной неависимости и независимости. Аффективный опыт с матерью и качество привязанности (ранних объектных отношений) формирует личность ребенка. В основе насилия лежит материнская перверсия (=ненависть). Первертная мать не позволяет ребенку отделиться от нее; способствует созданию садомазохистских паттернов отношений и разворачиванию деструкций развития.

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, социальными работниками, медицинскими работниками, психотерапевтами, психиатрами, психологами.

В качестве недостатков данного исследования следует отметить, то, что в статье не были четко определены и выделены ее структурные элементы, которые, конечно, прослеживаются и присутствуют в ее содержании, однако, отдельно они не отмечены соответствующими заголовками. Особенно хотелось бы обратить внимание на написание введения, конкретизации целей, задач, научной новизны исследования и методологии, а также на формулирование основного вывода по статье. Кроме того, текст статьи завершается рисунком, демонстрирующим модель насилия при материнской перверсии. Во-первых, уместнее было бы встроить эту модель в текст статьи, а не завершать исследование рисунком без каких-либо комментариев. Во-вторых, рисунок необходимо оформить в соответствии с требованиями действующего ГОСТа. Необходимость соблюдения требований действующего ГОСТа относится и к библиографическому списку, в частности, источники, представляющие собой электронные ресурсы необходимо оформить правильно и указать дату обращения. Указанные недостатки не снижают высокую научную значимость самого исследования, однако, эти недостатки рекомендуется оперативно устранить, а статью направить на доработку.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена работа «Насилие в семье и материнская перверсия». Предмет исследования. Работа направлена на проведение исследования интеграции социологического и психоаналитического подходов для понимания природы и проявления насилия в семье как формы насилия слабых и беспомощных. Особое внимание было уделено: рассмотрению идей Р. Коллинза, которые касаются проблематики домашнего насилия (механизмы развития насилия в паре, родителей и детей, в отношении пожилых и больных людей); исследования природы материнской перверсии (= насилие и ненависть в психоаналитическом подходе); разработке положений модели феномена материнской перверсии в ситуации домашнего насилия. В целом, автором поставленные цель и задачи были достигнуты.

Методология исследования опирается на работы отечественных и зарубежных ученых, которые рассматривают поставленные проблемы. Автор провел теоретический анализ, опираясь в своем исследовании на подход Р. Коллинза, который рассматривал ситуации насилия в семье. Значительное внимание уделено изучению подходов Р. Столлера, Э. Уэллдона, Д. Шарффа и др. Проведенная работа позволила сделать обобщающие и подробные выводы и представить насилие при материнской перверсии в виде обобщенной схемы. Автор в работе опирается на социологический и психоаналитический подходы.

Актуальность исследования обусловлена тем, что важно понимание природы насилия и насильственного поведения, в том числе, в семье. Однако незначительное количество работ посвящено выделению механизмов, которые помогают понять природу и проявления насилия в семье как формы насилия слабых и беспомощных.

Научная новизна исследования. Автор в процессе исследования рассмотрел проблему материнской агрессии в отношении собственного ребенка. В работе было выделено, что в ее основе лежит материнская перверсия (ненависть). Проведенное исследование позволило сформулировать модель насилия при материнской перверсии, в которой представлено основное содержание данных ситуаций, задачи агрессора и жертвы. Особое внимание уделено описанию последствий.

Стиль, структура, содержание. Стиль изложения соответствует публикациям такого

уровня. Язык работы научный. Структура работы прослеживается четко, автором выделены основные смысловые части.

Во введении определена проблема исследования и выделена ее актуальность. Особое внимание уделено анализу природы насилия и насильственного поведения; значению семьи, в том числе конфликтной, в психическом и психологическом здоровье ребенка. Автор опирается на социологический и психоаналитический подход к проблематике насилия. Во введении выделены цель и основные задачи.

Следующий этап посвящен описанию взгляда Р.Коллинза на ситуацию насилия в семье. Автором в статье описываются особенности домашнего насилия, его причины, возникновение ситуационного процесса в процессе развития насильственного поведения. Причем, объектами агрессии в семье чаще всего становятся такие объекты как: больные люди и инвалиды, женщины как жертвы насилия со стороны мужей, а также дети. Причем, в последнем случае в качестве агрессора чаще всего выступают матери. Автор отмечает следующие особенности:

- женщины чаще, чем мужчины прибегают к насилию над маленькими детьми;
- девочки меньше подвергаются телесным суровым наказаниям, чем мальчики;
- мужчины не применяют телесные наказания (жестокое обращение) к девочкам в отличие от того, как относятся к мальчикам;
- мужчины используют насилие для контроля над женщинами;
- на уровне более серьезного насилия, как правило, мужчины физически злоупотребляют подростками, в то время как женщины чаще всего злоупотребляют маленькими детьми.

Следовательно, достаточно часто более сильный нападает на более слабого.

Следующий раздел посвящен описанию психологической природы материнского насилия (перверсии). Автор продолжает традиции психоаналитического направления и рассматривает первертное материнство как феномен ранних нарушенных объектных отношений в диаде «мать-дитя» на ранней фазе развития, характеризующиеся использованием ребенка матерью (разрушение его автономности или обесцениванием) с целью разрешения бессознательных конфликтов с собственной матерью, который может не включать элементы прямой девиантной сексуальности по отношению к ребенку и основанный на женских сексуальных перверсиях.

Проведенный анализ позволил автору представить насилие при материнской перверсии в виде схемы, в рамках которой рассматривается аффективное поле, целенаправленные действия жертвы и агрессора, эмоциональное содержание действий матери и пр.

В статье представлено подробное заключение с выделением основных и обоснованных выводов.

Библиография. Библиография статьи включает в себя 9 отечественных и зарубежных источников, незначительная часть которых издана за последние три года. В списке представлены, в основном, статьи и тезисы. Помимо этого, в библиографии есть монографии, учебные пособия и интернет-издания. Источники оформлены, в основном, корректно и однородно.

Апелляция к оппонентам.

Рекомендации:

- представить более подробно результаты проведенного теоретического анализа научных работ;
- более четко представить актуальность выделенной проблемы; выделить научную новизну, авторский вклад в решение поставленной проблемы и перспективы дальнейшего исследования;
- важно представить конкретные примеры из анализа психотерапевтической практики.

Выводы. Проблематика статьи отличается несомненной актуальностью, теоретической и

практической ценностью; будет интересна специалистам, которые занимаются проблемами насилия, насильственного поведения человека, в том числе, в семье. Статья может быть рекомендована к опубликованию с учетом выделенных рекомендаций. Это позволит представить в редакцию полноценную научно-исследовательскую статью.

Психолог

Правильная ссылка на статью:

Сунгурова Н.Л., Хонина С.Ю. Особенности взаимосвязи самопредъявления и образа физической привлекательности у участников онлайн-сообществ, идеализирующих культ внешности // Психолог. 2024. № 4. DOI: 10.25136/2409-8701.2024.4.71408 EDN: XXSZWZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71408

Особенности взаимосвязи самопредъявления и образа физической привлекательности у участников онлайн-сообществ, идеализирующих культ внешности

Сунгурова Нина Львовна

ORCID: 0000-0001-7410-9779

кандидат психологических наук

доцент; кафедра психологии и педагогики; ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10/2, каб. 627

✉ sungurova_nl@pfur.ru

Хонина Светлана Юрьевна

магистр; кафедра психологии и педагогики; ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10/2, каб. 627

✉ honina_svetlana@mail.ru

[Статья из рубрики "Тело и телесность"](#)

DOI:

10.25136/2409-8701.2024.4.71408

EDN:

XXSZWZ

Дата направления статьи в редакцию:

05-08-2024

Аннотация: В современном обществе социальные сети играют ключевую роль в формировании и распространении идеала физической привлекательности. Это приводит к созданию сетевых сообществ, идеализирующих культ внешности. Влияние соцсетей заставляет людей воспринимать красоту как внутренний стандарт, увеличивая внимание и беспокойство относительно своей внешности. Участники сравнивают себя с идеалом,

что снижает самооценку и вызывает недовольство телом, может привести к депрессии, тревожным расстройствам и нарушениям пищевого поведения. Объектом настоящего исследования является самопредъявление и образ физической привлекательности личности. Предметом исследования выступают особенности взаимосвязи самопредъявления и образа физической привлекательности у участников онлайн-сообществ, идеализирующих культ внешности. Цель исследования состоит в выявлении особенности взаимосвязи самопредъявления и образа физической привлекательности у участников онлайн-сообществ, идеализирующих культ внешности. Методики: «Стратегии самопредъявления» (И.П. Шкуратова), «Трехфакторная шкала физического перфекционизма» (А.Б. Холмогорова, А.А. Рахманина), «Опросник образа собственного тела» (О.А. Скугаревский, С.В. Сивуха), «Тест отношения к приёму пищи» (Д. Гарнер в адаптации О. А. Скугаревского), «Голландский опросник пищевого поведения» (Т. Стриен в адаптации: Т.Г. Вознесенской). Участники разных онлайн-сообществ демонстрируют сходные стратегии самопредъявления. На основе данных исследования выявлены различия в показателях физического перфекционизма, неудовлетворенности образом тела, типов нарушений пищевого поведения у участников онлайн-сообществ, идеализирующих разный культ внешности. Установлены взаимосвязи между характеристиками самопредъявления и физического перфекционизма в обеих исследуемых выборках. Было выявлено, что существуют общие и специфические особенности взаимосвязи между стратегиями самопредъявления и показателями физического перфекционизма и образом собственного тела у представителей разных сетевых сообществ. Направленность на физическую привлекательность, стремление к идеализированному образу своего тела способствует активной позиции в самопредъявлении с использованием разных стратегий: демонстрация слабости, стремление понравиться себе и окружающим, отслеживание производимого впечатления, самопродвижение, примерность, запугивание. Научная новизна и практическая значимость. Новизна исследования заключается в том, что впервые рассматриваются особенности взаимосвязи самопредъявления и образа физической привлекательности у участников онлайн-сообществ, идеализирующих культ внешности. Исследование расширяет понимание психологических особенностей респондентов, вовлеченных в разные онлайн-сообщества культа внешности.

Ключевые слова:

стратегии самопредъявления, физическая привлекательность, физический перфекционизм, неудовлетворенность образом тела, нарушения пищевого поведения, культ внешности, онлайн-сообщества, перфекционизм, образ тела, пищевое поведение

Введение

Феномен самопрезентации достаточно широко представлен в психологических исследованиях как в российской, так и в зарубежной науке [\[1, 2, 3\]](#). Отметим, что понятие «самопредъявление» рассматривается как синонимичное к термину «самопрезентация» [\[4\]](#).

С развитием онлайн-коммуникации феномен самопрезентации (или самопредъявления) приобрел новые особенности. Исследователи онлайн-среды обращают внимание на вербальные и визуальные средства самопрезентации, на тенденции и виды самопредъявления. Например, Е. П. Белинская и О. В. Гавриченко исследовали

самопрезентацию в сети, изучая личные страницы пользователей как отражение их мировоззрения [5]. Другие авторы анализировали деловую самопрезентацию на образовательных онлайн-платформах, изучая виды и формы самопрезентации, а также влияние делового стиля общения на создание образа и самопрезентационное поведение [6]. Имеются исследования виртуальной самопрезентации личности, взаимосвязи самоотношения и вариативности самопрезентации в интернет-коммуникации [7, 8].

Активное участие в социальных сетях может амбивалентно воздействовать на психологические состояния. Негативное воздействие связано со временем, проведенным в социальных сетях, количеством друзей и склонности к зависимому поведению [9]. Под влиянием сети молодые люди чувствуют себя социально отчужденными, переживают угрозу личной безопасности [10]. Стремление уменьшить чувство одиночества через активное использование социальных сетей увеличивает недовольство жизнью, особенно у девушек [11].

СМИ и социальные сети играют большую роль в формировании и распространении идеала физической привлекательности [12, 13]. Молодежь подвергается активному воздействию этого идеала, что мотивирует ее стремиться к соответствию определенным стандартам. Неудовлетворенность собой, особенно в контексте социокультурных стандартов красоты, может негативно сказываться на эмоциональном состоянии [14].

В настоящее время наблюдается значительный рост интереса к вопросам формирования образа собственного тела и физической привлекательности как средств презентации личности [15]. Чувство неудовлетворенности своим внешним видом может стать стимулом для совершенствования своей физической привлекательности. Значительные расхождения между реальным и идеальным образом тела становятся источником психологических проблем личности, могут привести к проблемам со здоровьем [16].

Установки относительно физической привлекательности тела формируются под воздействием СМИ и в социальных сетях [17]. Выявлено, что уровень удовлетворенности собственной внешностью статистически значимо снижается после просмотра фотографий в социальной сети. Отмечается обратная взаимосвязь между самооценкой счастья и успеха и оценкой внешности после просмотра фотографий в социальной сети [18].

Вовлеченность в сообщества социальных сетей способствует развитию недовольства телом [19], снижению самооценки, повышению уровня физического перфекционизма [20].

Физический перфекционизм связан с особенностями социального поведения, психологическими характеристиками личности, культурой, ранним опытом индивида. В исследовании А. Abdollahi было выявлено, что физический перфекционизм взаимосвязан с тревожностью [21].

Перфекционизм может способствовать развитию психологических расстройств и качественно снижать уровень жизни. В исследовании L. Lima-Silva, была выявлена статистически значимая связь между физическим перфекционизмом и симптомом дисморфического расстройства тела, показано прямое положительное влияние на депрессивные симптомы [22].

Физический перфекционизм может усилить взаимосвязь между использованием социальных сетей и симптомами дисморфического расстройства тела [23]. Данный

феномен взаимосвязан с неудовлетворенностью собственным внешним видом [24].

Ю. В. Свиткевич утверждает, что информационное воздействие на личность в сети выступает как один из предикторов частоты рецидивов расстройств пищевого поведения [25]. Последствия расстройств пищевого поведения могут негативно сказаться на физическом, эмоциональном, личностном состояниях человека [26]. Исследование П. В. Цыганковой, Е. Ю. Прончихиной показывает, что у девушек, страдающих нервной анорексией, наблюдается более интенсивная эмоциональная реакция на проанорексичные интернет-посты по сравнению с теми, у кого нет пищевых расстройств. Эта реакция включает в себя чувства стыда, страдания, отвращения, презрения, вины и страха. Кроме того, было выявлено влияние виртуальной групповой идентичности на индивидуальное самосознание и восприятие собственного тела [13].

Вовлеченность участников социальных сетей в сообщества, идеализирующие культ внешности, культ физической привлекательности, может усугублять проявления физического перфекционизма, проблемы с пищевым поведением. Социальное влияние оказывает воздействие и косвенно, и непосредственно [27].

Постановка задачи

В статье представлен анализ теоретико-эмпирического исследования особенностей взаимосвязи самопредъявления и образа физической привлекательности у участников онлайн-сообществ, идеализирующих культ внешности. Объектом настоящего исследования является самопредъявление и образ физической привлекательности личности. Предметом исследования выступают особенности взаимосвязи самопредъявления и образа физической привлекательности у участников онлайн-сообществ, идеализирующих культ внешности. Цель исследования: выявить особенности взаимосвязи самопредъявления и образа физической привлекательности у участников онлайн-сообществ, идеализирующих культ внешности.

В рамках нашего исследования мы выдвинули следующие гипотезы:

1. Существуют различия в проявлении самопредъявления и образа физической привлекательности у участников различных онлайн-сообществ.
2. Существуют особенности взаимосвязи самопредъявления и образа физической привлекательности у участников онлайн-сообществ, идеализирующих культ внешности.

Материалы и методы

Онлайн-опрос пользователей социальной сети «ВКонтакте» проводился с помощью платформы Google Forms летом 2023 года. Участие в исследовании проходило на добровольной основе. Приглашения к участию размещались в сетевых сообществах, идеализирующих культ худобы и культ любви к себе.

Выборку исследования составили пользователи социальной сети «ВКонтакте», которые состоят в сообществах, идеализирующих культ худобы, такие как «Типичная анорексичка», «Анорексия», «Skinny», «До костей» и участники групп «Бодипозитив», «Любовь к себе». Объем выборки составил 166 человек (по 83 участника в каждой группе). Участники, состоящие в сообществах, идеализирующих культ худобы от 12 лет до 31 года ($M = 18,46$; $SD = 3,52$). Выборка респондентов, состоящих в группах любви к себе от 33 до 44 лет ($M = 21,81$; $SD = 7,1$).

В работе применялись методы: тестирование, опрос. Для сбора данных использовались следующие методики: опросник «Стратегии самопредъявления» (И.П. Шкуратова), «Трехфакторная шкала физического перфекционизма» (А.Б. Холмогорова, А.А. Рахманина), «Опросник образа собственного тела» (О.А. Скугаревский, С.В. Сивуха), «Тест отношения к приёму пищи» (EAT-26) (Д. Гарнер и др. в адаптации О. А. Скугаревского), «Голландский опросник пищевого поведения» (DEBQ) (Т. Стриен в адаптации Т.Г. Вознесенской).

Методы математической обработки: критерий согласия Пирсона, коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Компьютерная обработка данных осуществлялась с использованием программных пакетов «Excel» и «IBM SPSS Statistics 23».

Результаты и обсуждение.

Проанализируем и обобщим результаты сравнительного анализа характеристик самопредъявления у участников онлайн-сообществ, идеализирующих культ внешности, представленные в таблице 1.

Обратим внимание на то, что отмечается следующая тенденция: по всем стратегиям самопредъявления участники сообществ, идеализирующие культ худобы, показывают более высокие показатели. Они в большей мере демонстрируют стремление понравиться, направленность на самопродвижение, примерность, отслеживание производимого впечатления. Для них свойственно запугивание и демонстрация слабости. Однако статистическая обработка по критерию Пирсона значимых различий не выявила.

Таблица 1. Результаты сравнительного анализа по показателям стратегий самопредъявления

Шкалы	Участники сообществ, идеализирующие культ худобы. Среднее значение.	Участники сообществ, посвящённых любви к себе. Среднее значение.	Хи-квадрат Пирсона	P
Стремление понравиться	7,9	7,5	13,200	0,432
Самопродвижение	6,3	4,9	22,369	0,098
Примерность	7	5,7	14,256	0,356
Запугивание	6,8	4,8	23,144	0,058
Демонстрация слабости	4,5	3,9	8,729	0,726
Отслеживание производимого впечатления	9,9	8,7	16,488	0,350
Вариативность поведения	9,5	7,8	18,948	0,216

Сравнительный анализ результатов по шкалам методики «Трехфакторная шкала физического перфекционизма» у участников разных сетевых сообществ представлен в таблице 2.

Таблица 2. Результаты сравнительного анализа показателей физического

перфекционизма

Шкалы	Участники сообществ, идеализирующие культ худобы. Среднее значение.	Участники сообществ, посвящённых любви к себе. Среднее значение.	Хи-квадрат Пирсона	p
Физический перфекционизм	22	15,5	55,876	0,001**
Использование пластической хирургии как способ коррекции несовершенств	4	2,6	35,580	0,000**
Высокие стандарты внешнего вида и фиксация внимания на нем	8	7	21,275	0,046*
Склонность к неблагоприятным социальным сравнениям и руминированию на тему внешности	9	5,7	53,438	0,000**

Примечания: * — Различия статистически достоверны при $p \leq 0,05$; ** — Различия статистически достоверны при $p \leq 0,01$.

Как видно из таблицы 2 по всем шкалам методики наблюдается более высокий уровень физического перфекционизма у респондентов, состоящих в группах, которые транслируют идеал худобы, по сравнению с участниками групп, в которых популяризируется любовь к себе. Статистическая обработка данных с применением критерия Пирсона подтвердила значимые различия.

Далее был проведен сравнительный анализ результатов исследования в отношении образа собственного тела. Средние значения у двух групп выше нормативного показателя, что может говорить о тенденции неудовлетворенности образом собственного тела, среди участников исследуемых сетевых сообществ в целом. Как показала статистическая обработка данных, имеются значимые различия в отношении образа собственного тела. В группе сообществ, идеализирующих культ худобы, участники в большей мере не удовлетворены образом собственного тела (критерий Пирсона $\chi^2 = 66,25$, $p = 0,013$).

Для диагностики наличия проявлений нарушения пищевого поведения использовалась методика «EAT-26» (тест отношения к приему пищи). По данным нашего исследования

участники сетевых сообществ, идеализирующих культ худобы, могут быть отнесены к группе риска, свидетельствующей о наличии проблем с нарушением пищевого поведения. Среднее значение в группе, идеализирующей культ худобы - 32, в группе сравнения - 17. Достоверность различий подтверждена критерием Пирсона ($\chi^2 = 98,605$, $p = 0,000$).

Анализ результатов по основным типам пищевого поведения у представителей исследуемых сообществ показал значимые различия только по шкале «Ограничительное пищевое поведение» ($\chi^2 = 92,473$, $p = 0,000$). Ограничительный тип пищевого поведения у респондентов, состоящих в группах, которые транслируют идеал худобы, значительно преобладает.

При анализе корреляционных взаимосвязей между характеристиками самопредъявления и физического перфекционизма, полученных с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена, были выделены общие и специфические связи, свойственные представителям различных онлайн-сообществ, идеализирующих культ физической привлекательности. Сообщества, идеализирующие культ худобы - выборка 1, и сообщества, призывающие к любви к себе - выборка 2 (таблица 3).

Таблица 3. Коэффициенты корреляции между показателями самопредъявления и физического перфекционизма у участников онлайн-сообществ

Шкалы	Физический перфекционизм (Общий балл)		Использование пластической хирургии как способ коррекции несовершенств		Высокие стандарты внешнего вида и фиксация внимания на нем		Склонность к неблагоприятным социальным сравнениям и руминированию на тему внешности	
	Выборка 1	Выборка 2	Выборка 1	Выборка 2	Выборка 1	Выборка 2	Выборка 1	Выборка 2
Стремление понравиться	0,067	0,263*	0,201	0,069	-0,039	0,196	0,125	0,324**
Самопродвижение	0,238*	0,331**	0,097	0,056	0,227*	0,455**	0,178	0,206
Примерность	0,332**	0,480**	0,065	0,121	0,339**	0,453**	0,281*	0,460**
Запугивание	0,4**	0,235*	0,108	0,058	0,372**	0,318**	0,343**	0,154
Демонстрация слабости	0,264*	0,327**	0,361**	0,179	0,123	0,213	0,315**	0,319**
Отслеживание производимого. впечатления	0,355**	0,431**	0,17	0,161	0,338**	0,424**	0,297**	0,366**
Вариативность поведения	0,25*	0,384**	0,027	0,05	0,197	0,388**	0,309**	0,362**

Примечания: ** — Корреляция значима при $p \leq 0,01$ (двухсторонняя); * — Корреляция значима при $p \leq 0,05$ (двухсторонняя).

Дополнительно представим общие и специфические взаимосвязи между самопредъявлением и образом собственного тела у респондентов тех же выборок. Сообщества, идеализирующие культ худобы - выборка 1, и сообщества, призывающие к любви к себе - выборка 2 (таблица 4).

Таблица 4. Коэффициенты корреляции между стратегиями самопредъявления и образом тела

Шкалы	Неудовлетворенность образом тела	
	Выборка 1	Выборка 2
Стремление понравиться	0,052	0,418**
Самопродвижение	-0,04	-0,003
Примерность	0,147	0,306**
Запугивание	0,208	0,108
Демонстрация слабости	0,237*	0,298**
Отслеживание производимого впечатления	0,255*	0,352**
Вариативность поведения	0,213	0,364**

Примечания: ** — Корреляция значима при $p \leq 0,01$ (двухсторонняя); * — Корреляция значима при $p \leq 0,05$ (двухсторонняя).

Представленные результаты показывают, участники онлайн-сообществ, по-разному культивирующие физическую привлекательность, в процессе самопрезентации в большей мере склонны к отслеживанию производимого впечатления. Респонденты управляют собственным поведением, регулируют воздействия со стороны окружающих, что может указывать на достаточно высокий уровень социального интеллекта. Такая стратегия самопредъявления участников является эффективной в разных жизненных обстоятельствах. Направленность на создание впечатления связано с демонстративным поведением. Следующую позицию занимает стратегия "Вариативность поведения", что находит отражение в разнообразии ролей, статусов, сценариев межличностного взаимодействия. Изменение стратегии поведения может зависеть от партнера, с которым ведется общение, а также от требований конкретной ситуации.

По характеристикам самопредъявления отмечается тенденция к более высоким показателям у участников сообществ, идеализирующих культ худобы, что проявляется в более выраженном стремлении понравиться себе и окружающим, направленности на самопродвижение, примерности, отслеживании производимого впечатления. Участники проявляют запугивание и демонстрируют слабость. Однако значимых различий не выявлено.

Уровень физического перфекционизма у респондентов, состоящих в группах, которые транслируют идеал худобы, значительно выше, чем у участников групп, в которых популяризируется любовь к себе. Участники таких сообществ более критично относятся к своей внешности, обладают большей готовностью прибегать к использованию средств пластической хирургии, как возможности изменения собственных физических несовершенств, фокусируются на высоких стандартах внешней привлекательности и делают акцент на них. Им свойственна тенденция к негативным сравнениям себя с другими, склонность к критике внешнего вида других людей. Они легко замечают даже малейшие недостатки, постоянно обдумывают различные детали своей внешности.

Участники онлайн-сообществ, идеализирующих культ худобы, в большей мере не довольны собственным телом. Для этой группы выше вероятность наличия нарушений пищевого поведения, склонность к нарушениям пищевого поведения, а именно ограничительному типу пищевого поведения, которое проявляется в излишнем

сдерживании в потреблении пищи и несистематическом следовании строгим диетам из-за недовольства своей внешностью. Такой тип пищевого поведения отличается от простого соблюдения диеты жесткостью, наличием строгих правил, тщательным подсчетом калорий, игнорированием чувства голода с целью похудения, а также несоответствием требований диеты внешнему виду и самочувствию человека. По другим типам пищевого поведения («эмоциогенное» и «экстернальное») статистически значимых различий нет.

В исследовании выявились общие и особенные статистически значимые взаимосвязи между самопредъявлением и показателями физической привлекательности.

В выборке участников сообществ, популяризирующих любовь к себе, отмечается прямая связь шкалы «Стремление понравиться» со шкалами «Физический перфекционизм», «Склонность к неблагоприятным социальным сравнениям и руминированию на тему внешности». Центрация на том, чтобы произвести хорошее впечатление о себе приводит к беспокойству в отношении физического облика, порождает стремление к соответствию высоким нормам физической формы и достижению лучших результатов в работе над фигурой, порождает негативные социальные сравнения и погруженность в размышления о своей физической привлекательности. Данная специфическая особенность не свойственна второй исследуемой выборке.

В обеих группах наблюдается положительная корреляция между шкалами самопредъявления «Самопродвижение», «Примерность», «Запугивание» и шкалами «Физический перфекционизм», «Высокие стандарты внешнего вида и фиксация внимания на нем». Респондентам, стремящимся показать свою компетентность в общении, выступить в качестве примера для других людей, продемонстрировать запугивание и силу, присущи тревога в отношении своей физической привлекательности, направленность на высокие стандарты красоты тела, центрация на культе внешности.

У представителей онлайн-сообществ, популяризирующих культ худобы, выявлена отличительная положительная корреляция между шкалами «Запугивание» и «Склонность к неблагоприятным социальным сравнениям и руминированию на тему внешности». Те респонденты, кто выбирает стратегию запугивания, демонстрации силы в большей степени склонны сравнивать себя с другими, обсуждать и осуждать кого-то, погружаться в размышления относительно своей фигуры, внешнего вида, физической привлекательности.

Шкалы «Демонстрация слабости» и «Вариативность поведения» положительно связаны с показателями «Физический перфекционизм» и «Склонность к неблагоприятным социальным сравнениям и руминированию на тему внешности» в обеих выборках. Участники, направленные на показ своей беззащитности, слабости во взаимодействии с другими часто с целью привлечения внимания и получения помощи склонны в большей мере варьировать способами, статусами, ролями. Они обеспокоены своей физической привлекательностью, что заставляет их погружаться в размышления о своем внешнем виде, сравнивать себя с другими людьми.

У представителей, вовлеченных в онлайн-сообщества культа худобы стратегия «Демонстрация слабости» прямо связана со шкалой «Использование пластической хирургии как способ коррекции несовершенств». Респонденты, для которых свойственно поведение с целью демонстрации своей слабости, недостатков, получения внешней помощи, готовы прибегнуть к пластической хирургии, видя такой способ единственным на пути к достижению физической привлекательности. У участников этого сообщества стратегия «Вариативность поведения» положительно связана со шкалой «Высокие

стандарты внешнего вида и фиксация внимания на нем». Чем больше у респондентов выражена вариативность поведения в различных ситуациях сетевого общения, тем более свойственно стремление соответствовать современным стандартам физической привлекательности.

Заключение

Полученные в настоящем исследовании результаты выявляют психологические особенности участников онлайн-сообществ культа внешности, позволяют дать обобщенное представление о личностных характеристиках особой категории респондентов, вовлеченных в группы, идеализирующие культ худобы. Такие люди более критично относятся к своей внешности, фокусируются на высоких стандартах внешней привлекательности. По сравнению с участниками из онлайн-сообществ, популяризирующих любовь к себе, респонденты в большей степени не довольны образом собственного тела, испытывают отрицательные эмоции в отношении своей физической привлекательности, беспокоятся о фигуре и весе, переживают сильный страх поправиться. У них наблюдаются нарушения пищевого поведения. Участники в стремлении к идеальному внешнему облику, в заботе о физической привлекательности активны и склонны к самопрезентации себя всевозможными стратегиями, часто прибегают к сравнению себя с другими, погружаются в размышления относительно своей физической привлекательности, готовы прибегнуть к пластической хирургии. Они демонстрируют свою слабость, недостатки, ждут внешней помощи.

Данная категория респондентов может быть отнесена к "группе риска", требующей особого внимания со стороны специалистов и нуждающейся в своевременной психологической помощи.

Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы в процессе психологической поддержки участников онлайн-сообществ, по-разному идеализирующих внешность, в процессе индивидуального психологического консультирования категории лиц с пищевыми нарушениями. Исследование расширяет понимание психологических особенностей респондентов, вовлеченных в разные онлайн-сообщества культа внешности.

Библиография

1. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. и вступ. статья А. Д. Ковалева. – М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2000. 304 с.
2. Шкуратова И. П. Самопредъявление личности в общении: монография / И. П. Шкуратова. – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2009. 192 с.
3. Gangestad S.W, Snyder M. Self-monitoring: appraisal and reappraisal. Psychol Bull. 2000 Jul; 26(4), 530-55. doi: 10.1037/0033-2909.126.4.530.
4. Пикулёва О.А. Психологическая многозначность понятия «самопрезентация личности» и современные научные подходы к пониманию его содержания // Социальная психология и общество. 2013. Том 4. № 2. С. 21-37.
5. Белинская Е.П., Гавриченко О.В. Самопрезентация в виртуальном пространстве: феноменология и закономерности // Психологические исследования [Электронный ресурс]. 2018. Т. 11. № 60. URL: <http://psystudy.ru>
6. Щукина М.А., Яковлева И.В., Крайнюков С.В., Тютюнник Е.И., Бондарева М.О., Аверьянова О.Ю. Особенности визуальной самопрезентации участников деловой коммуникации в виртуальной образовательной среде // Психологические исследования. 2018. Т. 11, № 59. С. 10. URL: <http://psystudy.ru>
7. Сунгурова, Н. Л. Взаимосвязь самоотношения и вариативности самопрезентации

- студентов в условиях Интернет-коммуникации / Н. Л. Сунгурова, Ю. Е. Акимкина // Актуальные проблемы психологии и педагогики в современном мире Сборник научных трудов участников V межвузовской научно-практической конференции, Москва, 09 апреля 2020 года / Под общей редакцией Н.Б. Карабущенко, Н.Л. Сунгуровой. – Москва: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2020. С. 84-90.
8. Сунгурова, Н. Л. Виртуальная самопрезентация личности: гендерный аспект / Н. Л. Сунгурова // Психология и педагогика XXI века: теория, практика и перспективы: монография / под общ. ред. Н.Б. Карабущенко, Н.Л. Сунгуровой. – Москва: Российский университет дружбы народов, 2015. С. 316-329.
9. Сунцова Я. С., Бурдыко Е. В. Склонность к интернет-зависимости студентов в связи с их психологическим благополучием // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2018. № 4. С. 412-423.
10. Маслов, В. П. Сетевое сообщество: риски и угрозы Интернет-среды для киберсоциализации молодежи / В. П. Маслов, М. А. Гнатюк, С. И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 8. С. 39-42.
11. Корниенко Д.С., Руднова Н.А., Гордеева Т.О., Сычев О.А., Егоров В.А., Веракса А.Н. Одиночество и социальная поддержка как характеристики социального здоровья и факторы зависимости от социальных сетей у подростков // Социальная психология и общество. 2023. Том № 2. С. 28-48. DOI: 10.17759/sps.2023140203
12. Ситдилов, Р. Ф. Способы репрезентации и контроля над телом в современной массовой культуре / Р. Ф. Ситдилов // Теоретические и практические аспекты развития современной науки: теория, методология, практика: Сборник статей по материалам II-Международной научно-практической конференции, Уфа, 06 марта 2020 года. – Уфа: Общество с ограниченной ответственностью "Научно-издательский центр "Вестник науки", 2020. С. 131-138.
13. Цыганкова П. В., Прончихина Е. Ю. Особенности эмоционального реагирования на посты группы "Типичная анорексичка" социальной сети "ВКонтакте" у девушек с различными типами телесности // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2019. №2. С. 77-96.
14. Холмогорова, А. Б. Трехфакторная шкала физического перфекционизма-новый инструмент диагностики патогенных стандартов внешности в современной культуре / А. Б. Холмогорова, А. А. Рахманина // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Т. 28, № 4(110). С. 98-117. DOI: 10.17759/cpp.2020280406.
15. Лабунская В.А. Внешний облик в структуре представлений о Враге и Друге на различных этапах жизненного пути // Психология человека в современном мире. Т. 1. (Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения С.Л. Рубинштейна, 15-16 октября 2009 г.) / Отв. ред.: А.Л. Журавлев, В.А. Барабанщиков, М.И. Воловикова. – М., 2009.
16. Болохова М.В. Роль эталона физической привлекательности в оценке собственной внешности // Гендерная психология. Практикум. 2-е изд. / Под ред. И.С. Клёцкой. – СПб., 2009. 496 с.: ил. – (Серия «Практикум»).
17. Карабина Ю. С. Эталон физической привлекательности как социокультурный фактор образа телесного я у женщин // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2010. № 4. С. 144-148.
18. Батурина Н.В., Зацепина О.А. Влияние социальной сети Instagram на восприятие образа тела у молодых женщин // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 7. С. 57-61. URL: <https://doi.org/10.24158/spp.2021.7.9>.
19. Ильина, В. А. Идеализация расстройства пищевого поведения в виртуальном пространстве / В. А. Ильина // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2020. № 4(44). С. 95-99.

20. Лепешева С.О., Холмогорова А.Б. Участие в фитнес-блогах как новая социальная практика и ее последствия для психического здоровья молодых женщин // Культурно-историческая психология. 2021. Том 17. № 2. С. 144-154. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2021170214>
21. Abdollahi A, Prasad KDV, Abdelrasheed NSG, Alshahrani SH, Shoja SJ, Al-Awsi GRL, Estrada-Araoz EG, Singer N, Ramírez-Coronel AA, Mustafa YF, Iswanto AH. An investigation of relationships between body compassion, social physique anxiety and physical appearance perfectionism in young people from Iran. J Eat Disord. 2023 Jun 5; 11(1), 90. DOI: 10.1186/s40337-023-00807-x.
22. Lima-Silva, Luiz & Faro, André. (2023). Physical appearance perfectionism mediating the relationship between body dysmorphic and depressive symptoms. DOI: 10.13140/RG.2.2.15209.67682.
23. Gupta M, Jassi A, Krebs G. The association between social media use and body dysmorphic symptoms in young people. Front Psychol. 2023 Aug 17;14:1231801. DOI: 10.3389/fpsyg.2023.1231801.
24. Бутко, К. Д. Физический перфекционизм как наиболее распространенная форма общего перфекционизма среди молодежи / К. Д. Бутко // Столица науки. 2019. № 5(10). С. 137-141.
25. Свиткевич, Ю. В. Информационное воздействие на личность в сети Интернет как один из предикторов частоты рецидивов расстройств пищевого поведения / Ю. В. Свиткевич // Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология. 2021. Т. 4. № 2. С. 32-47. DOI: 10.23947/2658-7165-2021-4-2-32-47.
26. Mincey K.A., Michelle Hunnicutt Hollenbaugh K. Exploring the Experiences of People who Engage with Pro-eating Disorder Online Media: A Qualitative Inquiry. Int J Adv Couns. 2022;44(4):660-679. DOI: 10.1007/s10447-022-09483-z. Epub 2022 Aug 11.
27. Шлойдо, Д. Е. Индивидуально-психологические особенности студентов с нарушениями пищевого поведения / Д. Е. Шлойдо, И. В. Грандильевская // Петербургский психологический журнал. 2020. № 30. С. 138-166.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной статье являются особенности взаимосвязи самопредъявления и образа физической привлекательности у участников онлайн-сообществ, идеализирующих культ внешности.

В качестве методологии предметной области исследования в данной статье были использованы дескриптивный метод, метод категоризации, метод анализа, а также метод опроса (онлайн-опроса) с применением тестов и методик «опросник «Стратегии самопредъявления» (И.П. Шкуратова), «Трехфакторная шкала физического перфекционизма» (А.Б. Холмогорова, А.А. Рахманина), «Опросник образа собственного тела» (О.А. Скугаревский, С.В. Сивуха), «Тест отношения к приёму пищи» (EAT-26) (Д. Гарнер и др. в адаптации О. А. Скугаревского), «Голландский опросник пищевого поведения» (DEBQ) (Т. Стриен в адаптации: Т.Г. Вознесенской) и методы математической статистики: «критерий согласия Пирсона, коэффициент ранговой корреляции Спирмена». Полученные данные обрабатывались с помощью программных пакетов «Excel» и «IBM SPSS Statistics 23».

Актуальность статьи не вызывает сомнения, поскольку общение в виртуальной реальности и развитие онлайн коммуникации получают все большее распространение

среди различных социальных групп, а наибольшую популярность они получили среди молодежи. Современные представители молодежи являются участниками самых разнообразных онлайн-сообществ, выступая очень активными пользователями различных социальных сетей. Образ физической привлекательности, красивая внешность, которые демонстрируются участниками онлайн-сообществ, идеализирующих эти культы, представляют исследовательский интерес в контексте особенностей самопредъявления или самопрезентации в социальных сетях.

Научная новизна исследования заключается в изучении по авторской методике с последующим анализом особенностей взаимосвязи самопредъявления и образа физической привлекательности у участников онлайн-сообществ, идеализирующих культ внешности путем проведения онлайн-опроса участников онлайн-сообществ социальной сети «ВКонтакте», которые идеализируют культ худобы («Типичная анорексичка», «Анорексия», «Skinny», «До костей») и культ любви к себе («Бодипозитив», «Любовь к себе»). Объем выборки составил 166 оеспондентов.

Статья написана языком научного стиля с грамотным использованием в тексте исследования изложения различных позиций ученых к изучаемой проблеме и очень подробной и наглядной демонстрацией результатов исследования.

Структура выдержана с учетом основных требований, предъявляемых к написанию научных статей. Структура данного исследования включает в себя введение, постановку задачи, материалы и методы, результаты и обсуждение, заключение и библиографию.

Содержание статьи отражает ее структуру. В частности, особую ценность представляет то, что в исследовании, проведенном по авторской методике, была выявлена интересная тенденция, связанная с тем, что «участники онлайн-сообществ, по-разному культивирующие физическую привлекательность, в процессе самопрезентации в большей мере склонны к отслеживанию производимого впечатления. Респонденты управляют собственным поведением, регулируют воздействия со стороны окружающих, что может указывать на достаточно высокий уровень социального интеллекта. Такая стратегия самопредъявления участников является эффективной в разных жизненных обстоятельствах. Направленность на создание впечатления связано с демонстративным поведением».

Библиография содержит 29 источников, включающих в себя отечественные и зарубежные периодически и неперіодические издания.

В статье приводится описание различных позиций и точек зрения ученых, характеризующих вопросы самопрезентации и самопредъявления участниками онлайн-сообществ. В статье содержится апелляция к различным научным трудам и источникам, посвященных этой тематике, которая входит в круг научных интересов исследователей, занимающихся указанной проблематикой.

В представленном исследовании содержатся выводы, касающиеся предметной области исследования. В частности, отмечается, что «участники сетевых сообществ, идеализирующих культ худобы, часто прибегают к сравнению себя с другими, погружаются в размышления относительно своей физической привлекательности, готовы прибегнуть к пластической хирургии. Они демонстрируют свою слабость, недостатков, ждут внешней помощи. Респонденты относятся к "группе риска", которым необходимо своевременно оказывать психологическую помощь».

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, медицинскими работниками, специалистами по отдельным видам расстройств, психологами, психотерапевтами, социальными педагогами, аналитиками и экспертами.

В качестве недостатков данного исследования следует отметить, то, что текст статьи

несколько перегружен таблицами, возможно, их количество стоило бы пересмотреть в сторону сокращения, а для наглядности результатов исследования стоило бы использовать рисунки. Также необходимо обратить внимание на требования действующего ГОСТа при оформлении таблиц. В тексте статьи встречаются опечатки и технические ошибки в виде отсутствия пробелов между словами и предложениями, пропусков букв в окончаниях слов и т.п. Структурный элемент статьи, оформленный в качестве заключения, больше соответствует выводам по итогам проведенного исследования, поэтому завершить статью уместно более обобщающим заключением. В библиографии указаны источники, на которые встречаются ссылки в тексте, которые являются курсовой работой и выпускной квалификационной работой (под номерами 5 и 12 библиографии соответственно), что представляется не совсем корректным и уместным при подготовке научной статьи. Указанные недостатки не снижают научную и практическую значимость самого исследования, однако, их необходимо оперативно устранить, а текст рукописи нужно доработать с учетом указанных недостатков. Статью рекомендуется вернуть на доработку.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью «Особенности взаимосвязи самопредъявления и образа физической привлекательности у участников онлайн-сообществ, идеализирующих культ внешности»

Предмет исследования – в статье не обозначен. Очевидно, что он связан темой статьи – взаимосвязь самопредъявления и образа физической привлекательности у участников онлайн-сообществ, идеализирующих культ внешности.

Методология исследования построена на классическом подходе. Автор использует методы анализа и обобщения литературных источников, результатов современных исследований. Прикладная часть исследования построена на применение методов опроса

С методологической точки зрения остается открытым вопрос – насколько репрезентативны результаты исследования, учитывая, что они проходили в режиме онлайн без идентификации личности? НО в ситуации, когда подобные исследования находятся в стадии методической разработки, формат, применённый автором, вполне может быть принят.

Объем выборки составил 166 человек (по 83 участника в каждой группе), отбор проводился по заявленным критериям.

В качестве психодиагностических методов применен пакет, адекватный целям исследования:

- опросник «Стратегии самопредъявления» (И.П. Шкуратова), «Трехфакторная шкала физического перфекционизма» (А.Б. Холмогорова, А.А. Рахманина),
- «Опросник образа собственного тела» (О.А. Скугаревский, С.В. Сивуха),
- «Тест отношения к приёму пищи» (EAT-26) (Д. Гарнер и др. в адаптации О. А. Скугаревского),
- «Голландский опросник пищевого поведения» (DEBQ) (Т. Стриен в адаптации Т.Г. Вознесенской).

Методы математической обработки полученных данных в статье – критерий согласия Пирсона, коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Актуальность представленной статьи не вызывает сомнения. Автор доказывает ее

аргументами об особенностях восприятия человека человеком в онлайн. Данная тема еще малоисследована, особенно с позиции оценки внешности.

Научная новизна представлена в работе изучением и систематизацией вопросов об образе привлекательности в социальных сетях. Это новая для прикладной психологии тема. Но очень важная, так как социальные сети играют большую роль в формировании и распространении идеала физической привлекательности

Стиль, структура, содержание

Статья имеет традиционную структуру – вводная, основная и заключительная части.

Вводная часть обосновывает выбор темы. Она достаточно проработана, в том числе примерами исследований отечественных ученых.

Во второй части статьи автор работает над двумя гипотезами:

1. Существуют различия в проявлении самопредъявления и образа физической привлекательности у участников различных онлайн-сообществ.
2. Существуют особенности взаимосвязи самопредъявления и образа физической привлекательности у участников онлайн-сообществ, идеализирующих культ внешности.

Статья содержит качественные исследовательские материалы в виде таблиц, они грамотно интерпретированы.

Выводы, который делает автор по результатам исследования, связаны с заявленной темой, основаны на анализе теоретических материалов и подтверждены эмпирическими данными.

Стиль изложения материала соответствует требованиям научности и вполне доступен.

Библиография

Насчитывает 27 наименований литературных источников, среди которых статьи в журналах, материалы конференций, монографии. Есть источник на английском языке. Такое количество литературных источников является достаточным для литературного обзора по мало изученной теме.

Апелляция к оппонентам – статья соответствует требованиям, предъявляемым к статьям для публикации в журналах из перечня ВАК. Она может быть рекомендована к публикации. ВАЖНО! Исключить грамматическую ошибку в названии статьи.

Выводы, интерес читательской аудитории – статья вызовет интерес читательской аудитории. Она будет полезна широкому кругу лиц – психологам, стилистам, smm-менеджерам, маркетологам.

Психолог

Правильная ссылка на статью:

Будякова Т.П. Виктимные свойства личности в пожилом возрасте // Психолог. 2024. № 4. DOI: 10.25136/2409-8701.2024.4.43946 EDN: XYSMDU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43946

Виктимные свойства личности в пожилом возрасте

Будякова Татьяна Петровна

ORCID: 0000-0003-1739-837X

кандидат психологических наук

профессор, кафедра психологии и психофизиологии, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

399770, Россия, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28

✉ budyakovaelez@mail.ru

[Статья из рубрики "Психология развития"](#)

DOI:

10.25136/2409-8701.2024.4.43946

EDN:

XYSMDU

Дата направления статьи в редакцию:

02-09-2023

Аннотация: В научной литературе при изучении пожилого возраста особое значение уделяется феномену виктимности, но психологическое содержание этого феномена не изучено. Это затрудняет оказание эффективной психологической помощи пожилым людям, хотя они признаются специфическими жертвами по факту особой уязвимости к неблагоприятным факторам социальной среды. В эмпирическом исследовании были применены методы инверсивного и биографического интервью, а также содержательного контент-анализа. Участники исследования в количестве 120 человек – люди пожилого возраста в статусах предпенсионера (40 чел.); работающего пенсионера (40 чел.) и неработающего пенсионера (40 чел.). Было установлено, виктимными свойствами пожилого человека можно считать виктимную жизненную позицию и виктимные установки, которые формируют содержание морального и социального вреда. Социальный вред в отношении пожилого человека можно трактовать как общественную позицию в отношении пожилых людей, которая в общественном сознании не квалифицируется как диффамация, но реально ставит пожилых людей в невыгодное, унижительное для них социальное положение обузы, малозначительных членов социума.

Как компонент морального вреда был выявлен специфический комплекс превосходства, специфичный для пожилого возраста. Выделенные аффективные личностные комплексы у пожилых людей разного статуса проявились в специфических маркерах, позволяющих их эффективно диагностировать и далее оказывать психологическую помощь.

Ключевые слова:

личность, жертва, пенсионный стресс, виктимные свойства личности, пожилой возраст, предпенсионеры, работающие пенсионеры, неработающие пенсионеры, личностные комплексы, комплекс жертвы

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00306, <https://rscf.ru/project/23-28-00306/> «Концептуальные основы функционирования и развития антивиктимной личности в пожилом возрасте».

В отечественной психологической литературе всплеск интереса к исследованию проблем пожилого возраста произошел в связи с пенсионной реформой в России 2018 года [2; 4]. Практическая актуальность таких исследований объяснялась реальным увеличением стрессовых факторов у предпенсионеров, которые рассчитывали на иные сценарии жизни, но фактически испытали фрустрацию в связи с крушением как тактических, так и стратегических жизненных планов. Подобная ситуация сложилась и в мировой науке, и в социальной практике других стран. Так, к примеру, большинство исследований пенсионного стресса в той или иной степени обусловлены фактами изменений национальных законодательств в сторону увеличения пенсионного возраста [26; 31].

Тем не менее феномен пенсионного стресса имеет и свои принципиальные, обусловленные возрастом свойства, вне зависимости от юридических решений. Качественная психологическая помощь и самопомощь, защита и самозащита в пожилом возрасте зависит от понимания сути глубинных стрессовых факторов при переходе в пенсионный возраст. При этом, на наш взгляд, в литературе явно недооценены детерминанты пенсионного стресса имеющие виктимологическую [1] природу.

Традиционно в виктимологии (учении о жертве), пожилые люди рассматриваются как более уязвимая категория потенциальных жертв в силу наличия именно фактора особого возраста, делающего пожилого человека более виктимным к негативным воздействиям, в частности, криминальной среды [1]. Установлена специальная виктимность пожилых людей в семье, они часто становятся жертвами семейного насилия [24]. Даже пожилые преступники, отбывающие наказание в виде лишения свободы, относятся в виктимологическом смысле к особо уязвимым жертвам. В связи с этим постулируется особое право пожилого преступника на безопасные условия содержания [27]. Специфика пожилого возраста позволяет изучать человека, пребывающего в нем, в широком виктимологическом контексте, как наиболее уязвимого к разным неблагоприятным аспектам социальной среды, а не только криминальных факторов.

Ключевой термин «жертва» в виктимологии раскрывается через категорию вреда, причиненного потерпевшему: физического, социального, имущественного и морального. При этом моральный вред, определяемый отечественным законодателем и большинством зарубежных национальных законодательств как физические и нравственные страдания, является не только самостоятельным видом вреда, но и последствием иных видов вреда

[5]]. Определение морального вреда через категорию страдания позволило уже с XIX века называть его в доктринальной правовой литературе психологическим вредом [3]. Отсюда вполне логично, что страдание как базовая психологическая категория была изначально заявлена в юридико-психологических исследованиях, чтобы создать теоретическую основу для практики проведения судебной психологической экспертизы по оценке степени и характера причиненных страданий (морального вреда) жертве правонарушения [15].

Психологические исследования далее показали, что стресс, особенно хронический, также является формой человеческих страданий [28]. Это позволило рассматривать категорию «страдание» как аналог стрессовых реакций, что, в свою очередь, дало возможность точнее определить психологическую природу феномена страданий [5].

Понятие страдание стало ключевым при выработке виктимологической концепции личности жертвы. Личность жертвы определяется в виктимологии как лицо в структуре личности которого присутствует комплекс жертвы, аккумулирующий страдания жертвы по факту причинения ей вреда и фактически являющийся ядром ее стрессовых состояний. Сам комплекс жертвы включает комплексы неполноценности, личностного образца, вины и потерянного авторитета, возникшие как продукты правонарушения [5]. Вместе с тем, сущность страданий пожилого человека в позиции жертвы практически не изучена.

Проблемы пожилого возраста в настоящее время рассматриваются в контексте психологии безопасности. Однако без понимания особенностей личности пожилого человека как потенциальной или реальной жертвы с ее особыми виктимологическими составляющими невозможно описать специфические механизмы обеспечения психологической безопасности. В силу этого психология безопасности также использует категорию жертвы [6; 9], что делает еще более актуальным поиск специфических виктимологических признаков личности пожилого человека.

В психологических исследованиях были обозначены некоторые личностные изменения при выходе на пенсию, которые имеют виктимологические корни, поскольку формируют комплекс жертвы. Речь идет, в частности, об изменении важных для человека профессионального и делового статусов, изменении привычного ритма жизни, сужении социального круга общения, уменьшении доступа к разным ресурсам, изменениях в доходах и др. Все это обуславливает снижение уровня самооценки [22], то есть создает почву для виктимизации пожилого человека, а страдания, вызванные этими факторами, формируют комплекс неполноценности, который является частью комплекса жертвы [5].

В научной литературе также выделяют физиологические последствия пенсионного стресса: риск сердечно-сосудистых заболеваний, ожирение и нарушение когнитивных функций [21], однако не рассматривают физиологические корреляты стресса как виктимологический продукт, хотя физиологические реакции – это, по сути, физические страдания.

Большое количество работ посвящено проблеме продолжения трудовой деятельности после выхода на пенсию и влияния этого фактора на психологическое здоровье, на снижение стресса и аккумулированных с ним страданий как физических, так и нравственных. Так отмечается, что продолжение трудовой карьеры уже в статусе пенсионера у представителей педагогических и творческих профессий напрямую обуславливает их психологическое благополучие [19]. Трудовая активность в сфере, где

требуется организованность и контроль, даже способствует снижению рисков деменции [30], и в целом выполняет защитную функцию в плане борьбы с одиночеством и обусловленным им стрессом [23]. Однако есть работы и с противоположным выводом о том, что именно работающие пенсионеры являются самой уязвимой категорией населения из-за страха потерять работу и поэтому имеют самый высокий уровень стресса [11]. Амбивалентность полученных данных свидетельствует о «размытости» критериев оценки пенсионного стресса.

В линейке этих исследований были описаны также страдания пожилого человека, обусловленные страхом потери смысла жизни, который до наступления пенсионного возраста составляла определенная профессия [19]. Эта часть изысканий проходит в рамках дискуссии о социальных и личностных смыслах выхода на пенсию и содержит прямой виктимологический контекст, поскольку, например, в Финляндии и Японии имеет место тенденция к маргинализации и унижению тех, кто не работает или не осваивает новые социально значимые компетенции в пожилом возрасте [25].

Вместе с тем, исследования показывают, что трудовая активность в пенсионный период должна быть дозирована [29], иначе начинает проявляться такой виктимологический фактор как физический вред здоровью и сопряженные с ним физические страдания.

В научной литературе закрепился термин геронтологический эйджизм, определяемый как унижающее достоинство отношение к людям пожилого и старческого возрастов [8], то есть по сути этот феномен имеет виктимологическую природу. Он обусловлен, в частности, социальными стереотипами, которые воздействуя опосредованно и часто бессознательно, причиняют страдания пожилому человеку, формируя у него самоощущения униженности, и как результат – позицию жертвы.

Обобщая можно утверждать, что изучение виктимологических аспектов пожилого возраста имеет научную актуальность. В частности, актуальным является изучение виктимных характеристик личности пожилых людей, без понимания сути которых затруднительно оказание им эффективной психологической помощи.

Традиционно в отечественной виктимологии используется термин «виктимность». В научный оборот его ввел основатель отечественной виктимологии Л.В. Франк. При этом Л.В. Франк, будучи юристом, вводя, по сути, психологическую категорию, дал ей обобщенное определение как способности человека становиться жертвой в определенных обстоятельствах [18]. В целом этот вариант определения сохранился до сих пор. Так, А.Л. Репецкая и В.Я. Рыбальская под виктимностью понимают «определенный комплекс стабильных типических социальных и (или) психологических (реже физиологических) свойств личности, которые в принципе могут подвергаться коррекции вплоть до их полной нейтрализации (устранения) и которые обуславливают во взаимодействии с внешними обстоятельствами повышенную "способность" человека стать жертвой преступления» [14]. При этом, ни в вышеуказанном, ни в иных исследованиях практически не раскрывается, какие конкретно психологические свойства личности обуславливают виктимность.

Цель данного исследования: выявление и описание виктимных свойств личности пожилого человека у предпенсионеров, работающих и неработающих пенсионеров.

Методика исследования

Методы исследования: а) инверсивное интервью; б) биографическое интервью.

Методы обработки результатов исследования: метод описательной статистики и контент-анализ.

Материалы методик.

В качестве первой методики исследования было использовано авторское инверсивное интервью. Участники исследования – предпенсионеры должны были представить, что они уже достигли пенсионного возраста и им нужно спрогнозировать свою жизнь в новом статусе пенсионера. По ходу интервью фиксировались только негативные признаки пенсионного статуса, которые вызывали тревогу у респондентов.

Вопросы инверсивного интервью

Представьте себе, что Вы уже через месяц выйдете на пенсию.

1. Что может измениться в худшую сторону при выходе на пенсию и вызвать стресс?
2. Вы будете гордиться или стесняться своего статуса пенсионера? Почему?

Биографическое интервью имеет большую научную ценность, чем обычные виды интервью, поскольку предполагает подтверждение своей позиции фактами из собственной биографии.

Вопросы биографического интервью с работающими пенсионерами

1. Почему Вы продолжили работу после выхода на пенсию?
2. Что изменилось в худшую сторону при получении статуса работающего пенсионера и вызывает стрессовые переживания?

Вопросы биографического интервью с неработающими пенсионерами

1. Что изменилось в худшую сторону после выхода на пенсию и ухода с работы и вызывает стрессовые переживания?
2. Вы гордитесь или стесняетесь своего статуса неработающего пенсионера?

Выборка: в исследовании приняли участие 120 человек, по 40 человек в каждой статусной группе (предпенсионеры, работающие пенсионеры, неработающие пенсионеры).

Гипотеза исследования: виктимными свойствами личности следует считать виктимную жизненную позицию и виктимные установки. При этом содержание как виктимной жизненной позиции, так и виктимных установок обусловлено социальным статусом: предпенсионера, работающего или неработающего пенсионера.

Результаты

В своем анализе мы использовали виктимологическую категорию вреда, когда ухудшение любого вида благополучия: физического, социального или психологического – осознается как вредоносное и провоцирует страдания. В виктимологии описано четыре вида вреда, претерпеваемого жертвой: физический, имущественный, социальный и моральный. Задачей исследования было описание содержания этих видов вреда, когда его причины сопряжены с изменением социального статуса в пожилом возрасте: предпенсионер, работающий и неработающий пенсионер. Мы исходили из того, что в

целом именно осознание претерпевания вреда формирует виктимную социальную позицию в пожилом возрасте.

Ниже в табл. 1 аккумулированы обобщенные суждения участников нашего исследования о вредоносных последствиях выхода на пенсию, способных вызывать страдания.

Таблица 1

**Примерное содержание разных видов вреда
у людей пожилого возраста разного статуса**

Вид претерпеваемого вреда	Примерное содержание вреда у предпенсионеров	Примерное содержание вреда у не работающих пенсионеров	Примерное содержание вреда у работающих пенсионеров
Имущественный вред	<ul style="list-style-type: none"> – отсроченная пенсия рассматривается как упущенная выгода; – ограничение прав на повышение квалификации или получении новой профессии сжижает возможность трудоустроиться в случае сокращения или перевода на долю ставки 	<ul style="list-style-type: none"> – изменение доходов в меньшую сторону рассматривается как ущерб; – траты на лекарства, медицинское и социальное обслуживание как продукт страданий из-за утраты трудового статуса; - меньший диапазон для маневра в материальном обеспечении своих желаний 	<ul style="list-style-type: none"> – отсутствие индексации пенсий рассматривается как неоцененный труд; – траты на лекарства и медицинское обслуживание в случае страданий из-за дискриминации по возрасту на работе
Социальный вред	<ul style="list-style-type: none"> – отсутствие преференций для предпенсионеров, в отличие от пенсионеров 	<ul style="list-style-type: none"> – отношение общества как к слабым, зависимым людям; – отнесение к самой ненужной категории граждан, обременяющих общество 	<ul style="list-style-type: none"> – подчеркивание возраста в общении и в оценке качества и количества труда

Физический вред	Снижение защитных функций организма из-за угрозы потерять работу перед пенсией	Снижение защитных функций организма из-за нарушения привычного режима жизни, включавшего ранее трудовую деятельность	Снижение защитных функций организма из-за угрозы потерять р а б о т у или снизить ее качество из-за фактора возраста
Моральный вред	– появление личностных комплексов, обусловленных статусом предпенсионера (подробнее см. табл. 2)	– появление личностных комплексов, обусловленных статусом не работающего пенсионера (подробнее см. табл. 2)	– появление личностных комплексов, обусловленных статусом работающего пенсионера (подробнее см. табл. 2)

Осознание объективных материальных потерь (имущественный вред) в связи с выходом на пенсию формирует виктимную жизненную позицию, основанную на переживаниях из-за снижения уровня материальной защиты и безопасности. При этом содержание виктимной позиции пожилого человека, как показывают наши данные, зависит от его статуса. Так, предпенсионеры испытывают страдания по факту отсроченной пенсии из-за изменения сроков выхода на пенсию, воспринимая это как упущенную выгоду. Работающие пенсионеры переживают из-за отсутствия индексации пенсий, рассматривая это обстоятельство как неоцененный труд, а неработающие переживают из-за изменения доходов в меньшую сторону, рассматривая это как материальный ущерб. Однако, все респонденты, независимо от статуса, фиксировались на позиции жертвы.

Факты физического старения организма (физический вред) также обуславливают формирование виктимной социальной позиции, в частности, из-за снижения защитных свойств организма, обусловленных в том числе, страхом потерять работу перед выходом на пенсию у предпенсионеров или физическими страданиями неработающих пенсионеров из-за нарушения привычного режима жизни, включавшего ранее трудовую деятельность.

Для психологического исследования наиболее значимыми являются социальный и моральный виды вреда, поскольку они имеют психологическую природу и в принципе обуславливают другие виды вреда: имущественный и физический.

Так, одним из видов вреда, причиняемого жертве, считается социальный вред. Социальным вредом в виктимологии признается вред в виде нарушения прав и законных интересов жертвы, когда она в силу объективных причин не может испытывать физических или нравственных страданий, как иные лица в тех же обстоятельствах. Так, например, при оскорблении младенец не испытывает страданий из-за унижения, так как не понимает смысл умаляющих его достоинство слов, хотя правом на честь и достоинство обладает с момента рождения [\[5\]](#).

При этом содержание социального вреда в отношении к пожилой жертве не изучено. Наше исследование показало, что данный вид вреда в ситуации пожилого человека

характеризуется тем, что социальное окружение не всегда осознает, что причиняет страдания жертве, поскольку не воспринимает свои действия или бездействия как вредоносные. В ходе биографического интервью были выявлены маркеры социального вреда в разных событиях частной жизни. К примеру, маркер социального вреда выступил в жизненной ситуации, когда мужчина, проходя мимо пожилых, занимавшихся спортом в парке и предложивших ему присоединиться к их занятиям, произнес унижившую их фразу: «Мне еще только 50 лет, пусть здесь старички занимаются». При этом мужчина, как оказалось, не хотел никого унижать, он реально хотел повысить уровень своего самоуважения: «Я не такой, как Вы, я лучше», полагая при этом, что люди пожилого возраста не должны обижаться на упоминания об их более низком социальном значении. Таким образом, суть социального вреда в ситуации пожилого возраста – это унижение, основанное на образе представителя серебряного возраста как немощного, обузы, и при этом в основе такого отношения лежит не личная неприязнь, а социальные стереотипы.

К социальному вреду наиболее чувствительными оказались неработающие пенсионеры, поскольку у них больше вариантов предстать в слабой позиции жертвы (12 маркеров, см.: диаграмму 1). Так, социальный вред имплицитно содержится в проявлениях эйдждизма, когда социальные работники или медицинский персонал унижают жертву, не считая свои действия (бездействия) унижающими. К примеру, в одном биографическом воспоминании участник исследования рассказал, что ему насильно привязали руку к кровати в больнице, чтобы он не смог вынуть иглку из системы капельницы. При этом персонал мотивировал свои действия пользой для пациента. Другим вариантом социального вреда было, например, требование пропустить без очереди мать ребенка-инвалида в очереди в учреждении социальной защиты, когда в ней присутствовали одни неработающие пенсионеры. Аргумент был унижительным для пожилых: «ребенок более важен, чем все вы вместе взятые». На некоторых участников исследования произвел особое впечатление случай в Канаде, растиражированный в интернете, когда пожилому человеку вместо помощи предложили услугу по эвтаназии, поскольку респонденты идентифицировали себя с этим человеком. В целом это показывает, что в основе социального вреда, претерпеваемого пенсионерами, лежат социальные стереотипы, доминирующие как в российском обществе, так и в других странах [\[16; 17\]](#).

Менее всего социальный вред был выражен у работающих пенсионеров – 6 маркеров (см.: диаграмму 1). При этом он имел и несколько иное содержание. Кроме обид на подчеркивание солидного возраста, которые не доходили до границ стресса, работающие пенсионеры испытывали реальные стрессовые страдания из-за дискриминации на работе, когда им предлагалось выполнять работу большей интенсивности, чем другим работникам. Они полагали, что уже прошли путь интенсивной работы в молодости и заслужили, чтобы их не перегружали в пенсионный период. При этом руководитель руководствовался правилом: «Не можешь работать – уходи!»

Диаграмма 1

Выраженность социального вреда

У предпенсионеров социальный вред формально был чуть более выраженным по сравнению с работающими пенсионерами (8 маркеров). Их страдания были дополнительно обусловлены ощущением несправедливости от того, что несмотря на то, что их статус позволял требовать равного права на труд, им напоминали, что они возрастные работники и менее нужны работодателю. Некоторые из них дополнительно испытывали социальный вред в ситуациях, когда, например, предпенсионерам отказывали в праве на повышение квалификации за счет работодателя, апеллируя к экономической неэффективности такой меры. При этом, как показывают исследования, потребность в дополнительном образовании или даже получении новой профессии, у возрастных обучающихся более осознана и прагматична [\[12\]](#).

Моральный вред, претерпеваемый пожилым человеком в контексте своего пенсионного или предпенсионного статуса, раскрывается в виде личностных комплексов, которые вкуче составляют «комплекс жертвы» [\[5\]](#).

Сравнение содержания личностных комплексов у людей пожилого возраста разного статуса важно для определения направлений психологической работы по их коррекции. Результаты такого сравнения представлены в табл. 2.

Таблица 2

**Содержание личностных комплексов (морального вреда)
у людей пожилого возраста разного статуса**

Вид личностного комплекса	Примерное содержание личностных комплексов у предпенсионеров	Примерное содержание личностных комплексов у работающих пенсионеров	Примерное содержание личностных комплексов у неработающих пенсионеров
Комплекс неполноценности (снижение самооценки)	– Я хуже, чем другие, потому что я в пожилом возрасте и во мне не видят перспективного работника	– Я хуже, чем другие, потому что я в пожилом возрасте и во мне не видят перспективного работника и хотят от меня избавиться	– Я не нужен обществу, я балласт, меня не уважают, я не интересен другим людям
Комплекс личностного	– Я никогда не буду больше	– Я – самый старший среди коллег, а когда-то был	– Я – не такой как другие, я

образца	<p>молодым;</p> <p>- мое будущее безрадостно, не хочется ничего планировать;</p> <p>ничего хорошего уже не будет</p>	<p>самым молодым.</p> <p>Неприятно, что мой возрастной статус подчеркивают особым обращением ко мне;</p> <p>- я не могу планировать свое профессиональное будущее, в этом нет смысла</p>	<p>старый, у меня морщины, я никогда не буду больше таким как был в молодости и зрелости;</p> <p>- я уже никогда никакому работодателю не буду интересен;</p> <p>- я никогда уже не реализую планы и желания молодости и зрелости в силу возрастных ограничений</p>
Комплекс потерянного (угрожаемого) авторитета	<p>- Почему я снова должен доказывать, что я нужен работодателю;</p> <p>- у меня большой опыт, я многое знаю и умею делать лучше, чем другие, но это обстоятельство игнорируется</p>	<p>- Я - первый на увольнение, независимо от моих трудовых и профессиональных способностей, поскольку нужно освободить место молодым работникам</p>	<p>- У меня большой опыт, я многое знаю и умею делать лучше, чем другие, но это уже никому не нужно</p>
Комплекс вины	<p>- Я не виновна (не виновна) в том, что произошло повышение пенсионного возраста (контрпозиция)</p>	<p>- Я занимаю место, на которое претендует более молодой работник</p>	<p>- Ощущение вины за то, что вынужден просить других людей о помощи</p>
Комплекс превосходства	<p>- Я еще не пенсионер, как другие, поэтому я лучше их</p>	<p>- Другие в моем возрасте уже не работают, а я работаю;</p> <p>- я сам (сама) себя обеспечиваю и еще содержать своих родственников;</p>	<p>- Переоценивание своих прежних заслуг по сравнению с ныне работающими:</p>

		– все должны ценить мои прежние заслуги перед предприятием/учреждением	мне обязаны все помогать так как я заслужил (заслужила)
--	--	--	--

Как видно из таблицы 2 содержание различных личностных комплексов в целом составляют виктимные установки. Так содержанием комплекса неполноценности у предпенсионеров стала виктимная установка: «Я хуже, чем другие, потому что я в пожилом возрасте, и во мне не видят перспективного работника». Содержанием комплекса личностного образца у неработающих пенсионеров выступили такие установки как: «Я – не такой как другие, я – старый, у меня морщины, я никогда не буду больше таким как был в молодости и зрелости»; «Я уже никогда никакому работодателю не буду интересен»; «Я никогда уже не реализую планы и желания молодости и зрелости в силу возрастных ограничений». Комплекс потерянного авторитета проявился у работающих пенсионеров в общей виктимной установке: «Я – первый на увольнение, независимо от моих трудовых и профессиональных способностей, поскольку нужно освобождать место молодым работникам». Комплекс вины у неработающих пенсионеров зафиксировался в самом осознании вины за то, что приходится просить помощи у других людей.

Особенностью комплекса жертвы у пожилых людей по сравнению с типичным содержанием этого комплекса у жертв правонарушений стало обнаружение в его структуре комплекса превосходства. Типичной установкой этого комплекса у всех категорий пожилых людей стала виктимная установка – «Мне все должны!».

Обсуждение результатов

В нашем исследовании мы выявили маркеры личностных комплексов у пожилых людей. Комплекс превосходства у неработающих пенсионеров проявлялся в таких маркерах как: «постоянные воспоминания о времени, посвященном работе»; «переоценка своих трудовых заслуг»; «радости неудачам ныне работающих коллег», «претензии о невнимании к действующему руководству предприятия к нуждам неработающего пенсионера», «постоянная критика прежнего руководства» и др. Маркерами комплекса неполноценности у неработающих пенсионеров стали факторы, указывающие на снижение самооценки личности, например, «избегание общения с бывшими коллегами по работе», «желание сидеть дома, стесняясь своего нового статуса» и др. В литературе уже отмечалось, что у неработающих пенсионеров наблюдается некоторое обесценивание своих способностей и прожитой жизни [7], но маркеры, указанные выше, свидетельствуют о наличии выраженного аффективного комплекса неполноценности и, соответственно, о высокой степени стрессогенности этого фактора. При этом общим маркером комплекса неполноценности для всех статусов пожилого возраста выступил онтологический вопрос: «Зачем я живу?» Сама актуализация такого вопроса – показатель повышенной стрессогенности пожилого возраста.

Маркеры комплекса личностного образца проявлялись по-разному у мужчин и женщин. Комплекс личностного образца – это система аффективных переживаний по поводу невозможности соответствовать определенному образцу, на который ориентируется личность. Комплекс личностного образца описан в криминальной виктимологии для случаев, когда жертва из-за совершенного в отношении нее преступления уже никогда не сможет соответствовать выработанным для себя стандартам будущего. Так, обезображивание внешности или лишение конечностей как результат тяжкого вреда здоровью навсегда лишают жертву возможности соответствовать определенным

стандартам привлекательности [5]. Для пожилых людей объективным фактором, уменьшающим шансы на соответствие личностному образцу, является сам процесс старения как объективная причина, которой нельзя противостоять.

Маркерами комплекса личностного образа стали, например, факты подбора фотографий для документов, удостоверяющих личность. Некоторые женщины-респонденты рассказали в биографическом интервью, что они старались выбрать более молодые фотографии для загранпаспорта или для заставки в социальных сетях, не желая использовать свой нынешний внешний облик, отказывались общаться по скайпу без нанесения макияжа и др. В интервью отмечалось, что им стало трудно озвучивать свой возраст даже врачу, некоторые решились на болезненные процедуры по коррекции внешности, например, нанесения тату-бровей. Этот же процесс проявился и у мужчин, но в скрытой форме, у них появилась навязчивая потребность подтверждать свою мужскую привлекательность в беседах с женщинами, а некоторые старались одеваться как юноши.

Комплекс потерянного (угрожаемого) авторитета был впервые описан Я. Рейковским [13]. В отношении пожилых людей этот комплекс проявляется как аффективные переживания из-за унижения их профессионального и личного авторитета. Общей формулой аффективно заряженных мыслей, составляющих этот комплекс у неработающих пенсионеров, были следующие: «У меня большой опыт, я многое знаю и умею делать лучше, чем другие, но это обстоятельство игнорируется». Маркерами проявления этого комплекса у неработающих пенсионеров были факты, когда они выполняли свою профессиональную работу для себя, понимая, что их труд не будет востребован. Некоторые респонденты отмечали, что им катастрофически не хватает профессионального общения и профессиональной оценки, страдали, что к ним никто не обращается за советом и профессиональной помощью.

Комплекс вины – парадоксальный, но типичный комплекс жертвы. Он заключается в самообвинении жертвы в происходящем и часто является продуктом обвинений жертвы со стороны окружающих людей. Вина жертвы – одна из базовых категорий виктимологии [10], а в современной позитивной виктимологии даже используется как способ психотерапии [20]. Как показало наше исследование, у пожилых людей этот аффективный комплекс проявляется в таких аффективно заряженных мыслях как: «Я не виновен (не виновна) в том, что произошло повышение пенсионного возраста» (у предпенсионеров) как защита от внешних обвинений на требование предоставить работу. У неработающих пенсионеров это ощущение вины за то, что они часто вынуждены просить других людей о помощи; у работающих пенсионеров этот комплекс проявился в переживаниях, вызванными обвинениями коллег за то, что они занимают место, которое могли бы занять молодые работники. Из-за стресса, вызванного такими обвинениями, некоторые работники пенсионного возраста, участвовавшие в нашем исследовании, даже предпочли уволиться, хотя очень дорожили своей работой и любили свою профессию. Работающие пенсионеры либо успешно борются с аффективными мыслями такого рода, либо увольняются. Отсутствие этого комплекса у ряда наших респондентов-предпенсионеров объясняется их контрпозицией – «Я не виноват (не виновата) в том, что увеличили пенсионный возраст».

Выводы

1. К виктимным свойствам личности следует отнести виктимную социальную позицию пожилого человека и виктимные установки. Содержание как виктимной жизненной

позиции, так и виктимных установок обусловлено статусом пожилого человека: предпенсионер, работающий пенсионер и неработающий пенсионер.

2. Виктимные установки фиксируются в специфическом содержании аффективных личностных комплексов у пожилых людей в соответствии с их текущим социальным статусом: предпенсионера, работающего и неработающего пенсионера.

3. Можно говорить о специфике содержания комплекса жертвы у пожилых людей. Кроме типичных аффективных личностных комплексов, образующих комплекс жертвы у пострадавших от правонарушений, был выявлен личностный аффективный комплекс превосходства, содержанием которого являются эффективно заряженные мысли о превосходстве пожилого человека над представителями других возрастов.

4. Выявлены маркеры типичных личностных комплексов в пожилом возрасте: комплекса неполноценности, комплекса личностного образа, комплекса угрожаемого авторитета, комплекса превосходства, комплекса вины, что позволяет их успешно диагностировать и далее предметно оказывать психологическую помощь.

5. Виктимная социальная жизненная позиция в пожилом возрасте является отражением в сознании разных видов вреда, причиняемого пожилому человеку как специфической жертве: имущественного, физического, социального и морального.

6. Было выявлено специфическое содержание социального вреда, претерпеваемого пожилыми людьми как страдания от унижений, основанных на образе представителя серебряного возраста как немоощного, обузы. При этом в основе такого отношения лежит не личная неприязнь, а социальные стереотипы.

[1] Victim (лат.) – жертва.

Библиография

1. Абакумова О.Н. Виктимологическая профилактика насильственных преступлений, совершаемых в отношении женщин пожилого возраста // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 8-2. С. 213–217.
2. Ахильгова М.Т. Формы преодоления стресса, вызванного выходом на пенсию // Гуманизация образования. 2018. № 3. С. 87–92.
3. Беляцкий С.А. Возмещение морального (неимущественного вреда). Москва: Городец, 1997.
4. Березина Т.Н. Пенсионный стресс – как психофизиологический феномен // Психология и психотехника. 2019. № 4. С. 15–27.
5. Будякова Т.П. Виктимологические аспекты правового института компенсации морального вреда. Москва: Юрлитинформ, 2016.
6. Зотова О.Ю., Тарасова Л.В., Карапетян Л.В. Психологическая безопасность пожилых людей // Ярославский педагогический вестник. 2019. №5. С. 88–98.
7. Краснянская Т.М., Тылец В.Г. Ресурсы психологической безопасности личности в зависимости от трудового статуса пенсионера // Успехи геронтологии. 2018. №1 (31). С. 39–45.
8. Колпина Л.В. Возрастная детерминация эйджизма социальных и медицинских работников // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2014. № 5(37). www.sisp.nkras.ru
9. Литвинова А.В. Психологическая безопасность личности как ресурс биопсихологического возраста // Человеческий капитал. 2020. № 12 (144). С. 166–176.
10. Малкина-Пых И.Г. Виктимология. Психология поведения жертвы. Санкт-Петербург:

Питер, 2013.

11. Прокопец И.О. Особенности эмоционального состояния и психологическое благополучие мужчин и женщин пенсионного возраста с разным рабочим статусом: дис... канд. психол. наук. Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2017.
12. Пронина А.Н., Будякова Т.П. Лишаев С.А. Философия возраста (возраст и время). СПб.: Алетейя, 2022. 512 с. // Человек. 2022. № 6 (33). С. 178–183. <https://doi.org/10.31857/S023620070020534-4>
13. Рейковский Я. Экспериментальная психология эмоций. Москва: Прогресс, 1979.
14. Репецкая А.Л., Рыбальская В.Я. Криминология. Иркутск, 1999.
15. Романов В.В., Котлярова Л.Н. Юридическая психология. Москва: Юрайт, 2023.
16. Романычев И.С. Социальные стереотипы в отношении пожилых: противоречия и тенденции // Социология и жизнь. 2013. № 1. С. 64–68.
17. Смирнова Т.В. Пожилые люди: стереотипный образ и социальная дистанция // Социологические исследования. 2008. № 8. С. 49–55.
18. Франк Л.В. Виктимология и виктимность. Душанбе, 1972.
19. Babic B., Mairitsch A., Mercer S. et al. Late-career language teachers in Austria and the UK: Pathways to retirement // Teaching and Teacher Education. 2022. No (113). 103686. DOI: 10.1016/j.tate.2022.103686
20. Bensimon M. Victimization in light of self-compassion: Development towards communal compassion // Aggression and Violent Behavior. 2017. 7 (35). P. 44-51. DOI: 10.1016/j.avb.2017.06.002
21. Byrne D., Kwak D.W., Tang K.K., Yazbeck M. Spillover effects of retirement: Does health vulnerability matter? // Economics & Human Biology. 2023. No 1 (48). 101211. DOI: 10.1016/j.ehb.2022.101211
22. Chen S., Geldsetzer P., Bärnighausen T. The causal effect of retirement on stress in older adults in China: A regression discontinuity study // SSM – Population Health. 2020. No 4 (10). 100462. DOI: 10.1016/j.ssmph.2019.100462
23. Chiao C., Kuo P-H., Li D-C., Hu S.C. The changes in feeling of loneliness after retirement among baby boomers and pre-boomers in Taiwan: Do work-family conflict before retirement and social engagement after retirement matter? // SSM – Population Health. 2022. No 12 (20). 101264. DOI: 10.1016/j.ssmph.2022.101264
24. Guedes D.T., Alvarado B.E., Phillips S. et. al. Socioeconomic status, social relations and domestic violence (DV) against elderly people in Canada, Albania, Colombia and Brazil // Arch Gerontol Geriatr. 2015. No 3 (60). P. 492–500. DOI: 10.1016/j.archger.2015.01.010. Epub 2015 Jan 24.
25. Ishikawa M. Media portrayals of transitions from work to retirement in two ageing societies: the case of ageing baby boomers in Japan and Finland // Journal of Aging Studies. 2022. No 9 (62). 101062. DOI: 10.1016/j.jaging.2022.101062
26. Rybtsov S., Berezina T. The Retirement stress increases biological age: searching stress-induced inflammatory and immunosenescence factors of biological aging acceleration // Experimental Hematology. 2020. No 8 (88). P. S78. DOI: 10.1016/j.exphem.2020.09.137
27. Sadiq S. Experiences and Needs of Older People in Prison // International Journal of Innovative Studies in Sociology and Humanities (IJISSH). 2019. No 4 (6). P. 119-126.
28. Seaward B.L. Managing stress: Principles and strategies for health and well-being. Colorado: Jones & Bartlett Learning, 2017.
29. Sousa-Ribeiro M., Persson L., Sverke M., Lindfors P. Approaching retirement: A qualitative study of older nursing assistants' experiences of work in residential care and late-career planning // Journal of Aging Studies. 2022. No 3 (60). 100994. DOI: 10.1016/j.jaging.2021.100994
30. Tan X., Åkerstedt T., Wang H.-X. Sleep moderates the association between stress at

work and incident dementia: study from the Survey of Health, Ageing and Retirement in Europe // Sleep Medicine. 2022. No 12 (100). P. S8–S9. DOI: 10.1016/j.sleep.2022.05.038

31. Zhu R., Onur I. (2023). Does retirement (really) increase informal caregiving? Quasi-experimental evidence from Australia // Journal of Health Economics. 2023. No 1 (87). 102713. DOI: 10.1016/j.jhealeco.2022.102713

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Тематика данной статьи в современных условиях очень актуальна, как в практическом, так и в теоретическом отношении. Связано это с тем, что научных исследований проблем виктимности в отношении лиц старших возрастов (в нашей стране) явно недостаточно. Практические аспекты виктимности проявляют себя, как правило, только при необходимости проведения психолого-психиатрических экспертиз. Хотя виктимность лиц старших возрастов может быть предметом практического психологического консультирования. То есть, актуальность очевидна и сомнений не вызывает.

Об этом отмечается и в самой статье, когда автор пишет, что феномен пенсионного стресса имеет и свои принципиальные, обусловленные возрастом свойства, вне зависимости от юридических решений. Качественная психологическая помощь и самопомощь, защита и самозащита в пожилом возрасте зависит от понимания сути глубинных стрессовых факторов при переходе в пенсионный возраст. При этом, по мнению автора, в литературе явно недооценены детерминанты пенсионного стресса имеющие виктимологическую природу.

Соответственно, целью данного исследования определено выявление и описание виктимных свойств личности пожилого человека у предпенсионеров, работающих и неработающих пенсионеров.

Стиль изложения текста научно-исследовательский. Автор умело анализирует литературные данные, делает правильные умозаключения, предлагает к рассмотрению результаты собственных исследований. Анализ литературных данных выполнен критическим образом, что можно отнести к достоинствам статьи.

Приводятся сведения о том, что ключевой термин «жертва» в виктимологии раскрывается через категорию вреда, причиненного потерпевшему: физического, социального, имущественного и морального. При этом моральный вред, определяемый отечественным законодателем и большинством зарубежных национальных законодательств как физические и нравственные страдания, является не только самостоятельным видом вреда, но и последствием иных видов вреда. Определение морального вреда через категорию страдания позволило уже с XIX века называть его в доктринальной правовой литературе психологическим вредом.

Понятие страдание стало, по мнению автора, ключевым при выработке виктимологической концепции личности жертвы. Личность жертвы определяется в виктимологии как лицо в структуре личности которого присутствует комплекс жертвы, аккумулирующий страдания жертвы по факту причинения ей вреда и фактически являющийся ядром ее стрессовых состояний. Сам комплекс жертвы включает комплексы неполноценности, личностного образца, вины и потерянного авторитета, возникшие как продукты правонарушения. Вместе с тем, сущность страданий пожилого человека в позиции жертвы практически не изучена.

В психологических исследованиях были обозначены некоторые личностные изменения при выходе на пенсию, которые имеют виктимологические корни, поскольку формируют

комплекс жертвы. Речь идет, в частности, об изменении важных для человека профессионального и делового статусов, изменении привычного ритма жизни, сужении социального круга общения, уменьшении доступа к разным ресурсам, изменениях в доходах и др. Все это обуславливает снижение уровня самооценки, то есть создает почву для виктимизации пожилого человека, а страдания, вызванные этими факторами, формируют комплекс неполноценности, который является частью комплекса жертвы.

Литературные сведения, которые автор анализирует, позволяют представить принципы и предположения, которыми руководствуется автор при проведении исследования.

В частности, по его мнению, виктимными свойствами личности следует считать виктимную жизненную позицию и виктимные установки. При этом содержание как виктимной жизненной позиции, так и виктимных установок обусловлено социальным статусом: предпенсионера, работающего или неработающего пенсионера. Так сформулирована гипотеза данного исследования и рецензент с ней согласен.

Так, одним из видов вреда, причиняемого жертве, считается социальный вред. Социальным вредом в виктимологии признается вред в виде нарушения прав и законных интересов жертвы, когда она в силу объективных причин не может испытывать физических или нравственных страданий, как иные лица в тех же обстоятельствах.

Структура работы в целом соответствует общепринятым требованиям к научным публикациям по психологической тематике.

Содержание статьи свидетельствует об умении излагать полученные данные логическим образом. Представленные данные позволяют понять, что в основе социального вреда, претерпеваемого пенсионерами, лежат социальные стереотипы, доминирующие как в российском обществе, так и в других странах. Установлено, что особенностью комплекса жертвы у пожилых людей по сравнению с типичным содержанием этого комплекса у жертв правонарушений стало обнаружение в его структуре комплекса превосходства. Типичной установкой этого комплекса у всех категорий пожилых людей стала виктимная установка – «Мне все должны!».

Интересными можно считать данные о виктимных маркерах. Так, были выявлены маркеры личностных комплексов у пожилых людей. Комплекс превосходства у неработающих пенсионеров проявлялся в таких маркерах как: «постоянные воспоминаниях о времени, посвященном работе»; «переоценка своих трудовых заслуг»; «радости неудачам ныне работающих коллег», «претензии о невнимании к действующему руководству предприятия к нуждам неработающего пенсионера», «постоянная критика прежнего руководства» и др. Маркерами комплекса неполноценности у неработающих пенсионеров стали факторы, указывающие на снижение самооценки личности, например, «избегание общения с бывшими коллегами по работе», «желание сидеть дома, стесняясь своего нового статуса» и др.

В статье имеются выводы, которые систематизированы и в утвердительной форме отражают полученные результаты по выявлению и описанию виктимных свойств личности пожилого человека у предпенсионеров, а также работающих и неработающих пенсионеров.

Библиографический список включает источники по теме исследования.

Данную статью можно рекомендовать к опубликованию в научном журнале, как представляющую интерес для читающей аудитории.

Англоязычные метаданные

The Relationship between the Manifestation of Aggressive Behavior and Personality Traits as a Form of Deviation of a Modern Teenager

Lapsar' Margarita Vladimirovna

Associate Professor; Department of Social Sciences and Humanities; Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

350053, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, Agronomic str., 2/5

✉ margaret-1572@yandex.ru

Abstract. One of the pressing problems of modern society is the aggressive behavior of adolescents. Despite the large number of studies devoted to this topic, the question of defining aggression as an interdisciplinary phenomenon, as well as the causes and conditions for adolescents aggression, remains controversial and requires additional study due to the fact that today aggression is not just a behavioral reaction, but can also transform into a stable model of deviant behavior. Society has an objective need to resolve the issue of preventing teenage aggression and clarifying its causes. The author has made an assumption and empirically verified that aggressive behavior in its extreme form – in the form of deviant behavior – has a connection with unmet needs and the level of self-esteem of a teenager. In our study, we rely on the work in the field of aggressive behavior and deviant behavior of E.V. Leus and self-esteem of L.S. Vygotsky. The study was conducted using methods for diagnosing the level of aggressiveness of A. Bass and A. Darka to determine typical forms of aggressive behavior, assess the propensity for deviant behavior of E.V. Leus, studying the degree of satisfaction of the needs of students A.A. Andreev and the test "Personality Self-Esteem" by S.V. Kovaleva. As a result of the study, it was found that a high level of aggression manifests itself in a pronounced tendency to deviant behavior. It has also been established that the level of aggression is directly related to unmet needs for safety and social contacts, and a connection between a high level of aggression and an inadequate (overestimated or underestimated) level of self-esteem of adolescents has been identified.

Keywords: aggressive behavior, socially conditioned behavior, personal characteristics, deviant behavior, adolescence, needs, teenage crisis, self-esteem, aggression, forms of deviant behavior

References (transliterated)

1. Iz vystupleniya V.V. Putina na rasshirennom zasedanii kollegii MVD Rossii. Ofitsial'nye setevye resursy Prezidenta Rossii. – Moskva, 2024 – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73770> (data obrashcheniya: 14.05.2024)
2. Lapsar', M. V. Ob aktual'nosti preventsii destruktivnogo povedeniya nesovershennoletnikh v internet-prostranstve / M. V. Lapsar' // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. – 2023. – № 3(61). – S. 37-41. – EDN WCTLFS.
3. Ngo, D. T. Vliyanie shkol'noi kul'tury na agressivnoe povedenie starsheklassnikov / D. T. Ngo // Obrazovanie i vospitanie doshkol'nikov, shkol'nikov, molodezhi: teoriya i praktika. – 2024. – № 1. – S. 90-101. – EDN OHKDG.
4. Tkachuk, O. A. Agressivnoe povedenie podrostkov: prichiny vozniknoveniya i problemy

- korrektsii / O. A. Tkachuk, K. A. Kornilov // Innovatsionnoe razvitie professional'nogo obrazovaniya. – 2018. – T. 20, № 4. – S. 86-92. – EDN VRMJQW.
5. Leus E.V. Metod vyyavleniya otklonyayushchegosya povedeniya podrostkov // Psikhologo-sotsial'naya rabota v sovremennom obshchestve: problemy i resheniya: sbornik materialov mezhdunarodnykh nauchno-prakticheskikh konferentsii / Pod obshch. red. Yu.P. Platonova. – SPb.: SPbGIPSR, 2012. – S. 204-205. Leus E.V.
 6. Lapsar' M.V. Vliyanie osobennostei vospriyatiya internet-prostranstva na formirovanie deviantnykh form povedeniya sovremennykh podrostkov // Aktual'nye problemy psikhologii pravookhranitel'noi deyatel'nosti: kontseptsii, podkhody, tekhnologii (Vasil'evskie chteniya–2024): programma mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Sankt-Peterburg, 26-27 aprelya 2024 goda / Sost.: Yurenkova V.A., Rozhkov A.A., Kobozev I.Yu., Sharanov Yu.A., Sitnikov V.L., Dukhnovskii S.V. Sankt-Peterburg: Izd-vo SPb un-ta MVD Rossii, 2024. – 61 s.
 7. Nevenchannyi, S. V. Ponyatie agressivnogo povedeniya v sovremennoi psikhologii / S. V. Nevenchannyi // Nauka i sovremennost'. – 2011. – № 10-1. – S. 300-309. – EDN RTWCNV.
 8. Rasponomareva O. V. Agressiya: filosofskie i psikhiatricheskie aspekty. M., 2001. 273 s.
 9. Fromm E. Anatomiya chelovecheskoi destruktivnosti. – M., 1994.
 10. Kotelevskaya, M. A. Vzaimosvyaz' agressii i tsennostnykh orentatsii v podrostkovom vozraste / M. A. Kotelevskaya // Forum molodykh uchenykh. – 2024. – № 1(89). – S. 58-65. – EDN KLTSWV.
 11. Agressiya detei i podrostkov : klinicheskie osobennosti i printsipy terapii / Yu. B. Mozhginskii. – Moskva : GEOTAR-Media, 2023. – 86 s.
 12. Kreikhi B. Sotsial'naya psikhologiya agressii. SPb.: Piter, 2003. 412 s.
 13. Kh'ell, L., Zigler, D. Teorii lichnosti. Osnovnye polozheniya, issledovaniya i primenenie [Tekst] : uchebnoe posobie dlya studentov vysshih uchebnykh zavedenii, obuchayushchikhsya po napravleniyu i spetsial'nostyam psikhologii : [perevod s angliiskogo yazyka : 16+] – 3-e izd. – Sankt-Peterburg [i dr.] : Piter ; Minsk : Piter, 2019. – 606 s.

Comparative analysis of athletes' motivation as a predictor of sports activity experience

Kharitonova Anna Igorevna

PhD in Psychology

Judo and Sambo coach, FAI MD RF "Central Sports Club of the Army"

39 Leningradsky Prospekt str., Moscow, 125167, Russia

✉ kharitosha85@mail.ru

Komyagina Nataliya Vladimirovna

Judo coach, CSIЕ "Sambo 70".

115162, Russia, Moscow, Mynaya str., 42, p. 1

✉ knv737@mail.ru

Abstract. The study of motivational factors will help to maintain the interest of novice

athletes in sports, increase the efficiency of their activities, and therefore increase their sports experience. The purpose of this study is to conduct a comparative analysis of the sports motivation of boys and girls, and to identify the motives that act as predictors of the length of sports activity. The study involved 173 people aged 11 to 18 years engaged in judo and sambo in youth sports schools, including 71 girls and 102 boys. Research methods: "Studying the motives of sports" V. I. Trotnikov, "The Scale of sports motivation (Sport Motivation Scale)" in the adaptation of Kasatkin V. N., Vykhodets I. T., Bocharov K. A., Kvitchastogo A.V. As a result of the study, the dominant motives of sports were identified. The method of Mann-Whitney U-test and variance analysis showed differences in the motivational sphere of athletes. Multiple regression analysis made it possible to determine the predictors of the length of sports activity: for girls, significant predictors are communication, acquisition of life-useful skills and knowledge, demotivation, collectivistic orientation, character development and mental qualities. For young men, the predictors were material goods and collectivistic orientation. The obtained research results can be recommended to the coaching and teaching staff in the field of physical education and sports to attract boys and girls to sports, as well as to maximize the extension of their sports experience.

Keywords: intrinsic motivation, extrinsic motivation, seniority predictor, sport motivation, dominant motives, sporting experience, sports activities, sportsman, motivational profile, motivation

References (transliterated)

1. Bessalova T. A. Osobennosti motivatsii k sportu u sportsmenov-lyubitelei // Aktual'nye problemy zdorov'ya, fizicheskoi kul'tury i sporta na sovremennom etape: Sbornik nauchnykh trudov, posvyashchennyi 110-letiyu SGU imeni N.G. Chernyshevskogo / Otv. red.: N. B. Brilenok, I. Yu. Vodolagina, S. S. Pavlenkovich. Saratov: Izdatel'stvo «Saratovskii istochnik», 2019. S. 93-97.
2. Germanov G. N., Sabirova I. A., Fedorov V. V. Struktura motivatsii k zanyatiyam sportom u vysokokvalifitsirovannykh sportsmenov razlichnykh vidov sporta // Sportivnyi psikholog. 2021. № 3(60). S. 13-17.
3. Golomanzina K. A. Motivatsiya k sportivnoi deyatel'nosti // Sportivnaya psikhologiya v mezhkul'turnom prostranstve: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi onlain-konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu UrFU (Ekaterinburg, 4–5 dekabrya 2020 goda) / pod red. L. N. Rogalevoi; Ministerstvo nauki i vysshego obrazovaniya Rossiiskoi Federatsii; Ural'skii federal'nyi universitet im. pervogo Prezidenta Rossii B.N. El'tsina. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2021. S. 94-101.
4. Dontsov D. A., Denisova K. I. Motivatsionnye osobennosti sportsmenov yunosheskogo vozrasta // Chelovecheskii kapital. 2019. №. 7. S. 168-177.
5. Dontsov V. V., Starovoitov Yu. N., Mostovaya T. N. Osnovy metodiki formirovaniya sportivnoi motivatsii // Nauka-2020. 2019. № 3(28). S. 96-104.
6. Zakharov A. V., Tsekunov S. O., Netbai S. G., Storozhuk A. V. Motivatsiya shkol'nikov dlya zanyatii vol'noi bor'boi v Khabarovskom krae // Uchenye zapiski universiteta Lesgafta. 2018. № 5(159). S. 86-88.
7. Zinov'ev N. A., Alekseeva N. D., Svyatchenko, P. B., Zinov'ev A. A. Osobennosti motivatsii sportivnoi deyatel'nosti gornolyzhnikov s razlichnym urovnem kvalifikatsii // Uchenye zapiski universiteta im. PF Lesgafta. 2017. №. 10(152). S. 79-83.
8. Il'in E. P. Motivatsiya i motivy. Sankt-Peterburg: Piter, 2011.

9. Kasatkin V. N., Vykhodets I. T., Bochaver K. A., Kvitchastyi A. V. K voprosu o diagnostike sportivnoi motivatsii: adaptatsiya oprosnika «Sport motivation scale» // Sportivnyi psikholog. 2012. № 1(25). S. 38-43.
10. Kitova Ya. V. Preobladanie vnutrennei motivatsii u sportsmenov kak faktor uspekhov // Molodoi uchenyi. 2018. № 15(201). S. 199-201.
11. Kolosheina V. V., Kochetkova S. V. Osobennosti motivatsii sportivnoi deyatel'nosti yunikh sportsmenov, zanimayushchikhsya kikkboksingom // Resursy konkurentosposobnosti sportsmenov: teoriya i praktika realizatsii. 2021. № 11. S. 214-216.
12. Kretti Dzh. Motivatsiya zanyatii sportom / Psikhologiya sporta: khrestomatiya; sost.-red. A.E.Taras. M.: AST; Mn.: Kharvest, 2005. S. 59-78.
13. Martynova V. A., Kornev O. A., Korneva A. V. Motivatsiya k sportivno-trenirovochnoi deyatel'nosti legkoatletov razlichnoi kvalifikatsii // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2021. № 6. S. 99.
14. Parkhomenko E. A., Dubovova A. A., Pritsyuk O. E. Osobennosti psikhologicheskoi gotovnosti yunikh sportsmenov k zanyatiyam sportivnymi i bal'nymi tantsami // Fizicheskaya kul'tura i sport. Olimpiiskoe obrazovanie: Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Krasnodar, 11 fevralya 2019 goda. Tom Chast' 2. – Krasnodar: Kubanskii gosudarstvennyi universitet fizicheskoi kul'tury, sporta i turizma, 2019. S. 138-140.
15. Piloyan R. A. Motivatsiya sportivnoi deyatel'nosti. M.: Fizkul'tura i sport, 1984.
16. Rumyantseva N. V. Osobennosti motivov sportivnoi deyatel'nosti sportsmenov-lyubitelei // Fizicheskaya kul'tura. Sport. Turizm. Dvigatel'naya rekreatsiya. 2020. T. 5. № 4. S. 107-112.
17. Rysyukevich N. S. Motivatsiya v komandnykh vidakh sporta: sotsiologicheskii analiz // Sotsiologicheskii al'manakh. 2018. № 9. S. 150-160.
18. Serova L. K. Psikhologiya lichnosti sportsmena: uchebnoe posobie. M.: Sovetskii sport, 2007.
19. Tropnikov V. I. Struktura i dinamika motivov sportivnoi deyatel'nosti: na prim. tyazheloi atletiki, boksa i gandbola: dis. ... kand. psikhol. nauk. Leningrad, 1989. 183 s.
20. Tsaregorodtsev I. I. Motivatsiya sportsmenov v khode trenirovochnogo protsesssa // Sovremennye sportivnye tekhnologii (aktual'nye voprosy podgotovki sportivnogo rezerva): Materialy VI mezhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Ioshkar-Ola, 27 aprelya 2018 goda. Ioshkar-Ola: GBPOU Respubliki Marii El «Uchilishche olimpiiskogo rezerva», 2018. S. 237-243.
21. Shabol'tas A. V. Motivy zanyatiya sportom vysshikh dostizhenii v yunosheskom vozraste: dis. ... kand. psikhol. nauk. Sankt-Peterburg, 1998. 184 s.
22. Yakovlev B. P. Motivatsiya i emotsii v sportivnoi deyatel'nosti. Moskva: Sovetskii sport, 2014.
23. Biese K., Winans M., Rudek G., Cadmus-Bertram L., Andreae S., Brooks M., Kliethermes S., McGuine T., Bell D. The Association Between Sport Specialization and Sport Motivation in Middle School-Aged Athletes // Journal of athletic training. 2023. URL: <https://doi.org/10.4085/1062-6050-0690.22> (date of reference: 25.06.2023).
24. Crane J., Temple V. A systematic review of dropout from organized sport among children and youth // European Physical Education Review. 2015. No. 21(1). Pp. 114-131.
25. Jakobsen A. Are There Differences in Motives Between Participants in Individual Sports

- Compared to Team Sports? // LASE journal of Sport Science. 2014. V. 5. Pp. 32-42.
26. Klimova E. M., Litvishkov V. M. Labor Motivation as a Pledge of Successful Development of the Organization // Industry Competitiveness: Digitalization, Management, and Integration: Proceedings International Scientific and Practical Forum "Industry. Science. Competence. Integration", Moscow, 28 noyabrya 2019 goda. Moscow: Springer Nature, 2020. Pp. 716-727.
 27. Molinero O., Salguero Al., Tuero-del-Prado C., Alvarez E., Márquez S. Dropout Reasons in Young Spanish Athletes: Relationship to Gender, Type of Sport and Level of Competition // Journal of sport behavior. 2006. T. 29(3). Pp. 255-269.
 28. Parnabas V., Nazarudin M., Mohamed Sh., Mohamad N., Rahim R. Motives for taking part in physical activities based on gender // Malaysian Journal of Sport Science and Recreation (MJSSR). 2022. T. 18(1). Pp. 76-82.
 29. Pelletier L. G., Fortier M. S., Vallerand R. J., Tuson K. M., Briere N. M., Blais M. R. Toward a new measure of intrinsic motivation, extrinsic motivation, and amotivation in sports: The Sport Motivation Scale (SMS) // Journal of Sport & Exercise Psychology. 1995. No.17. P. 35-53.
 30. Pluhar E., McCracken C., Griffith K., Christino M., Sugimoto D., Meehan W. Team sport athletes may be less likely to suffer anxiety or depression than individual sport athletes // Journal of sports science & medicine. 2019. T. 18(3). Pp. 490-496.
 31. Poteliuniene, S., Sabaliauskas, S. Skirtingo meistriškumo sportininkų motyvacijos sportuoti ypatumai / Peculiarities of the motivation to do sports in athletes of different levels of excellence // Sporto mokslas. 2010. No. 2(60). Pp. 13-18.
 32. Ryan R. M., Deci E. L. Intrinsic and Extrinsic Motivations: Classic Definitions and New Directions // Contemporary Educational Psychology. 2000. No. 25(1). Pp. 54-67.
 33. Ryska T. A. Sportsmanship in young athletes: The role of competitiveness, motivational orientation, and perceived purposes of sport // The Journal of Psychology. 2003. T. 137(3). Pp. 273-293.
 34. Vallerand R. J. Toward a hierarchical model of intrinsic and extrinsic motivation // Advances in experimental social psychology. 1997. V. 29. Pp. 271-360.
 35. Waśkiewicz Z., Nikolaidis P., Chalabaev A., Rosemann T., Knechtle B. Motivation in ultra-marathon runners // Psychology Research and Behavior Management. 2019. No. 12. Pp. 31-37.
 36. Wojtowicz A., Dobroczyński B., Tyński M. The role of motivation in amateur basketball // Antropomotoryka, Journal of Kinesiology and Exercise Sciences. 2018. Pp. 53-60.

Domestic violence and maternal perversion

Mordas Ekaterina Sergeevna

PhD in Psychology

Associate Professor at Moscow Institute of Psychoanalysis

121170, Russia, g. Moscow, ul. Kutuzovskii Prospekt, d.34, str.14

✉ morkaty@yandex.ru

Abstract. The purpose of the study is to integrate sociological and psychoanalytic approaches in the field of social relations, using the example of domestic violence. The subject of the study is domestic violence. Research developed under the ideas of R. Collins, A. Motz and E. Welldon, M. Hirsch, David E. Scharff, R. Stoller.

Violence of the weak is one of the types of violence (R. Collins). Affective field, dominance, control and submission are signs of violent interaction. The family is the space where the situation of violence unfolds. A mother figure with power, in the maternal role, can realize her destructive desires and resolve conflicts (E. Weldon, A. Motz). Other types of domestic violence include violence in caring for the sick, the elderly, and in relationships between spouses (often violence against women, submissiveness of women).

The author made the following conclusions:

1. Domestic violence is one of the types of violence: violence of the weak. Violence unfolds in a violent situation, with some interaction between the victim and the aggressor.
2. Characteristics of a situation of violence according to R. Collins: affective field, dominance and imposition of will, submission, confrontation, tension, fear, panic, control.
3. Violence is a form of expression of maternal perversion: destructive desires of the mother, hatred (E. Weldon, A. Motz, R. Stoller), dependence, helplessness, sadomasochism (S. Cohen), incest (E.D. Scharff), symbiosis (J. Bergeret, M. Mahler, J.F. Masterson, D.B. Rinsley).
4. Violence is a reflection of a person's life history.
5. Domestic violence is possible in a situation of pathological dependence of one subject on another. A healthy form of addiction presupposes the ability to be in an intimate relationship with a significant Other – something that becomes a difficulty for modern people.

Keywords: submission, fear, dominance, control, tension, situation, affective field, perversion, family, violence

References (transliterated)

1. Mots A. Psikhologiya zhenskogo nasiliya. Prestuplenie protiv tela. M.: Kogito-Tsent, 2021. 590 s.
2. Collins, R. *Violence : a micro-sociological theory*. Princeton University Press. 2008. 580 s.
3. Khirsh M. Samopovrezhdenie, suitsidal'nye tendentsii i agressiya, napravlenaya vovne – obshchnost' i razlichiya. // Zhurnal prakticheskoi psikhologii i psikhoanaliza. 2022. № 2. – Rezhim dostupa: <https://psyjournal.ru/articles/samopovrezhdenie-suicidalnye-tendencii-i-agressiya-napravlenaya-vovne-obshchnost-i> – (Data obrashcheniya: 02.12.2023)
4. Uelldon E.V. Mat'. Madonna. Bludnitsa. Idealizatsiya i obestsenivanie materinstva. M.: «Pero», 2016. 204 s.
5. Berzhere Zh. Psikhoanaliticheskaya patopsikhologiya: teoriya i klinika. M.: MGU im. M.V. Lomonosova, 2001. 400 s.
6. Masterson, J.F., Rinsley, D.B. The borderline syndrome. The role of the mother in the genesis and psychic structure of the borderline personality // Int. J. Psycho-Anal. 1975. Vol. 56. P. 163-167.
7. Stoller R. Dzh. Perversiya: eroticheskaya forma nenavisti. Izhevsk: ERGO, 2016. 220 c.
8. Sharff E. Devid. Seksual'nye otnosheniya. M.: «Kognito-Tsent», 2013. 304 s.
9. Koen S. Sadomazokhistское возбуждение: расстройство характера i perversiya. // Zhurnal prakticheskoi psikhologii i psikhoanaliza. 2004. № 4. – Rezhim dostupa <https://psyjournal.ru/articles/sadomazokhistское-vozbuzhdenie-rasstroystvo-haraktera-i-perversiya?ysclid=lp085fc8sq412474165> – (Data obrashcheniya: 02.12.2023)

Features of the relationship between self-expression and the image of physical attractiveness among participants of online

communities idealizing the cult of appearance.

Sungurova Nina L'vovna

PhD in Psychology

Associate Professor; Department of Psychology and Pedagogy; Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

117198, Russia, Moscow, Miklukho-Maklaya str., 10/2, room 627

✉ sungurova_nl@pfur.ru

Honina Svetlana YU'evna

Master's Degree; Department of Psychology and Pedagogy; Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

117198, Russia, Moksva, Miklukho-Maklaya str., 10/2, room 627

✉ honina_svetlana@mail.ru

Abstract. In modern society, social networks play a key role in the formation and dissemination of the ideal of physical attractiveness. This leads to the creation of online communities that idealize the cult of appearance. The influence of social media makes people perceive beauty as an internal standard, increasing attention and concern about their appearance. Participants compare themselves to the ideal, which lowers self-esteem and causes dissatisfaction with the body, can lead to depression, anxiety and eating disorders. Purpose of the study : identify the features of the relationship between self-expression and the image of physical attractiveness among participants of online communities idealizing the cult of appearance.

Methods of the study: "Strategies of self-expression" (I.P. Shkuratova), "Three-factor scale of physical perfectionism" (A.B. Kholmogorova, A.A. Rachmanina), "Questionnaire of self-image" (O.A. Skugarevsky, S.V. Sivukha), "Test of attitude to eating" (D. Garner and others in the adaptation of O. A. Skugarevsky), "The Dutch questionnaire of eating behavior" (T. Strien in the adaptation: T.G. Voznesenskaya. Members of different online communities demonstrate similar self-promotion strategies. The interrelationships between the characteristics of self-expression and physical perfectionism in both studied samples have been established. It was revealed that there are general and specific features of the relationship between self-expression strategies and indicators of physical perfectionism and the image of one's own body among representatives of different online communities. The novelty of the study lies in the fact that for the first time the features of the relationship between self-presentation and the image of physical attractiveness in participants of online communities idealizing the cult of appearance are considered. The study expands the understanding of the psychological characteristics of respondents involved in different online communities of the cult of appearance.

Keywords: body image, perfectionism, online communities, cult of appearance, eating disorders, physical perfectionism, dissatisfaction with body image, physical attractiveness, self-expression strategies, eating behavior

References (transliterated)

1. Gofman I. Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoi zhizni / Per. s angl. i vstup. stat'ya A. D. Kovaleva. – M.: «KANON-press-Ts», «Kuchkovo pole», 2000. 304 s.
2. Shkuratova I. P. Samopred'yavlenie lichnosti v obshchenii: monografiya / I. P.

- Shkuratova. – Rostov n/D: Izd-vo YuFU, 2009. 192 s.
3. Gangestad S.W, Snyder M. Self-monitoring: appraisal and reappraisal. Psychol Bull. 2000 Jul; 26(4), 530-55. doi: 10.1037/0033-2909.126.4.530.
 4. Pikuleva O.A. Psikhologicheskaya mnogoznachnost' ponyatiya «samoprezentatsiya lichnosti» i sovremennye nauchnye podkhody k ponimaniyu ego soderzhaniya // Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo. 2013. Tom 4. № 2. S. 21-37.
 5. Belinskaya E.P., Gavrichenko O.V. Samoprezentatsiya v virtual'nom prostranstve: fenomenologiya i zakonomernosti // Psikhologicheskie issledovaniya [Elektronnyi resurs]. 2018. T. 11. № 60. URL: <http://psystudy.ru>
 6. Shchukina M.A., Yakovleva I.V., Krainyukov S.V., Tyutyunnik E.I., Bondareva M.O., Aver'yanova O.Yu. Osobennosti vizual'noi samoprezentatsii uchastnikov delovoi kommunikatsii v virtual'noi obrazovatel'noi srede // Psikhologicheskie issledovaniya. 2018. T. 11, № 59. S. 10. URL: <http://psystudy.ru>
 7. Sungurova, N. L. Vzaimosvyaz' samootnosheniya i variativnosti samoprezentatsii studentov v usloviyakh Internet-kommunikatsii / N. L. Sungurova, Yu. E. Akimkina // Aktual'nye problemy psikhologii i pedagogiki v sovremennom mire Sbornik nauchnykh trudov uchastnikov V mezhvuzovskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Moskva, 09 aprelya 2020 goda / Pod obshchei redaktsiei N.B. Karabushchenko, N.L. Sungurovoi. – Moskva: Rossiiskii universitet druzhby narodov (RUDN), 2020. S. 84-90.
 8. Sungurova, N. L. Virtual'naya samoprezentatsiya lichnosti: gendernyi aspekt / N. L. Sungurova // Psikhologiya i pedagogika XXI veka: teoriya, praktika i perspektivy: monografiya / pod obshch. red. N.B. Karabushchenko, N.L. Sungurovoi. – Moskva: Rossiiskii universitet druzhby narodov, 2015. S. 316-329.
 9. Suntsova Ya. S., Burdyko E. V. Sklonnost' k internet-zavisimosti studentov v svyazi s ikh psikhologicheskimi blagopoluchiyami // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika». 2018. № 4. S. 412-423.
 10. Maslov, V. P. Setevoe soobshchestvo: riski i ugrozy Internet-sredy dlya kibersotsializatsii molodezhi / V. P. Maslov, M. A. Gnatyuk, S. I. Samygin // Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2018. № 8. S. 39-42.
 11. Kornienko D.S., Rudnova N.A., Gordeeva T.O., Sychev O.A., Egorov V.A., Veraksa A.N. Odinochestvo i sotsial'naya podderzhka kak kharakteristiki sotsial'nogo zdorov'ya i faktory zavisimosti ot sotsial'nykh setei u podrostkov // Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo. 2023. Tom № 2. S. 28-48. DOI: 10.17759/sps.2023140203
 12. Sitdikov, R. F. Sposoby reprezentatsii i kontrolya nad telom v sovremennoi massovoi kul'ture / R. F. Sitdikov // Teoreticheskie i prakticheskie aspekty razvitiya sovremennoi nauki: teoriya, metodologiya, praktika: Sbornik statei po materialam II-Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Ufa, 06 marta 2020 goda. – Ufa: Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'yu "Nauchno-izdatel'skii tsentr "Vestnik nauki", 2020. S. 131-138.
 13. Tsygankova P. V., Pronchikhina E. Yu. Osobennosti emotsional'nogo reagirovaniya na posty gruppy "Tipichnaya anoreksichka" sotsial'noi seti "VKontakte" u devushek s razlichnymi tipami telesnosti // Vestnik RGGU. Seriya «Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie». 2019. №2. S. 77-96.
 14. Kholmogorova, A. B. Trekhfaktornaya shkala fizicheskogo perfektsionizma-novyi instrument diagnostiki patogennykh standartov vneshnosti v sovremennoi kul'ture / A. B. Kholmogorova, A. A. Rakhmanina // Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya. 2020. T. 28, № 4(110). S. 98-117. DOI: 10.17759/cpp.2020280406.

15. Labunskaya V.A. Vneshnii oblik v strukture predstavlenii o Vrage i Druge na razlichnykh etapakh zhiznennogo puti // *Psikhologiya cheloveka v sovremennom mire*. T. 1. (Materialy Vserossiiskoi yubileinoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 120-letiyu so dnya rozhdeniya S.L. Rubinshteina, 15-16 oktyabrya 2009 g.) / Otv. red.: A.L. Zhuravlev, V.A. Barabanshchikov, M.I. Volovikova. – M., 2009.
16. Bolokhova M.V. Rol' etalona fizicheskoi privlekatel'nosti v otsenke sobstvennoi vneshnosti // *Gendernaya psikhologiya. Praktikum*. 2-e izd. / Pod red. I.S. Kletsinoi. – SPb., 2009. 496 s.: il. – (Seriya «Praktikum»).
17. Karabina Yu. S. Etalon fizicheskoi privlekatel'nosti kak sotsiokul'turnyi faktor obraza telesnogo ya u zhenshchin // *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika. 2010. № 4. S. 144-148.
18. Baturina N.V., Zatsepina O.A. Vliyanie sotsial'noi seti Instagram na vospriyatie obraza tela u molod8 zhenshchin // *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*. 2021. № 7. S. 57-61. URL: <https://doi.org/10.24158/spp.2021.7.9>.
19. Il'ina, V. A. Idealizatsiya rasstroistva pishchevogo povedeniya v virtual'nom prostranstve / V. A. Il'ina // *Skif. Voprosy studencheskoi nauki*. 2020. № 4(44). S. 95-99.
20. Lepesheva S.O., Kholmogorova A.B. Uchastie v fitnes-blogakh kak novaya sotsial'naya praktika i ee posledstviya dlya psikhicheskogo zdorov'ya molodykh zhenshchin // *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya*. 2021. Tom 17. № 2. C. 144-154. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2021170214>
21. Abdollahi A, Prasad KDV, Abdelrasheed NSG, Alshahrani SH, Shoja SJ, Al-Awsi GRL, Estrada-Araoz EG, Singer N, Ramírez-Coronel AA, Mustafa YF, Iswanto AH. An investigation of relationships between body compassion, social physique anxiety and physical appearance perfectionism in young people from Iran. *J Eat Disord*. 2023 Jun 5; 11(1), 90. DOI: 10.1186/s40337-023-00807-x.
22. Lima-Silva, Luiz & Faro, André. (2023). Physical appearance perfectionism mediating the relationship between body dysmorphic and depressive symptoms. DOI: 10.13140/RG.2.2.15209.67682.
23. Gupta M, Jassi A, Krebs G. The association between social media use and body dysmorphic symptoms in young people. *Front Psychol*. 2023 Aug 17;14:1231801. DOI: 10.3389/fpsyg.2023.1231801.
24. Butko, K. D. Fizicheskii perfektsionizm kak naibolee rasprostranennaya forma obshchego perfektsionizma sredi molodezhi / K. D. Butko // *Stolitsa nauki*. 2019. № 5(10). S. 137-141.
25. Svitkevich, Yu. V. Informatsionnoe vozdeistvie na lichnost' v seti Internet kak odin iz prediktorov chastoty retsidivov rasstroistv pishchevogo povedeniya / Yu. V. Svitkevich // *Innovatsionnaya nauka: psikhologiya, pedagogika, defektologiya*. 2021. T. 4. № 2. S. 32-47. DOI: 10.23947/2658-7165-2021-4-2-32-47.
26. Mincey K.A., Michelle Hunnicutt Hollenbaugh K. Exploring the Experiences of People who Engage with Pro-eating Disorder Online Media: A Qualitative Inquiry. *Int J Adv Couns*. 2022;44(4):660-679. DOI: 10.1007/s10447-022-09483-z. Epub 2022 Aug 11.
27. Shloido, D. E. Individual'no-psikhologicheskie osobennosti studentov s narusheniyami pishchevogo povedeniya / D. E. Shloido, I. V. Grandilevskaya // *Peterburgskii psikhologicheskii zhurnal*. 2020. № 30. S. 138-166.

Victim personality traits in old age

Abstract. In the scientific literature, when studying old age, special attention is paid to the phenomenon of victimization, but the psychological content of this phenomenon has not been studied. This makes it difficult to provide effective psychological assistance to older people, although they are recognized as specific victims due to their particular vulnerability to adverse factors in the social environment. In an empirical study, the methods of inverse and biographical interviews, as well as meaningful content analysis, were applied. Participants of the study in the amount of 120 people are elderly people in the status of pre-pensioner (40 people); working pensioner (40 people) and non-working pensioner (40 people). It was found that the victim's properties of an elderly person can be considered a victim's life position and victim attitudes, which form the content of moral and social harm. Social harm in relation to the elderly can be interpreted as a public position in relation to the elderly, which in the public mind does not qualify as defamation, but actually puts the elderly in a disadvantageous, humiliating social position of a burden, insignificant members of society. As a component of moral harm, a specific superiority complex specific to old age was identified. The identified affective personality complexes in older people of different status manifested themselves in specific markers that allow them to be effectively diagnosed and further provide psychological assistance.

Keywords: victim complex, personality complexes, non-working pensioners, working pensioners, pre-pensioners, old age, victim personality traits, retirement stress, victim, person

References (transliterated)

1. Abakumova O.N. Viktimologicheskaya profilaktika nasil'stvennykh prestuplenii, sovershaemykh v otnoshenii zhenshchin pozhilogo vozrasta // Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava. 2019. № 8-2. S. 213–217.
2. Akhil'gova M.T. Formy preodoleniya stressa, vyzvannogo vykhodom na pensiyu // Gumanizatsiya obrazovaniya. 2018. № 3. S. 87–92.
3. Belyatskin S.A. Vozmeshchenie moral'nogo (neimushchestvennogo vreda). Moskva: Gorodets, 1997.
4. Berezina T.N. Pensionnyi stress – kak psikhofiziologicheskii fenomen // Psikhologiya i psikhotekhnika. 2019. № 4. S. 15–27.
5. Budyakova T.P. Viktimologicheskie aspekty pravovogo instituta kompensatsii moral'nogo vreda. Moskva: Yurlitinform, 2016.
6. Zotova O.Yu., Tarasova L.V., Karapetyan L.V. Psikhologicheskaya bezopasnost' pozhilykh lyudei // Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik. 2019. №5. S. 88–98.
7. Krasnyanskaya T.M., Tylets V.G. Resursy psikhologicheskoi bezopasnosti lichnosti v zavisimosti ot trudovogo statusa pensionera // Uspekhi gerontologii. 2018. №1 (31). S. 39–45.
8. Kolpina L.V. Vozrastnaya determinatsiya eidzhizma sotsial'nykh i meditsinskikh rabotnikov // Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem (elektronnyi nauchnyi zhurnal). 2014. № 5(37). www.sisp.nkras.ru
9. Litvinova A.V. Psikhologicheskaya bezopasnost' lichnosti kak resurs

- biopsikhologicheskogo vozrasta // Chelovecheskii kapital. 2020. № 12 (144). S. 166–176.
10. Malkina-Pykh I.G. Viktimologiya. Psikhologiya povedeniya zhertvy. Sankt-Peterburg: Piter, 2013.
 11. Prokopets I.O. Osobennosti emotsional'nogo sostoyaniya i psikhologicheskoe blagopoluchie muzhchin i zhenshchin pensionnogo vozrasta s raznym rabochim statusom: dis... kand. psikhol. nauk. Rostov-na-Donu: YuFU, 2017.
 12. Pronina A.N., Budyakova T.P. Lishaev S.A. Filosofiya vozrasta (vozrast i vremya). SPb.: Aleteiya, 2022. 512 s. // Chelovek. 2022. № 6 (33). S. 178–183. <https://doi.org/10.31857/S023620070020534-4>
 13. Reikovskii Ya. Eksperimental'naya psikhologiya emotsii. Moskva: Progress, 1979.
 14. Repetskaya A.L., Rybal'skaya V.Ya. Kriminologiya. Irkutsk, 1999.
 15. Romanov V.V., Kotlyarova L.N. Yuridicheskaya psikhologiya. Moskva: Yurait, 2023.
 16. Romanychev I.S. Sotsial'nye stereotipy v otnoshenii pozhilykh: protivorechiya i tendentsii // Sotsiologiya i zhizn'. 2013. № 1. S. 64–68.
 17. Smirnova T.V. Pozhilye lyudi: stereotipnyi obraz i sotsial'naya distantsiya // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2008. № 8. S. 49–55.
 18. Frank L.V. Viktimologiya i viktimnost'. Dushanbe, 1972.
 19. Babic B., Mairitsch A., Mercer S. et al. Late-career language teachers in Austria and the UK: Pathways to retirement // Teaching and Teacher Education. 2022. No (113). 103686. DOI: 10.1016/j.tate.2022.103686
 20. Bensimon M. Victimization in light of self-compassion: Development towards communal compassion // Aggression and Violent Behavior. 2017. 7 (35). P. 44–51. DOI: 10.1016/j.avb.2017.06.002
 21. Byrne D., Kwak D.W., Tang K.K., Yazbeck M. Spillover effects of retirement: Does health vulnerability matter? // Economics & Human Biology. 2023. No 1 (48). 101211. DOI: 10.1016/j.ehb.2022.101211
 22. Chen S., Geldsetzer P., Bärnighausen T. The causal effect of retirement on stress in older adults in China: A regression discontinuity study // SSM – Population Health. 2020. No 4 (10). 100462. DOI: 10.1016/j.ssmph.2019.100462
 23. Chiao C., Kuo P-H., Li D-C., Hu S.C. The changes in feeling of loneliness after retirement among baby boomers and pre-boomers in Taiwan: Do work-family conflict before retirement and social engagement after retirement matter? // SSM – Population Health. 2022. No 12 (20). 101264. DOI: 10.1016/j.ssmph.2022.101264
 24. Guedes D.T., Alvarado B.E., Phillips S. et. al. Socioeconomic status, social relations and domestic violence (DV) against elderly people in Canada, Albania, Colombia and Brazil // Arch Gerontol Geriatr. 2015. No 3 (60). P. 492–500. DOI: 10.1016/j.archger.2015.01.010. Epub 2015 Jan 24.
 25. Ishikawa M. Media portrayals of transitions from work to retirement in two ageing societies: the case of ageing baby boomers in Japan and Finland // Journal of Aging Studies. 2022. No 9 (62). 101062. DOI: 10.1016/j.jaging.2022.101062
 26. Rybtsov S., Berezina T. The Retirement stress increases biological age: searching stress-induced inflammatory and immunosenescence factors of biological aging acceleration // Experimental Hematology. 2020. No 8 (88). P. S78. DOI: 10.1016/j.exphem.2020.09.137
 27. Sadiq S. Experiences and Needs of Older People in Prison // International Journal of Innovative Studies in Sociology and Humanities (IJISSH). 2019. No 4 (6). P. 119–126.

28. Seaward B.L. Managing stress: Principles and strategies for health and well-being. Colorado: Jones & Bartlett Learning, 2017.
29. Sousa-Ribeiro M., Persson L., Sverke M., Lindfors P. Approaching retirement: A qualitative study of older nursing assistants' experiences of work in residential care and late-career planning // Journal of Aging Studies. 2022. No 3 (60). 100994. DOI: 10.1016/j.jaging.2021.100994
30. Tan X., Åkerstedt T., Wang H.-X. Sleep moderates the association between stress at work and incident dementia: study from the Survey of Health, Ageing and Retirement in Europe // Sleep Medicine. 2022. No 12 (100). P. S8–S9. DOI: 10.1016/j.sleep.2022.05.038
31. Zhu R., Onur I. (2023). Does retirement (really) increase informal caregiving? Quasi-experimental evidence from Australia // Journal of Health Economics. 2023. No 1 (87). 102713. DOI: 10.1016/j.jhealeco.2022.102713